Summer Harbour

IV

علیشیر نوائی
НАВОИЙ
525
ALISHER

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

АЛИШЕР НАВОИ

СОЧИНЕНИЯ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН“ УЗБЕКСКОЙ ССР

Алишер Навои

ФАРХАД И ШИРИН

IV

Перевод
Льва Пеньковского

ТАШКЕНТ 1968

(Узб) 1
Н 15

Редколлегия

В. А. Абдуллаев, С. А. Азимов, М. Т. Айбек, В. В. Державин, В. Ю. Захидов, Х. Т. Зарипов, С. Н. Иванов, А. П. Каюмов, С. И. Липкин, И. М. Муминов, Л. М. Пеньковский, Х. С. Сулейманов, Н. С. Тихонов, А. Х. Хайитметов, К. Н. Яшен

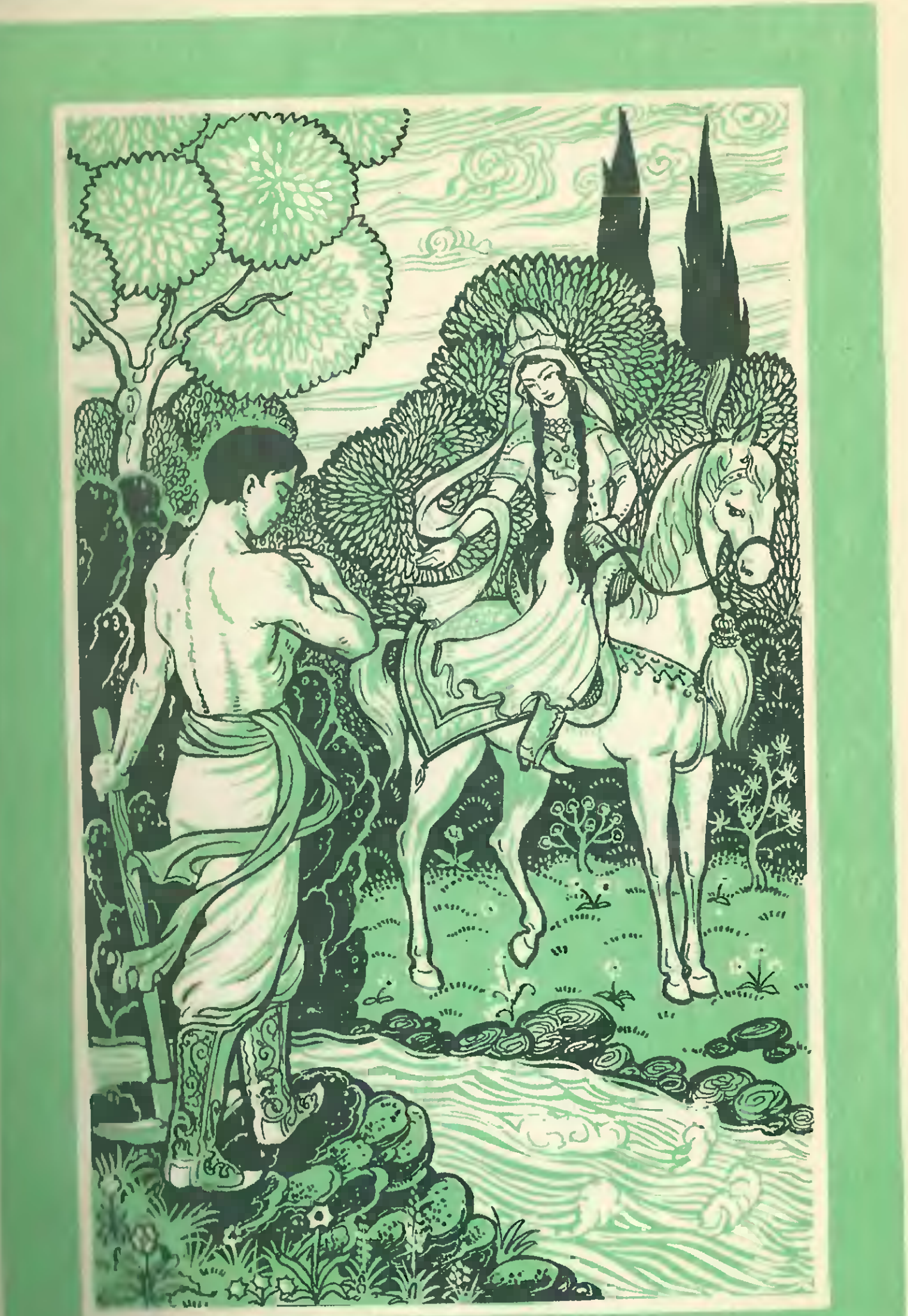
Издание подготовлено к печати Музеем литературы им. Алишера Навои и Институтом языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР

Редактор тома *С. Эркинов*

Оформление Народного художника Узбекской ССР
И. И. Икрамова и *П. Д. Воронкина*

7-4-3

Подп. изд.

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ

О КАЛАМЕ, О НИЗАМИ, О ХОСРОВЕ

Калам![1] Ты нашей мысли скороход.
Превысил ты высокий небосвод.

Конь вороной воображенья! Нет,—
Быстрей Шебдиза[2] ты, но мастью гнед[3].

Неутомим твой бег, твой легкий скок,
А палец мой — державный твой седок.

Гора иль пропасть — как чрез мост, несешь.
Ты скачешь — и, как знамя, хвост несешь.

Нет, ты не конь, а птица-чудо ты:
Летать без крыльев можешь всюду ты.

Из клюва мелкий сыплешь ты агат.
Нет, не агат,— рубинов щедрый град!

Сокровищницу мыслей носишь ты,
О птица человеческой мечты!

Так рассыпал сокровища в стихах
Тот, чей в Гяндже[4] лежит священный прах.

Он мир засыпал жемчугом своим,—
Как звезды, жемчуг тот неисчислим.

Но не растопчет грубая нога
Великого гянджинца жемчуга.

В ушах людей играет жемчуг тот,
Но, как серьга, он в грязь не упадет:

Сквозь ухо проникая в глубь сердец,
Обогащает сердца он ларец.

Нет! Жемчуг тот — по сути говоря —
Наполнить может до краев моря

Так, чтоб его веками черпал всяк
И чтоб запас жемчужный не иссяк.

Кого с тобой в сравненье ни возьми,
Никто тебе не равен, Низами!

А впрочем, был среди людей один —
На Инде певший соловей один[5].

Не соловей, а Хызр[6]. Ведь знаем мы:
Был Индустан ему страною тьмы,

А речь была той звонкой, той живой
Им найденной во тьме водой живой.

Но на ристалище со мной не он,—
Я с Низами бороться принужден.

Рукой схватив такую «Пятерню»[7],
В руке надолго ль силу сохраню?

У всех трещали пальцы до сих пор,
Кто с Низами вступал в подобный спор.

Быть надо львом, чтоб рядом сесть со львом,
Тем более, чтоб в драку лезть со львом.

Иль не слоном таким же надо быть,
Чтоб с хоботом слоновым хобот свить?

И мушка хоботком наделена,
Но муха не соперница слона.

А предо мной слоны: гянджинский слон
Поистине — он исполинский слон!

Да и второй — не столь гигантский слон,
Но слон, однако, индустанский слон!

Обоих ты в молитвах помяни,
Обоих милосердьем опьяни.

Побольше мощи Навои прибавь —
И рядом с ними ты его поставь!

* * *

Эй, кравчий, видишь, как смятен мой дух,—
Налей две чары в память этих двух!

За них две чары эти осушу,
А за Джами [8] я третью осушу!

О ДЖАМИ

Хосров и Низами — слоны, но нам
Предстал Джами, подобный ста слонам.

Вино любви он пьет и меж людьми
Прославился, как Зиндепиль [1], Джами.

Вином единства также опьянен
И прозван Зиндепиль-Хазратом он.

Он чашу неба выпил бы до дна,
Будь чашею познания она.

Плоть в духе утопив, Джами велик,—
Скажи, что он великий материк [2].

Нет,— целый мир! Но как вообразить,
Что точка может мир в себе носить?

Он макрокосмом, а не миром стал!
Для двух миров Джами кумиром стал [3].

В убогий плащ дервиша он одет,
Но богача такого в мире нет.

Бушующее море мысли в нем.
А жемчуга ты и не числи в нем!

Жемчужин столько, сколько скажет слов.
В каком же море столь богат улов?

Дивись его словам, его делам:
Смотри — возник из пенных волн калам!

Тростник морской! Тут чудо не одно:
Что сахар в тростнике — немудрено,

Но чтоб ронял жемчужины тростник [4],
Таких чудес один Джами достиг!..

Я, Навои, навек слуга Джами.
Дай сахар мне, дай жемчуга Джами:

Тем сахаром уста я усладу,
Тот жемчуг в самом сердце помещу.

* * *

Эй, кравчий! Понимай слова гуляк! [5]
Пусть первым пьет Джами — глава гуляк!

Пусть небо превратится в пиалу [6] —
Я буду пить и петь Джами хвалу!

ПОЯСНЕНИЕ К ПОЭМЕ

Пред тем как мне на высях этих гор
Звездою счастья постлан был ковер,

То место ангел подметал крылом
И слезы звезд опрыснули потом.

И сердце здесь покой себе нашло,
Склонило небо предо мной чело.

Приглядываясь к моему листу,
Приобрело здесь утро чистоту.

И вечер приобрел свой цвет чернил,
Когда калам свой кончик зачернил.

Когда же я калам свой заострял,
Меркурий [1] все очинки подбирал.

Калам испытывать я стал теперь,
А счастье в этот миг открыло дверь.

Войдя, оно приветствует меня,
Вином благословения пьяня:

«Бог да узрит старания твои,
Да сбудутся желания твои!

Высок айван, прекрасен тот узор,
На коем ты остановил взор.

Ты на вершине. Прах берешь простой
И превращаешь в слиток золотой.

Роняешь каплю пота — и она
В жемчужину тобой превращена.

Кто пьет великодушья чару, тот
Искомое в той чаре обретет.

Орел высокогорный никогда
Не замечает низкого гнезда.

И Алтаир [2] — сияющий орел —
Меж звездами свое гнездо обрел.

Взлетит повыше мошек дерзкий рой —
И слон бессилен перед мошкарой.

Дом живописью украшать решив,
Так выстрой дом, чтоб сам он был красив.

Пусть рифма у тебя в стихе звонка,
Пленительно преданье, мысль тонка,

Но вникни в летописи давних лет —
В их повестях ты клад найдешь, поэт.

Ты, может быть, еще откроешь клад,
Что пропустил предшественника взгляд,—

И этот клад народу предъяви,
Чтоб стал достоин ты его любви.

А подражать другим певцам — к чему?
Дам волю изложенью своему.

Коня гонять чужим коням вослед —
Ни наслажденья, ни почета нет.

На той лужайке, где не первый ты,
Как соберешь ты лучшие цветы?

Ведь не одна лужайка в цветнике,
А ты не попрошайка в цветнике...»

Была мудра его благая мысль,—
Запала и сердце мне такая мысль.

Я стал раздобывать со всех сторон
Бытописания былых времен.

И награжден за то я был вполне:
Что нужно было, то открылось мне.

Нашел я много в них жемчужин-слов,
Наполнил чару мысли до краев.

Я этот жемчуг миру покажу,
Когда на нити бейтов [3] нанижу.

Предшественники! Черпали вы здесь,
Но ценный жемчуг не исчерпан весь.

Бездонно море слов! Никто из нас
Не может истощить его запас.

И даже я, беспомощный ловец,
Нырнувший в это море, наконец,

Успел собрать столь драгоценный груз,
Что им теперь по праву я горжусь...

И вот что я по совести скажу,
Об этой старой повести скажу:

Да, сладок и поныне хмель ее,
И так же неизменна цель ее:

Людей любви запечатлеть следы —
Их судьбы, скорби, подвиги, труды.

Но все, кто прежде эту чашу пил,
Душой на стороне Хосрова был.

Его превозносили до небес:
Мол, все дела его — дела чудес;

Мол, таково могущество его,
И царство, и имущество его;

Таков, мол, конь его Шебдиз, таков
Несметный клад, что захватил Хосров

И, мол, Шапур был шаху лучший друг
И тешил сказками его досуг;

Мол, наслаждался шах по временам
Халвой Шекер [4], шербетом Мариам,

Но, мол, сей благородный властелин
Высокую любовь питал к Ширин.

Конечно, шах не знал забот и нужд,
Далек от горя был, печали чужд...

Хосрова так усердно восхвалив
И лишь ему вниманье уделив,

Все посвящали до сих пор, увы,
Фархаду лишь одну иль две главы:

Мол, горец он, каменолом простой,—
Ширин его пленила красотой,

И ради встречи с ней Фархад решил
Свершить огромный труд — и совершил.

Но шах Хосров большим ревнивцем был,
И он Фархада бедного убил...

Хоть изложенья лишь такой узор
Поэты признавали до сих пор,

Но каждый столько редких жемчугов
Искусно нанизал на нить стихов,

Что мудрости взыскующий — смущен,
О мастерстве тоскующий — смущен.

Я их читал в волнении таком,
Что горевал над каждым их стихом,

И понял, что гораздо больше их
Мне суждено страдать в трудах моих.

Свернуть на путь иной пришлось тогда:
Вот она, повесть горя и труда.

Не жемчуга и не рубины в ней,—
Кремень! Хоть он и груб, зато прочней.

Хотя на вид рубин — кусок огня,
Но искру высекают из кремня.

Нет, не кремень, а кремневой хребет,
Гряда скорбей, крутые горы бед!

На них — Фархад... Куда же убегу?
Как отвернуться от него могу?

Я сам любовной скорбью угнетен,
Бродить в горах печали осужден.

Настроил сердце на печальный лад,
Создам я повесть о тебе, Фархад.

Нет, о тебе и о Ширин! О вас
Я поведу печальный свой рассказ...

Тот златоуст — великий сын Гянджи,
Чье имя перешло все рубежи,

Кто повести впервые строил дом,
Сказал, что был Фархад каменолом.

Когда же индустанский чародей
Сей повестью пленил сердца людей,

Он, сути не меняя основной,
На многое нанес узор иной.

Его Фархаду дан был царский сан:
Его отцом китайский был хакан [5]...

А я, ведя иначе войско слов,
Поход повел сначала, как Хосров:

Слова начала людям по душе [6],
Когда они знакомы им уже.

«Алиф» у веры отними [7] — она
Из милосердья в зло превращена.

Мы в солнце видим золото [8]. Заметь:
«Шин» отпадет — и остается медь.

* * *

Подай мне, кравчий, яркую свечу,—
Не свет свечи, свет солнца я хочу!

Едва лишь солнце горы озарит,
Я, как Фархад, начну дробить гранит.

Глава XII

РОЖДЕНИЕ ФАРХАДА

Скорбь бездетного китайского хакана. Рождение наследника. Тайная печать судьбы. Ликование старого хакана. Торжества в Китае.

Товар китайский кто облюбовал,
Тот так халат цветистый расшивал.

* * *

Да, красотой своих искусств Китай
Пленяет мир и обольщает рай!..

Был некогда в Китае некий хан,
Не просто хан,— великий был хакан.

Коль этот мир и тот соединить,
Я знал бы, с чем его страну сравнить.

Был до седьмого неба высотой [1]
Хаканский трон роскошный золотой.

Звезд в небесах, а на земле песка
Нам не хватило б счеть его войска.

Таких богатств не видел Афридун [2],
Казался б нищим перед ним Карун [3].

Завоеватели пред ним — рабы,
Сдают ему владенья, гнут горбы.

Как океан, как золотой рудник,
Он был богат и щедрым быть привык.

Нет, рудником глубоким не был он,—
Был солнечным высоким небом он.

Его взыскав, ему давало все
Судьбы вертящееся колесо;

Как никого, прославило его,
Единственным поставило его,

Единственным настолько, что ему
И сына не давало потому.

Венцом жемчужным обладает он,—
О жемчуге другом мечтает он.

В саду его желаний — роз не счесть,
Но есть одна — о, если б ей зацвесть!

Он, льющий свет на этот мир и тот,
Сам будто в беспросветной тьме живет.

Он думает: «Что власть, хаканство? Нет,
Я вижу: в мире постоянства нет.

И вечности дворец — не очень он
Высок, пожалуй, и непрочен он.

И чаша власти может быть горька.
И человек, процарствуй хоть века,

Чуть он хлебнет вина небытия,
Поймет все то, что понял в жизни я.

Хакан, чей трон, как небосвод, высок,
Бедняк, чей кров — гнилой кошмы кусок,—

Обоих время в прах должно стереть:
Раз ветвь тонка, то ей не уцелеть...

Ты смотришь в небо тщетно, властелин,—
Где жемчуг твой заветный, властелин?

Без жемчуга — какой в ракушках прок?
Хоть океан безбрежен и глубок,

Но жемчуга лишенный океан —
Что он? Вода! Он, как хмельной буян,

Бессмысленно свиреп, шумлив и груб,
Лицо — в морщинах, пена бьет из губ.

Хоть тополь и красив, но без плодов,—
Он только топливо, охапка дров.

От облака — и то мы пользы ждем,
Оно — туман, коль не кропит дождем.

Огонь потух — в том нет большого зла:
Раздуешь вновь, пока хранит зола

Хоть уголек, хоть искорку... А я...
Ни искрой не блеснет зола моя.

Я море безжемчужное, скажи,
Что я стоячий пруд,— не будет лжи.

Владыка я, но одинок и сир.
И лишь покину этот бренный мир,

Чужой придет топтать мои ковры,
Чужой тут будет пировать пиры,

Ласкать красавиц, отходить ко сну,
Развеивать, как пыль, мою казну,

Сокровища мои он распродаст,
И всю страну войскам врага предаст,

И клеветой мою обидит тень,
В ночь превратит моих желаний день.

Бездетен я — вот корень бед моих.
Страдать и плакать сил уж нет моих.

О господи, на боль мою воззри —
И отпрыском закат мой озари!..»

В мечтах о сыне ночи он не спал,
Он жемчуг слез обильно рассыпал.

Чтоб внял ему всевышний с высоты,
Давал обеты он, держал посты,

Он всем бездетным благодетель был,
Для всех сирот отец-радетель был.

О, предопределения перо!
Забыл хакан, что и, творя добро,

Ни вычеркнуть, ни изменить твоих
Нельзя предначертаний роковых.

Ждет человек успеха, но — гляди —
Злорадствует помеха впереди.

Не зная, радость, горе ль пред тобой,
Не стоит спорить со своей судьбой.

Хакан с ней спорить не хотел, не мог,—
Но он молился — и услышал бог...

* * *

Иль новый месяц так взошел светло?
Не месяц — солнце новое взошло.

Не солнце — роза. Но ее не тронь:
Не роза расцвела — возник огонь.

О, не подумай, что огонь так жгуч:
То вспыхнул скорби неуемной луч...

Едва младенец посмотрел на свет,
Судьбою был ему на перст надет

Печали перстень, и огнем пылал
В его оправе драгоценный лал.

Не сердце получил младенец,— он
Был талисманом горя наделен,

И просверлил нездешний ювелир
Свое изделье, выпуская в мир.

В его глазах — туман грядущих слез,
В его дыханье — весть гнетущих грез,

Печать единолюбия на лбу
Предсказывала всю его судьбу.

Сказало небо: «Царь скорбящих он».
Сказал архангел: «Царь горящих он».

Хан ликовал. Он стал настолько щедр,
Что море устыдил и глуби недр.

Издал хакан указ: дома должны
Шелками, по обычаю страны,

Так быть украшены, чтоб уголка
Не оставалось без шелков... Шелка́ —

Узорные, тяжелые, пестрят,
Украсили за домом дом подряд.

Китай разубран, разрисован весь,
Народ ликует — он взволнован весь.

В те дни народ мог делать, что хотел,
Но нехороших не случилось дел.

С тех самых пор, как существует мир,
Нигде такой не праздновался пир.

Все скатерти — не меньше неба там,
Как диски солнца, были хлебы там.

Снял с землепашцев, как и с горожан,
За пятилетье подати хакан.

Народ в веселье шумном пребывал,
И караван невзгод откочевал

Из той страны китайской, и она —
Счастливейшая среди стран страна:

Нет ни морщинки на ее чертах [4],
А если есть кой-где, то в городах...

* * *

И мне хоть кубок выпить, кравчий, дай
Той красной влаги, что на весь Китай

Лилась рекой на щедром том пиру,
Чтоб вдохновиться моему перу!

Глава XIII

ВОСПИТАНИЕ ФАРХАДА

Кто и почему назвал младенца Фархадом? Физическое и умственное развитие Фархада. Учитель царевича. Успехи в науках. Успехи в рыцарских доблестях. Характер Фархада. Любовь народа к Фархаду.

Жакана сыном наградил творец
Наградой осчастливлен был отец.

* * *

И стал хакан раздумывать, гадать,
Какое бы младенцу имя дать:

От блеска красоты его — Луне
Прибавлен блеск[1] и Рыбе в глубине.

С царевичем (так было суждено)
И счастье государства рождено.

Хакан подумал: «В этом смысл найди:
Блеск — это «фарр» [2], а знак судьбы — «хади».

Так имя сыну дал хакан: Фархад...
Нет, не хакан,— иные говорят,

Сама любовь так нарекла его,
Души его постигнув естество.

Не два понадобилось слова ей,—
Пять слов служило тут основой ей:

«Фирак» — разлука. «Ах» — стенаний звук,
«Рашк» — ревность, корень самых горьких мук,

«Хаджр» — расставанье. «Дард» — печали яд.
Сложи пять первых букв [3], прочтешь: «Фархад».

Как золотая клетка ни блестит,
Однако птица счастья в ней грустит.

Пышна Фархада колыбель, но в ней
Все плачет он, тоскует с первых дней.

Невеста небосвода [4] день и ночь
С него очей не сводит: чем помочь?

Десятки, сотни китаянок тут,
Как соловьи сладчайшие, поют,

Но в нем печаль, какой у детства нет,—
Навеять сон Фархаду средства нет!

Кормилица ему давала грудь —
К соску ее он не хотел прильнуть,

Как тяжелобольной, который в рот
И сладкий сок миндальный не берет.

Другою пищей дух его влеком,
Другим Фархад питался молоком:

То — молоко кормилицы любви,—
Ему в духовной вылиться любви.

Фархад особенным ребенком рос:
Как муравей питаясь, львенком рос.

В год — у него тверда была нога,
В три — не слова низал, а жемчуга,

И речь его не речью ты зови,—
Зови ее поэмою любви.

В три года он, как в десять, возмужал,
Все взоры этим чудом поражал...

Отец подумал, что пора начать
Наследника к наукам приобщать.

Учителя нашел ему хакан,
Чьи знания — безбрежный океан,

Кто так все тайны звездных сфер постиг,
Что в них читал, как по страницам книг,

И, на коне раздумья вверх несясь,
Все отмечал, все приводил он в связь;

Хотя и до него был разделен
На много клеток небосвод, но он

Так мелко расчертил его зато,
Что небо превратилось в решето.

И если мудрецам видны тела,
То телом точка для него была [5].

Постиг он все глубины естества
И математики и божества.

Был в Греции он, как философ, чтим,—
Стал Аристотель школьник перед ним...

Сказал мудрец Фархаду: «Полюби
Науку с корешка — от «Алиф-Би» [6].

«Алиф» воспринял как «алам» [7] Фархад,
«Би» как «бела» [8] истолковать был рад.

Тот день был первым днем его побед,—
Он в первый день освоил весь абджед [9].

Умом пытлив и прилежаньем рьян,
Он через год знал наизусть коран.

Знал все построчно, постранично он
Ни слова не читал вторично он.

Но, раз прочтя, все закрепит в мозгу,
Как бы резцом наносит на доску...

И лишь когда он про любовь читал,
Он те страницы вновь и вновь читал,

И чувствовал себя влюбленным сам,
И предавался грусти и слезам;

И если так влюбленный горевал,
Что ворот на себе в безумстве рвал,

То и Фархад проклятья слал судьбе,
Безумствовал, рвал ворот на себе.

Не только сам обидеть он не мог,—
Ничьих страданий видеть он не мог.

Всегда душой болея за других,
Он, как мудрец, был молчалив и тих.

Отца он в размышления поверг,
У матери — в печали разум мерк.

Хан утешал: «Все дети таковы».
Мать плакала: «Нет, только он, увы!»

Ах, не могли они его судьбу
Прочесть на этом скорбном детском лбу!

Когда Фархаду стало десять,— он
Во многих был науках искушен,

И в десять лет имел такую стать,
Какой и в двадцать не дано блистать.

Все знать и все уметь хотел Фархад.
Оружием наук владел Фархад,

Оружием отваги — силой сил —
Теперь он также овладеть решил,

И не остался пред мечтой в долгу:
В кольцо сгибал он радуги дугу,

Соединять ее концы он мог,
Соединяя Запад и Восток.

Тупой стрелой он мог Арктур пронзить,
А острой мог зенит он занозить;

Планету Марс он на аркан ловил,
Созвездью Льва хребет он искривил;

Он выжал воду из созвездья Рыб;
Он шестопером семь бы сфер прошиб.

Со скоростью круженья сфер — свое
Умел меж пальцев он вращать копье

Так, что казалось — он прикрыт щитом,
Полнебосвода им затмив притом.

Он горы так умел мечом рассечь,
Что прорубал в горах ущелья меч.

И пусть гора одета сплошь в гранит,—
Навек прорехи эти сохранит.

Под палицей его Альбурз [10] бы сам
Взлетел мельчайшим прахом к небесам.

Когда б он руку Руин-Тену[11] сжал,
И Руин-Тен, как мальчик бы, визжал.

Но хоть ученым он прослыл большим
И был, как богатырь, несокрушим,

Он скромен был, как новичок, едва
По буквам составляющий слова.

Он силой не хвалился никогда,
Ни в чем не заносился никогда,

И равнодушен к власти, он скорей
На нищенство сменил бы власть царей.

Он сердцем чист был и очами чист,
Всем существом, как и речами,— чист,

Чистейшее на свете существо!
И весь Китай боготворил его,

И чуть прохладный дунет ветерок,
Молились все, чтоб бог его берег,

И каждый достоянья своего
И жизни бы лишился за него!

А чтоб не знал ни бед, ни горя он,
Чтоб никакой не ведал хвори он,

Хан щедро подаянья раздавал,
Что день, то состоянья раздавал.

Фархад достиг четырнадцати лет,
Но боль в душе носил, как амулет...

* * *

Вина печали нам подать изволь,
Чтоб заглушить в душе печали боль:

Пока беда не занесла свой меч,
Пусть пир шумит, а мы продолжим речь.

Глава XIV

ОБРЕЧЕННОСТЬ ФАРХАДА

Юность. Врожденная скорбь. Страстное влечение к рассказам о несчастной любви. Старания хакана развеселить сына. Искусство чародеев. Дворец Весны. Дворец Лета. Дворец Осени. Дворец Зимы. Вазир Мульк-Ара.

Тот зодчий, что такой дворец возвел,
В нем все предусмотрел и все расчел.

* * *

Любовь сказала: «Мной Фархад избран,—
Румянец розы превращу в шафран».

На стройный стан его давя, печаль
Решила изогнуть «Алиф» [1], как «Даль» [2].

Клялась тоска: «Он мной заворожен,—
Из глаз его навек похищу сон!»

Мечтала скорбь: «Разрушу я потом
До основанья этот светлый дом...»

Хоть замыслов судьбы предречь нельзя,
Но не заметить их предтеч — нельзя:

Готовя нам злодейский свой удар,
В нас лихорадка зажигает жар;

Пред тем как осень оголит сады,
Шафранный яд уже налит в сады;

Кому судьба грозит бедой большой,
Тот омрачен заранее душой.

Хотя пиров не избегал Фархад,
Но в сладость их тоска вливала яд.

Он пьет розовоцветное вино,—
Не в сласть ему, заметно, и вино.

И музыка звучит со всех сторон,—
И музыкой Фархад не ободрен.

Не веселит ни песня, ни рассказ,
Ничто не радует ни слух, ни глаз.

А если в грустных месневи [3] поют
О двух влюбленных, о любви поют,—

Иль о Меджнуне [4] вдруг заговорят,—
В слезах, горюя, слушает Фархад...

Отец вздыхал: «Что это значит все?
Что сын тоскует, что он плачет все?

Иль мой Китай совсем безлюден стал?
Иль он диковинами скуден стал?

Иль девушки у нас нехороши,
Жасминогрудые, мечта души?

Иль нет у нас искусных штукарей,
Что чудеса творят игрой своей:

Из чаши неба достают мячи,
Проглатывают острые мечи;

Стянуть умеют мастера чудес
Фигуру с шахматной доски небес.

Во тьме ночной умеют вызвать день,
День затмевают, вызвав ночи тень;

Черпнут воды ладонью — в ней огонь,
Черпнут огонь — полна воды ладонь;

На паутинке держат тяжкий груз,
Меняют вид вещей и пищи вкус,

И делают иные чудеса,
В смущенье приводя и небеса...»

О чародеях вспомнив, с той поры
Хакан их приглашал на все пиры.

Царевича их мастерство влекло,
Оно в нем любопытство разожгло,

И стал следить за их работой он,
Вникал во все с большой охотой он,

Постиг все тайны их волшебных дел
И, наконец, к ним также охладел.

Да, свойство человека таково:
Все недоступное влечет его,

Для достиженья не щадит он сил,
Но лишь достиг желанного — остыл...

Когда хакан увидел, что Фархад
Уже всем этим радостям не рад,

Он призадумался и духом пал:
Казалось, он все средства исчерпал.

Но нет,— придумал! О, любовь отца!
Четыре будет строить он дворца:

«Четыре времени имеет год,—
Для каждого дворец он возведет.

Пусть в них живет поочередно — пусть
В них навсегда Фархад забудет грусть,

И каждый раз, живя в дворце ином,
Иным пусть наслаждается вином.

Каков дворец — таков при нем и сад,—
Там розы самоцветами висят.

Дворцу весны, приюту нежных грез,
Приличествует цвет весенних роз,

Пленяет зелень летом нам сердца,—
Зеленый цвет — для летнего дворца.

Ты так его, строитель, сотвори,
Чтоб садом был снаружи и внутри.

А третьему найти ты должен цвет,
Как осени шафранно-желтый цвет.

И золотом его щедрей укрась,
Чтоб с осенью была полнее связь.

Дворец четвертый для зимы построй,
Чтоб спорил белизною с камфарой,

Чтоб он сверкал, как горный лед, как снег,—
Дворец для зимних радостей и нег!

Когда же все четыре завершим,—
Невиданное в мире завершим.

Земных сравнений им не выбирай,—
В любой дворец Фархад войдет, как в рай.

В Китае соберу со всех концов
Красавцев и красавиц для дворцов,—

Гилманов [5], гурий поселю я там,
Наследника развеселю я там.

Скорей представь нам, зодчий, чертежи,—
Всю мудрость, дар свой, душу в них вложи.

И тотчас же ремесленных людей
Мы соберем по всей стране своей,

Чтоб каждый в дело все искусство внес,
Будь живописец иль каменотес,—

Чтоб вытесать побольше плит могли 6
Из каменных разнопородных глыб,

Дабы из них полы настлать потом
Иль выложить дворцовый водоем;

Картины пусть нам пишут для дворцов,
Пусть шелком нам их вышьют для дворцов,

Чтоб каждый миг, куда б ни бросил взгляд,
Искусством развлекаться мог Фархад.

Покуда же последний из дворцов
Не будет окончательно готов,

Мы также сыну не дадим скучать:
Фархад ремесла станет изучать,

И, чем трудиться больше будет он,
Тем скорбь свою скорей забудет он...»

Хакан повеселел от этих дум.
Но одному трудней решать, чем двум.

Был у него один мудрец-вазир [6],
Прославленный на весь китайский мир.

Благоустроен был при нем Китай,
Украшен был его умом Китай.

Велик вопрос был иль ничтожно мал,
Шах только с ним дела предпринимал.

Вазиру имя было Мульк-Ара [7].
Он был душой хаканского двора,

Он преданнейшим человеком был,
Он при Фархаде атабеком [8] был,

И за Фархада, как родной отец,
Скорбел немало тот вазир-мудрец.

И в этот раз хакан послал за ним —
И поделился замыслом своим.

И тот сказал хакану: «Видит бог,
Мудрей решенья ты найти не мог.

Скорей за дело, чтоб Фархад не чах...»
И дело все ему доверил шах.

И Мульк-Ара, душой возликовав,
Перед хаканом прах поцеловав,

Ушел и дома стал вести учет
Припасов, средств, потребных для работ...

* * *

Подай мне, кравчий, чистого вина,—
Постройки роспись вся завершена.

Не вечны и небесные дворцы,
Что ж наши легковесные дворцы?!

Глава XV

СТРОИТЕЛЬСТВО ДВОРЦОВ

Выбор места. Приглашение мастеров. Зодчий Бани. Художник Мани. Мастер каменных дел Карен. Строительство. Приезд царевича. Фархад увлечен искусством Карена.

Кто это предприятье в руки взял,
Тот в летописи так о нем писал

* * *

Когда подсчеты кончил Мульк-Ара,
Сказал он: «К делу приступать пора!»

Он выехал и ехал без помех,
Ему в пути предшествовал успех

Шло в свите много мудрых зодчих с ним,
Шло много мастеров, рабочих с ним.

Так ездили они из края в край,
Объездили едва ль не весь Китай,

Четыре места для дворцов избрав,
Четыре скажешь рая — будешь прав...

Два мастера в Китае было, два —
Не говори — художника-волхва!

Друг другу были равными они:
Один из них — Бани [1], другой — Мани [2].

Иной не кончит и крыльца чертеж,—
Бани кончал всего дворца чертеж.

Он над водою ставил купола,
В которых легкость горних сфер была,

И так легко, в такой короткий срок,
Как водяной плавучий пузырек.

Он известью своей был знаменит,—
Бутил подстенья крепче, чем гранит.

Во все, что на земле он воздвигал,
Небесных сводов прочность он влагал.

Другой — Мани — такой художник был,
Кого художник неба возлюбил

И подарил ему свой божий дар,
И кисть свою поднес он тоже в дар.

То, что умел изобразить Мани,
Картиною бездушной ты не мни:

Нет, с мертвого бумажного листа
Сияла самой жизни красота!

Еще один там мастер был — Карен.
Он не писал картин, не ставил стен,—

Он был граниторез, граниторуб,
Ему гранит не тверже был, чем дуб.

Ни пил его, ни сверл и ни зубил
И самый твердый камень не тупил.

Служа своим искусством красоте,
Карен писал резцами на плите.

Но пригласил вазир не только их —
Созвал он многих мастеров других.

Вазир им тонко дело изложил,
Весь замысел всецело изложил:

Мол, так и так великий хочет шах,
И почему о том хлопочет шах,

И как Фархада следует развлечь,
Чтоб от судьбы ужасной уберечь.

Когда вазир словами их зажег,
Он высыпал им золота мешок,—

Как мусор, деньги высыпал, как прах,
Чтоб поощрить на первых же порах.

Коснулись глаз руками мастера [3]:
«Бери все наши знанья, Мульк-Ара!..»

Все припасти не мог один вазир,—
Назначил четырех старшин вазир...

...Не только поселенья,— посмотри:
В Китае зашумели пустыри.

Под грузом кетменей, кувалд, лопат
Ползут арбы, на весь Китай скрипят,—

Везут их в горы, на места работ,
Где добывают камень всех пород,
Вытесывают плиты и столбы
И день и ночь их грузят на арбы.

Нет, не арбы — небесные миры
С зари и до зари ползут с горы,

Везут к местам строительства дворцов
И мрамор и гранит любых цветов.

И по морю со всех концов земли
Плывут в Китай большие корабли,—
Заморский ценный груз туда спешит:
Крепчайший эвкалипт, сандал, самшит,

И дерево под плотницкой пилой
Опилками пылит, как снег зимой.

Строители под пенье рубаи [4]
С землей и камнем там ведут бои;

До Рыбы роют заступ и кирка [5],
Выводят стены там под облака;

Под окрики начальников работ
Без передышки трудится народ:

Возводит он на четырех местах
Четыре рая, как задумал шах...

* * *

Когда царевич обо всем узнал,
Про каждый сад и водоем узнал,

Про красоту и роскошь тех палат,—
Он сильным любопытством был объят.

Как ясный месяц на коне небес,
Он в путь пустился ко дворцам чудес.

И сто красавцев, каждый на коне —
Вокруг него, как звезды при луне.

Фархада конь без передышки мчал —
Царевич и пути не замечал.

Вот прибыл он в те райские места,—
Ему дворцов открылась красота.

И так шумел и так кипел здесь труд —
Казалось, светопреставленье тут!

И так был возбужден народ труда —
Забыт был сон и в рот не шла еда.

Хоть стены были до небес в лесах,
Но как Сатурны, в самых небесах

Над ними так сияли купола,
Что небеса кричали им: «Хвала!»

Любой из четырех дворцовый свод
Являл собою новый небосвод.

Царевич, видя столько дивных дел,
Свой палец прикусил и онемел.

В любом труде кипел там страсти пыл,
Самоотвержен каждый мастер был.

Тут действовал топор, а там — тесло,—
Вникал Фархад в любое ремесло.

Глядел он, от восторга не дыша,
Что с твердым камнем делает тиша [6].

Глядел, как бьет каменотес тишой,
Как он в куски дробит утес большой;

Как твердый камень режут, словно воск,
Обтесывают и наводят лоск;

Один долбит для стока вод гранит,
Другой подножья для колонн гранит,

А третий — будто вышивал ковер —
Резцом на камень наносил узор.

Он на граните так чертить умел,
Что сам Мани от восхищенья млел.

Порой — шутя, порой — с трудом большим —
Мир изумлял искусством он своим.

И, мастерство такое увидав
И волю любознательности дав,

Взволнованный Фархад с коня там слез
И наблюдал, что делал камнерез.

И так сказал: «Знаток искусства ты,
Мои в смятенье ввергнул чувства ты.

В твоих руках гранит — как мягкий воск,
И этого постичь не в силах мозг:

Коль дерево потверже ты стругнешь,
И то ведь скоро зазубрится нож,—

Каков же у твоей кирки закал,
Чтоб ею ты граниты обсекал

И чтоб в такой работе у нее
Нисколько не тупилось острие?

О, изложи нам тайну мастерства,
Что отрицает свойства естества!»

И мастер, прах пред ним облобызав,
С благословенья начал, так сказав:

«Покуда Каф-гора [7] стоит средь гор
И страшен ей лишь молнии топор,—
На голову твою да не падет
И малый камень горя и невзгод,

А голову всех бедствий и скорбей
Сам камнем счастья своего разбей!

Карен мне имя. Вот тесло мое
И вот — гранит. В них — ремесло мое.

Спросил ты: «Как же остроту хранит
Мое тесло, всегда грызя гранит?»

Закалку мы особую даем,
Но в тайне сохраняем наш прием.

Таким орудиям износу нет,
Не то что камень,— режь хоть сталь сто лет.

Китай все страны мира превзошел,
Во всех искусствах до вершин дошел,

Но и Китай не мог постичь пока,
Что делает с киркой моя рука».

Фархад сказал: «Быть может, я пойму,
Коль пригляжусь к искусству твоему?

При мне, мудрец, работу продолжай,
Грани гранит, узором украшай».

Карен-гранильщик был весьма польщен,—
Коснулся головою неба он.

Он понял, как был увлечен Фархад,—
Проверил весь рабочий свой снаряд,

И вспыхнул в нем его искусства пыл:
Он вдохновенно к делу приступил.

И, загорясь всем сердцем, всей душой,
Следил царевич за его тишой,

Следил, покуда солнце свой костер
Не погасило за оградой гор,

И неохотно на закате дня
Царевич сел на своего коня.

А конь, известный твердостью копыт,
С которой мог поспорить лишь гранит,

Понес его, как солнце этих гор,
Обратно в город сквозь степной простор...

* * *

Эй, кравчий, дай поярче мне вино —
Печали шип пусть унесет оно!..

Не шип пусть унесет,— отвалит пусть
Гнетущую, как глыба камня, грусть!

Глава XVI

ОТДЕЛКА ДВОРЦОВ

Обучение у каменотеса Карена. Тайна закалки горных орудий. Изучение живописи Отделка дворцов. Гурии во дворцах. Бассейны с вином. Награждение строителей. Заготовка пиршественных припасов.

Тот, кто резец на камне отточил,
На том же камне вот что начертил.

* * *

Бессилен мудрый старец-разум там,
Где воля покоряется мечтам.

Граниторезным зрелищем прельщен,
Фархад покоя сердца был лишен.

Он, к ночи возвратясь в свой дом, всю ночь
Был возбужден, не спал потом всю ночь.

Когда же черной ночи грузный мрак
Стал рушиться (в землетрясеньях так

Вершины рушатся со всех сторон),
И день злато-рубиновый свой трон

Стал утверждать на острых пиках гор,
И мраморный изменчивый узор

Украсил небо,— с ложа встать спешит
Фархад-царевич, тот второй Джемшид [1].

В места работ коня торопит он,—
Там переймет Каренов опыт он...

В смятение пришли все мастера:
«Царевич к нам пожаловал с утра!»

И в каждом рвенье втрое возросло:
«Фархад ценить умеет ремесло!»

А он — на что свой взгляд ни кинет, вмиг
Находит с мастером один язык.

Решил ему все показать Карен:
Учил его гранит тесать Карен.

И кузнеца позвал он, наконец:
«Свое искусство покажи, кузнец!»

А тот силач железнорукий был,
Большой знаток в своей науке был,

И он сказал: «За дело я берусь».
Он положил в огонь железный брус,

И черный брус железный красным стал,
Как исполинский бадахшанский лал [2].

И для Карена выковал кузнец
Кирку, тесло, зубило и резец.

Но закалял их сам Карен потом:
От кузнеца скрывал он свой прием.

И тут же проверял он свой закал:
Тесал гранит и искры высекал...

Фархад, как зачарованный, глядел,
Вникал и в явь и в тайны мудрых дел.

Хоть много тонких знал ремесел он,
Но все забыл бы и забросил он,

Чтоб и в гранильном деле мог достичь
Всех совершенств, чтоб цели мог достичь.

На выучку он был готов пойти
Не к одному Карену — к десяти.

Людей стесняясь, стал Фархад тайком
Орудовать теслом и молотком.

Он делал чудеса, тайком учась:
Ему — минута, что другому — час...

Но не стоял — вращался небосвод,
Чередовался дней круговорот.

Четыре года что для мудреца?
Вот все четыре кончены дворца —

Четыре рая!.. Шла отделка стен:
Наружные разделывал Карен,

А внутренние — лишь зайди, взгляни,—
Узнаешь кисть художника Мани.

Мани писал на стенах, а Фархад
Теперь других не находил услад,

Помимо дивных живописных дел.
И этим он искусством овладел:

Мани картину на стене творит,—
Царевич на бумаге повторит.

Он постигал почти мгновенно все.
Так изучил он постепенно все:

Владеть каменотесным делом стал,
И живописцем он умелым стал,

Всегда стремясь в глубины существа,
На светлые вершины мастерства,

И до глубин дошел и до высот,
Весь полон знаний, точно медом — сот...

* * *

И так, умы волнуя и сердца,
Четыре райских вознеслись дворца.

При каждом сад, и каждый сад иной,
Но каждый — настоящий рай земной.

Дворец Весны снаружи и внутри
Был розовым — на что ни посмотри:

Все стены и полы, и потолки,
Все двери, окна, ниши, уголки,

И нежным цветом роз с его картин
Светились лица женщин и мужчин.

Там розовыми были все ковры,
На ложах шелк был розовой игры,

Был розовый бассейн. Но ты о нем
Не говори, что это водоем;

Нет, розовое было в нем вино,—
По арычкам в него текло оно.

Пройдешь вокруг, и под ногой звенят
Сплошь самоцветы — яхонт и гранат.

Куда ни взглянешь — розовый цветник,—
Здесь даже в мрамор запах роз проник;

Звенел повсюду соловьиный щелк;
Одетые в розовоцветный шелк,

Красавицы, как розы, все нежны,
Прогуливались по дворцу Весны.

* * *

Дворец для лета так построен был,
Что весь зелено-голубой он был.

Вокруг него — свежезеленый луг
И сосны с кипарисами — вокруг;

И всяких птиц порхали стаи там,
И было много попугаев там,

Ученых, вещих, и в зеленый цвет,
Как ангел божий, каждый был одет,

Красавицы гуляли на лугах,
С лазоревыми чашами в руках;

Сиял зеленый купол над дворцом,
Фарфоровым отделан изразцом;

И пол зеленым облицован был,—
Из тех же самых изразцов он был.

Бассейны были из зеленых плит:
Борта и дно — лощеный хризолит.

Вокруг бассейнов — камешки, но тут
Насыпан не рубин, а изумруд...

* * *

Но разукрашен весь иначе был
Дворец, который предназначен был

Для осени: тут было все желто,
Ее дыханьем будто налито.

Вверху простерся легкий, некрутой,
Широкий купол цельнозолотой.

На стенах — мрамор, желтый, как янтарь,
Не дом — янтарный, золоченый ларь.

Как солнце, языкастые круги,
Слепящие, вихрастые круги —

Отделка стен наружных. Но смотри,—
Не меньше было золота внутри!

Старался мастер, не был скуп хакан —
Тут все янтарь и золотой чекан,

А в росписи стенной — не мастерство,
Божественного духа торжество!..

Бассейн — очарование очей —
Из золотых был сложен кирпичей.

И желтое вино плескалось в нем,
Играющее золотым огнем.

И вкруг него — под цвет вину как раз —
Насыпан золотистый был топаз.

Там девушки сияли, как заря,
В шелках прозрачных цвета янтаря...

* * *

И вот — стоит четвертый, наконец,
Для зимних нег построенный дворец.

Весь мраморный, белее мела весь,
Не мраморно — камфарно-белый весь!

В серебряном окружье — потолок
Сиял, как между век глазной белок.

На стенах, ослеплявших белизной,
Был серебристо-белый шелк сквозной.

Блистали серебристые шелка
На ложах из слонового клыка.

Был даже пол там белый — сплошь фарфор,
На нем — белее хлопка был ковер.

Серебряный бассейн — как изо льда,
Как перламутр, играла в нем вода,

А каждой капли переливный блеск —
Жемчужины отборной дивный блеск.

И ночью светел был любой покой,
От девушек струился свет такой:

Лучисто-серебрист был цвет их тел,
А цвет одежды был жасминно-бел...

* * *

Взгляни на те китайские дворцы:
Кумирни или райские дворцы?

Какие там кумирни! По красе
Дворцовые сады — Иремы [3] все!
Нет! Каждый из дворцов хаканских там
Мог красотой затмить Мекканский храм!

Когда открыть дворцы пришла пора,
Отправился к хакану Мульк-Ара,

И все ему подробно доложил:
Как вел дела он, как их завершил.

Хакан, доклад прослушав, ликовал,
И слов не находил он для похвал.

С Фархадом и с вазиром к тем дворцам
Затем решил пуститься в путь и сам.

Вот прибыли они. Помилуй бог!
Как человек создать такое мог?!

В саду Весны — красоты, чудеса!
Вошли в дворец — без счета чудеса!

Второй дворец — земной чудесный рай,
А третий — краше, чем небесный рай!

В четвертом же такая красота,
Что и нейдут сравненья на уста!

Немеет разум тут, бессилен дух,—
Так очарованы и глаз и слух.

Здесь все загадка, все тревожит ум.
Таких красот постичь не может ум.

Хан мастерам не пожалел наград:
Кто что просил, он выдавал стократ.

Вазир всегда был у него в чести,
Теперь же — выше не превознести.

И отдал шах Фархаду для утех
Дворцы, сады и райских гурий тех.

Потом распорядился, чтоб вазир
Для каждого дворца готовил пир,

Чтоб пировал три месяца подряд,
В том иль ином дворце живя, Фархад...

Не медлил и ни часу Мульк-Ара:
Готовить стал запасы Мульк-Ара.

На каждый день припас вазир-мудрец
Сто лошадей и тысячу овец,

Припас на целый год сластей, плодов
И тонких вин всех вкусов и цветов...

* * *

Китайской красотой пленен давно,
И я люблю китайское вино:

Так не забудь же, кравчий, и щедрей
И нам вина китайского налей!

Глава XVII

ПИРЫ ВО ДВОРЦАХ

Весенний пир. Летний пир. Осенний пир. Зимний пир. Конец пирам. Снова роковая скорбь. Отчаяние хакана.

Лишь солнце к знаку Овна подойдет,
За розой роза на земле цветет.

Небесная хлопочет мешшате [1],
Служа земной весенней красоте:

Румянит щеки краскою дневной,
Сурьмит ей кудри краскою ночной.

С высот она дождем кропит цветы,
Бутонам роз опрыскивая рты.

Нарцисс, промокнув, никнет головой,
Как будто спит, как будто сам не свой.

Застенчивый, он — между ярких роз —
До бледности смущается, до слез,

А шалунам-бутонам, как на грех,
И эта скромность — смех, и слезы — смех.

И в смехе так раздуется бутон,
Что, лопнув, сразу розой станет он.

А роза все пышнеет, и над ней
Уже влюбленный стонет соловей,

Так стонет он, ее любви прося,
Что роза кровью закипает вся,—

И рдеет, рдеет... Впрочем, я не прав:
Избранницею соловьиной став,

Полна не кровью алою она,
А настоящим пламенем полна.

Вот почему поэты говорят,
Что розы летом на кустах горят.

Когда же налетевший ветерок,
За лепестком срывая лепесток,

Как искрами, засыплет весь цветник,—
Нам кажется, что здесь пожар возник,

Что огненный здесь ливень долго лил
И докрасна всю землю накалил.

Однако же избранницы своей
Забыть не в силах грустный соловей:

Над жаром остывающим кружа,
Он носится стремительней стрижа,

И крылышками тщится как-нибудь
Огонь, потухший в лепестках, раздуть...

* * *

Как ни богата розами в тот год
Была весна, о коей речь идет,

Но в розовом дворце, в том мире грез,
Куда хакан царевича привез,

Едва над ним взвился веселья флаг —
Такое было изобилье благ,

Что даже розы в цветнике Весны,
Казалось, были уж не столь красны.

Внутри убранство стен и потолков —
Из розовых узорчатых шелков.

На розовый свой трон воссел хакан,
Фархад — с ним рядом. Так хотел хакан.

В розоподобном кресле — Мульк-Ара,
За ним — весь цвет китайского двора.

Огонь вина веселье в них зажег,
На их щеках алел тот огонек.

Розоволики, в розовых шелках,
То здесь, то там — в укромных уголках —

Пленительны, как розы поутру,
Сидели китаянки на пиру.

Розоволикий кравчий всем равно
Там розовое подносил вино,

И пили молодой и пожилой
До капли пиалу за пиалой.

Как соловей над розовым кустом,
Пел молодой певец на пире том.

Шло день за днем всегда веселье там.
Пробились розы даже в щели там,

Пройдя, как бы сквозь камень, во дворец,
Осыпав лепестками весь дворец...

Царевич пил, и счастлив был хакан,
Что сын его так оживлен, румян.

Он в счастье плакал, глядя на него,
И нежно руки гладил он его,

И все его духами орошал,
Цветами, жемчугами украшал.

Любил Фархада не один отец:
Царевич был кумиром всех сердец.

Гостями, как и всем Китаем, был
Фархад любим и почитаем был...

* * *

А между тем три месяца пройти
Успели звезды на своем пути.

На розы ветер знойный налетал,
Их лепестки по саду разметал.

Деревья скрылись под густой листвой,
Оделся луг в наряд зеленый свой,—

Сказал бы я: эмалевый... но нет:
То — неба сине-бирюзовый цвет.

На всех лужайках зеркала воды —
Серебряные ручейки, пруды.

И отраженья в водных зеркалах,
Как плесень на негодных зеркалах.

Бросает тени кипарисов ряд,
И что ни тень — стройна, как сам Фархад.

Нет, я б сравнил — и спорить не берись —
С зеленым попугаем кипарис:

Тут сходство оперения... Но все ж
Он на павлина более похож.

А если нет, то кто же объяснит,
Зачем он на одной ноге стоит?

Взгляни на ствол — вверху раздвоен он:
Вторую ногу спрятал в хвое он.

Не так ли в перьях прячет утомлен
Павлин вторую ногу, чуя сон?..

Взгляни туда: среди листвы густой
Открылся клад несчетный золотой:

То — благодатный померанца плод,
Горящий золотым багрянцем плод.

А по ветвям пустил побеги плющ,
Обвивший их в любовной неге плющ.

Когда надел одежды лета мир,
Здесь начался великий летний пир.

Здесь, во дворце, где мог забыть любой
Про небосвод зелено-голубой,

Царевич вновь с хаканом сел на трон,—
Был, как отец, в парче китайской он.

А китаянки — среброгруды все,
В одеждах цвета изумруда все,

Как юные деревья сплошь в листве,
На летнем красовались торжестве.

Вино густое, красное, как лал,
Лишь из зеленых пили там пиал.

Вино в зеленых пиалах могу
Сравнить с тюльпаном алым на лугу.

А кравчие — мигнешь, и поднесут
То сладкого, то терпкого сосуд.

Тончайших яств нельзя там было счесть:
Что кто ни вспомнил бы, то мог он есть.

Три месяца в эмалевом дворце
Прошли,— отпировали во дворце.

* * *

Когда же, охладив свой летний зной,
Янтарною осенней желтизной

Светило дня с зари и до зари
Преображало листья в янтари,—

То во дворец, желтевший, как янтарь,
Пир перенес китайский государь.

Дворцовый сад... он не янтарным был,
Нет, он, как солнце, лучезарным был.

А ветер раздувал в саду пожар,
Срывал горящую листву с чинар,

Как будто золотую рвал фольгу,
И то сметал обрывки на лугу,

То осыпал на узкий ручеек,
Поблескивавший, как стальной клинок,

И на клинок воды из той фольги
Накладывал узорные тамги [2].

Когда ворона в желтизне дерев
В те дни сидела, ты, ее узрев,

Подумал бы: «Она, как то пятно,
Что в желтизну тюльпана вклеймлено».

У ив плакучих стал желтушный вид,
Как лик влюбленных,— желтый, скучный вид.

Как стаи желтокрылых птиц, вот-вот
Отправиться готовых в перелет,

Деревья были. Но от ветров злых
Все перья облетели с крыльев их.

Художник неба для картины той
Забыл все краски, кроме золотой,

И избежал погрешностей зато:
Все золотом закрасил — все желто!

Снимает осень с мирозданья сень,—
При солнце звезды блещут что ни день:

Дворец, как солнце, озаряет сад,
Листвы паденье — словно звездопад...

Открыли пир царевич и хакан.
Нарядов шелк был желтым, как шафран.

Нет, не вино, а золота раствор
Здесь наливали в золотой фарфор.

Плоды — лишь золотые, как листва:
Лимоны, померанцы и айва.

Вся утварь, украшенья, ткани, все —
Лишь золото. Предел мечтаний все.

Певцы старались так, что голоса
Сквозь купол чаровали небеса.

Там искушеньям не было числа,
Там наслажденьям не было числа.

Три месяца осенний длился пир,—
Кончалась осень — прекратился пир...

* * *

Но вот явился новый чародей:
Дохнул холодным ветром месяц Дей [3],

Он небо облаками обволок;
Как мехом белки — за клоками клок,—

Стал все сильнее дуть из облаков,
Ронял на землю ртуть из облаков;

Наполнил ртутью каждый водоем,
А ртуть он сделал мрамором потом...

Русло арыка превратил в кинжал,
Вонзал во все он миллионы жал;

И в жемчуг превращал свою слюну,
И льна белей он выткал пелену.

Ночь стала углем: вечером — смотри —
Он от вечерней вспыхивал зари,

Но потухал, чтоб тот огонь с утра
Раздули утренней зари ветра.

Луна струила лед, а не лучи,
Осколки стали звездами в ночи.

Жар утеряло солнце, и с утра
Не свет на землю падал — камфара.

А в ясный день был воздух, как хрусталь,
И лед сверкал, как зеркало, как сталь.

От стужи больше всех страдал бедняк:
Он из последних сил дышал в кулак,

В подмышки руки прятал он — и дрог,
И топотом не мог согреть он ног,

Плечами уши закрывал — и зяб,
К груди колени прижимал — и зяб...

В ту пору пир шел во дворце Зимы.
Тот зимний пир теперь опишем мы.

Камфарно-белым был нарядов цвет,
Но мягким горностаем был согрет.

Такие гости собрались сюда,—
Казалось, входит за звездой звезда.

Красавицы сойдутся — видит взгляд
Сияние пленительных Плеяд.

Они в руках держали чашки все,
И щебетали, словно пташки, все.

А чашечки — тончайший фагфурчин,
Из лучших, из камфарно-белых глин.

Как опишу гостеприимный пир?
Все прежние затмил тот зимний пир.

Будь в сто раз обстоятельней рассказ.—
Там было все прекрасней во сто раз.

* * *

Итак, опять три месяца подряд
В четвертом месте пировал Фархад.

Хотел хакан, чтоб отвлекло вино
Царевича от грусти давней... Но —

Так было предначертано судьбой:
Фархад был болен скорбью роковой!

В себе сосредоточен, погружен
В печаль свою, опять вздыхает он,

Опять страдает от чужих обид,
Опять за всех скорбящих он скорбит.

А если слышит о любви,— сто раз
Пересказать заставит он рассказ.

Все символы любви он отмечал,
Вникал в начало всех ее начал.

Он был утешен, если кто другой
Обрел предмет мечтаний дорогой,

Но если слышал о разлуке он,
Переживал чужие муки он

И плакал так, как будто сам любил,
Как будто сам в разлуке с милой был...

Хакан был потрясен: его мечта —
Весельем сына исцелить — тщета!..

* * *

Дай, кравчий, чару: горем я убит.
Как хан тот старый, горем я убит.

Лишь искру в сердце высекла любовь,
Скорей вином туши! Вино готовь!

Глава XVIII

ХАКАН ПРЕДЛАГАЕТ ФАРХАДУ СВОЙ ТРОН

Размышления хакана о сыне. Что в дервише достоинство — то в правителе порок. Мера милостей и мера кар. Яд убивают противоядием. Юность и старость. Над кем смеется гребешок? Предложение хакана. Отказ Фархада от власти. Вынужденное согласие Фархада.

Кто в царский тулумбас ударил, тот
Отряды слов построил так в поход.

* * *

Царевича хакан спасти не мог,—
С пути судьбы его свести не мог.

Он убедился, что крута гора
Сыновней скорби, и что та гора

Гранита тверже, и нет силы той,
Чтоб выдержала спор с горой крутой.

Но замыслов точил он все же меч —
И вот чем сына он решил увлечь:

«Я за порогом зрелых лет стою,
Уже давно склонил главу свою
Над урной старости. Хаканский сан
Стал в тягость мне...— так рассуждал хакан.—

А мой Фархад — он юн, он полон сил,
Мед всех ремесел и наук вкусил,

И мудрым стал, как седовласый муж,
И храбростью он наделен к тому ж.

Чем не правитель и не воин он?
Занять мой трон вполне достоин он.

Нет в нем пороков, кроме одного:
Тоски, мягкосердечия его.

О, эта скорбь его, стенанья, плач!
Где им лекарство, где найдется врач?

О, боль и чистота его души!
В дервишах эти свойства хороши,

Но царственной особе, мудрецу
Такая жалостливость не к лицу.

Кто в мир приходит, как имущий власть,
Тот в крайность доброты не вправе впасть.

Нельзя царить нестрого на земле:
Царь, сказано,— тень бога на земле.

Есть мера милостей и мера кар,—
Их соблюденье — государей дар.

Бог всемогущ, но для своих же чад
Не только рай, он сотворил и ад.

Бог — милосерд, он щедр, целитель он,
Но и воитель он и мститель он.

Кого избрал помощником господь,
Чувствительность обязан побороть.

Должно в царе от всех отличье быть,
Должны в нем твердость и величье быть.

Что, если этих качеств он лишен,—
И вдруг врагами будет окружен?

Что, если враг нож занести дерзнет?
Себя он кротко в жертву принесет?

Он предпочтет погибнуть сам, дабы
Врага избавить от стрелы судьбы?

Да, это добродетель, но она
Дервишам лишь, а не царям годна!

Нет! Должен царь острить возмездья меч,
Чтоб тысячи кровавых дел пресечь.

Пусть горностай свой запятнает царь
Разбойничьею кровью,— знает царь:

Он горы сделал садом для купца,—
Волк уничтожен — спасена овца.

Когда злодея царь не устрашит,
Злодей доволен, честный муж дрожит...

Боюсь в Фархаде я дервишских черт:
Он слишком кроток, слишком мягкосерд.

Не то беда, что не задира он,—
Беда, что равнодушен к миру он.

Что из того, что так учен Фархад?
Невежды с ним, как с равным, говорят.

Хоть силой он поспорит со слоном,
Но жалость ведь сильнее силы в нем.

Нет проку в льве, коль так незлобен он,
Что муху тронуть не способен он...

Противоядьем убивают яд:
Пусть за меня хаканствует Фархад.

Труд управленья на себя приняв,
Он постепенно свой изменит нрав.

Я так скажу, и в том не ошибусь,
Что время прививает к делу вкус,—

И исподволь его перекует
Горнило государственных забот.

О подданных заботясь, что ни шаг,
Верховный страж народных прав и благ,

Усвоит он основу всех основ:
Царь со злодеем должен быть суров...»

Теперь хакан решение нашел,—
И в этом утешение нашел.

И он созвал советников своих,
Вазиров мудрых и вельмож больших,

Созвал придворных — и не только знать —
Фархаду рядом место дал занять,

И хоть вопрос и труден был весьма,
Но речь его вдруг потекла сама:

«Путь жизни указал мне правый бог.
Пожаловал меня державой бог;

Над всем моим Китаем власть мне дал,
Победами несчетно награждал;

Вручил богатства — не исчислить их,
Воображеньем не измыслить их,

Не охватить мечтою смелой всех
Ниспосланных мне от него утех.

И разум наш не знает тех широт,
Где б видел я предел его щедрот.

Страдать бы я причины не имел.
Я все имел... Но сына не имел!

Кто скорбь отца бездетного поймет?
Вкушал отраву я, вкушая мед.

Стал для меня цветник всей жизни пуст,—
Слова обиды боль срывала с уст.

Рыдал, молился, бичевал я плоть,—
И озарил мои глаза господь:

Он мне Фархадом очи озарил,
Все дни мои, все ночи озарил.

И за тебя, наследник мой Фархад,
Я шлю хвалы всевышнему стократ!..

Вот ты в глубины всех наук проник,
Сам глубочайших знаний ты родник,—

Нет, море знаний — море вглубь и вширь,
Пред кем Меркурий — водяной пузырь!

Что солнце светит, что пьянит вино,
Что сахар сладок,— знают все давно.

Что ты умен, напоминать к чему?
Китай дивится твоему уму!

И что прибавит похвала людей
К неизмеримой мудрости твоей?

А я давно уже прошел, мой сын,
Ту плодороднейшую из долин,

Что мы долиной зрелости зовем;
Давно достиг я на пути своем

Долины старости печальной... Да!
Мне — шестьдесят... Преклонные года!..

Я немощен, и ясно вижу я:
К концу пути что день — все ближе я.

Скрывать пороки старости смешно:
Нам молодеть, увы, не суждено.

Попробуй, старец, скрыть свои года,—
Глаз не поднимешь после от стыда.

Предвестник смерти — наша седина,
На древе жизни — изморозь она.

Из бороды сединки вырывать —
Над собственной могилой горевать.

Два-три ты вырвешь волоска седых,
Дней через пять — пятнадцать, двадцать их.

Иной себя покрасит человек —
Через неделю он, как лошадь, пег.

Стыдись, красильщик: виден твой грешок,—
Смеется, скаля зубы, гребешок.

Что гребешок? Ведь гребешки молчат:
Но станешь ты посмешищем внучат.

Как ни хитри, старик, а не найти
К своей увядшей юности пути.

Чем больше наша юность весела,
Тем больше наша старость тяжела.

Хулить судьбу и мне пришла пора,
Но нет! Судьба ко мне была добра.

Меня всю жизнь руководил господь,
Умом широким наградил господь.

И смолоду меня он отличил —
Хаканство над Китаем поручил;

И к старости меня привел, любя,
В преемники мне ниспослав тебя...

Луна уходит с неба — горя нет,
Когда идет на смену ей рассвет.

Чинар тенистый захирел,— смирись:
Высокий рядом вырос кипарис.

Лев ремесло оставил, одряхлев,—
И тигр начнет зверей судить, как лев.

Когда такой есть сын, как ты, сынок,—
Отцовской пальмы принялся росток.

И если смерть придет — такой отец
Не скажет в смертный час: «Вот мой конец

В свой смертный час уверен будет он,
Что снова в сыне будет повторен.

О молодость! Она спешит стареть,
Но старости нельзя помолодеть.

Нет, старости недуг неизлечим...
Я озабочен, сын мой, лишь одним:

В мой смертный час на троне вновь себя
Увидеть юным, увидав тебя,

Чтоб мой венец, мой трон, мою казну,
Мои войска и всю мою страну

Украсил ты заранее, мой сын:
Уважь мое желание, мой сын!

Отказом сердца моего не рань:
Стань государем и отцом мне стань.

Один завет тебе даю вперед:
Так правь страной, чтоб счастлив был народ...»

* * *

Фархад увидел: горечи полно
Отцом ему налитое вино.

Вздохнул он вздохом огненным таким,
Что поднялся в седьмое небо дым.

Такого испытанья он не ждал,—
Он, наземь рухнув, горько зарыдал:

«О здравствуй, царь царей, отец родной!
Небесным троном стань твой трон земной!

Чтоб войск твоих могущество росло,
Чтоб звезд числа достигло их число;

И чтоб цвели сады утех твоих,
Не вяли розы наслаждений в них;

Чтоб полон был державный кубок твой
Вином искристой радости живой».

И так сказал он: «Мой отец, мой шах!
Кто я и что? Я пред тобою — прах...

Я так смущен... Дерзну ль давать ответ?
В словах моих порядка, меры нет.

Но хоть и прах я,— на твои слова
Осмелюсь я ответить слова два.

Одно бесспорно: молод будь иль стар,
На всех обрушит время свой удар,

И все, что в мире сотворил творец,
Обречено им на один конец.

Но гибнут тьмы и тьмы травинок в год,
А мощный кипарис лет сто живет.

Хоть сто холмов снесет иной поток,—
Стоит Альбурз незыблемо высок.

Коль сам ты мал, то жизнь мала тебе,
Коль ты велик, то жизнь скала тебе.

Хоть на сто лет срок жизни будь продлен,
Но муха и столетняя — не слон.

Как маленького кобчика ни кличь,—
Орлу — одна, ему — другая дичь.

И если шаху на доске — конец,
То пешка в клетке шаха — не боец...

Пылинок мириады, а взгляни,—
Чуть солнце сядет — не видны они».

Фархад такою речью мудреца
Приободрил печального отца.

Хакан сказал: «О свет очей моих,
О яркий светоч старых дней моих.

Сказал ты как поэт и как мудрец,
Жемчужин-слов открыл ты здесь ларец,

Осыпал ты жемчужинами нас:
Они висят в моих ушах сейчас.

Но как бы ни был этот жемчуг чист,
Но как бы ни был ты, мой сын, речист,

Не этих слов я ожидал, о нет!
Не радует меня такой ответ.

И, чтобы я утешен был вполне,
Согласьем должен ты ответить мне...»

Царевич понял: круг замкнулся. Он
Был просьбою отцовской побежден.

И, прах целуя пред отцом в слезах,
Воскликнул он: «О мой отец, мой шах!

Нет места больше колебаньям, раз
Мой искренний отвергнул ты отказ.

Ничтожен я... смотрю недалеко...
А дело государства — велико.

Но я — хоть стыдно молвить — ничего
Не знаю в нем, я избегал его.

Не думал я о нем до сей поры,—
Я знал лишь развлеченья да пиры.

И я прошу у шаха, чтобы шах
Хотя б на первых мне помог порах,—

Ну, год иль два, покуда б я привык,
Покуда бы в основу дела вник,

Дабы, при шахе состоя всегда,
Вникал в дела державы я всегда,

Дабы умом в дела торговли врос:
На что в стране велик иль скуден спрос;

И в чем стране добро, в чем зло стране,
Что делать, чтоб добро росло в стране.

Пусть выберут мне должность поскромней —
Посмотрим, как сначала справлюсь с ней;

А совершу ошибку я порой,
Укажут пусть, чтоб я избег второй.

А разберусь я в малом деле том,
На большее поставите потом.

Без навыка — рукам ли, иль уму
Не научиться в мире ничему.

Поупражняюсь год иль два в делах,
Исполню все, что повелит мне шах...»

Столь тонкой мысли должное воздав,
Шах согласился, что Фархад был прав.

* * *

Дай царственную чару, кравчий, эй!
От войск печали мне спасенье в ней.

Не царствованье, а вино любя,
Я угнетаю не других,— себя!

Глава XIX

ЗЕРКАЛО ИСКАНДЕРА

Сокровищница хакана. Таинственный ларец. Надпись на зеркале Искандера [1]. Что ждет того, кто отправится в Грецию? Предупреждение смельчаку. Фархад теряет покой.

Кто вяжет в книгах тонких мыслей вязь,
Так свой рассказ украсил, вдохновясь.

* * *

Лишь получил хакан такой ответ —
Желания сердечного предмет,

Он радостью настолько полон стал,
Что весь Китай ему казался мал.

Каких он ни придумывал наград,
Все большего заслуживал Фархад.

Сокровища подземных рудников?
Нет! Им цена — не больше черепков!

Сокровища морей? Что жемчуга,
Что камешки,— цена недорога!

Не знал хакан, чем сына одарить:
Решил хакан хранилища открыть.

Не говори — хранилища, не то:
Сто рудников и океанов сто!

Тех ценностей ни сосчитать нельзя,
Ни в сновиденьях увидать нельзя.

Владелец клада мудрости — и тот
Лишь от рассказа горем изойдет.

Туда вступивший проходил подряд
Чрез сорок первых кладовых-палат.

А в каждой — сорок урн. Не выбирай:
Все золотом полны по самый край!

А золота, хоть в каждой равный вес,
Но что ни урна — то сосуд чудес.

Так, золото в одной копнешь, как воск:
Что хочешь делай,— разомнешь, как воск!

И снова сорок кладовых-палат,
Но здесь шелками очарован взгляд.

По сорок тысяч было тут кусков
Пленительных узорчатых шелков.

Тут изумленью не было границ,
Тут перворазум повергался ниц

Пред красотою всяческих чудес
И пред искусством ткаческих чудес.

Не только шелк в кусках,— одежд таких
Не выходило из-под рук людских.

Не ведавших ни ножниц, ни иглы,
Земной им было мало похвалы.

Так создавал их чародей-портной
В своей сверхсовершенной мастерской.

В одной из этих шелковых палат
Хранитель показал такой халат,

Что не один, а десять их надев
На стройный стан любой из райских дев,

Сквозь десять — так же розово-чиста —
Прельщала б райской девы нагота...

Для мускуса особый был амбар,
Где на харвар навален был харвар [2].

И если б счетчик разума пришел,
И тысячной бы части он не счел

Несметных драгоценностей: и он
Был бы таким количеством смущен.

Как кровь, был влажен там любой рубин,—
Он слезы исторгал из глаз мужчин,

А каждое жемчужное зерно
Могло лишить и жизни заодно.

Еще другое было чудо там:
Хранилось тысяч сто сосудов там —

Хрусталь и яшма. Годовой налог
С большой страны их окупить не мог.

Сто самых ценных выбрал казначей,—
Мир не видал прекраснее вещей!

Чем больше шах и шах-заде[3] глядят,
Тем больше оторваться не хотят.

Глядят — и то качают головой,
То молча улыбаются порой...

Но зрелищем пресыщен, наконец,
Фархад заметил в стороне ларец.

Как чудо это создала земля!
Был дивный ларчик весь из хрусталя,—

Непостижим он, необыден был.
Внутри какой-то образ виден был,

Неясен, смутен, словно был далек,—
Неотразимой прелестью он влек.

В ларце замок — из ста алмазов... Нет!
То не ларец, то замок страшных бед!

Ничем не отомкнешь его врата,—
Так эта крепость горя заперта!

Сказал Фархад: «Мой государь-отец!
Хочу хрустальный разглядеть ларец:

На диво все необычайно в нем,—
Скрывается, как видно, тайна в нем.

Чтоб разгадать я тайну эту мог,
Пусть отомкнут немедленно замок!»

Пытался скрыть смущение хакан,
И начал с извинения хакан:

«Нельзя твоей исполнить просьбы нам.
Открыть ларец не удалось бы нам:

Нет от него ключа — вот дело в чем,
А не открыть его другим ключом.

И сами мы не знаем, что таит
Ларец, столь обольщающий на вид».

Царевича не успокоил шах,
В нем любопытство лишь утроил шах.

Фархад сказал: «Что человек творил,
То разум человеческий открыл,

И, значит, размышления людей —
Такой же ключ к творениям людей.

А так как я во все науки вник,
То трудностей пугаться не привык.

Но если суть ларца я не пойму,
То нет покоя сердцу моему!..»

Но как Фархада шах ни вразумлял,
Как ни доказывал, ни умолял,

Царевич все нетерпеливей был,
Настойчивее и пытливей был.

И понял шах, что смысла нет хитрить,
Что должен сыну правду он открыть.

И приказал он отомкнуть замок,
И зеркало из ларчика извлек.

Магическое зеркало! Оно,—
Столетьями в хрусталь заключено,

Как в раковину жемчуг,— в том ларце
Хранилось у хакана во дворце.

Нет! Словно солнце в сундуке небес,
Хранилось это зеркало чудес.

Мудрец его украсить так решил,
Что тайно сзади тайну изложил:

«Вот зеркало, что отражает мир:
Оно зенит покажет и надир [4];

Его сиянью — солнце лишь пример,
Его создатель — румский [5] Искандер.

Четыреста ученых вместе с ним
(С Платоном каждый может быть сравним)

Над зеркалом трудились. Миру в дар
Его оставил Искандер-сардар [6].

Проникшие в начала и концы,
Всеведущие в сферах мудрецы,

Постигшие взаимосвязь планет,
Обдумывали дело много лет,

Счастливую отметили звезду
И вдохновенно отдались труду.

Кто зеркало найдет в любой из стран,
Тот обретет в нем дивный талисман.

Послужит только раз оно ему:
Но что судьбой указано ему,

Что неизбежно испытает он,
Что скрыто смутной пеленой времен,—

Будь горе или счастье — все равно:
Оно явиться в зеркале должно.

Но зеркало заключено в ларец.
Его открыть решится лишь храбрец,

Кто муки духа может побороть,
Не устрашась обречь на муки плоть.

Тот, кто замок захочет отомкнуть,
Тот пусть узнает древней тайны суть:

Есть мудростью венчанная страна,
Зовется в мире Грецией она.

Но и мудрейший среди греков грек —
Лишь прах своей страны, лишь человек.

Там каждый камень — жемчуг из венца
Мудрейшего из мудрых мудреца;

Любая травка там целебна, там
Целебен воздух, все волшебно там;

Что ни долина — то цветной ковер,
Что ни вершина — небесам упор.

Ты должен, человек, туда пойти.
Знай, встретишь ты препятствия в пути.

На трех последних переходах — три
Опасности подстерегут. Смотри:

На первом переходе — змей-дракон:
Из божьего он гнева сотворен.

А на втором — жестокий Ахриман [7],
В нем — сила, злоба, хитрость и обман.

Но самый трудный — третий переход:
Там талисман тебя чудесный ждет.

Три перехода трудных совершив,
Препятствия на каждом сокрушив,

Сверши последний переход, герой:
Остановясь перед большой горой,—

Пещеру обнаружишь в ней: она,
Как ночь разлуки черная, черна.

В пещере той живет Сократ-мудрец.
Он, как Букрат [8], велик, стократ мудрец!

Войдешь в пещеру. Если старец жив,
Утешит он тебя, благословив.

А если грек премудрый мертв уже,
Ты к вечной обратись его душе —

И узел затруднений всех твоих
Премудрый дух развяжет в тот же миг...»

Вот что прочел взволнованный Фархад:
Застыл, как очарованный, Фархад.

И он с тех пор забыл питье, еду,
Одною думой жил он, как в бреду.

Все понял шах: пришла беда опять!
Но сыну он решил не уступать.

Царевич стал просить. Но каждый раз
Он от хакана получал отказ.

И, хоть упрямцем не был ведь Фархад,
Стал, наконец, и требовать Фархад.

Тут начал шах оттягивать ответ:
То скажет «да», то снова скажет «нет».

И сын страдал, и мучился отец.
О, испытанье двух родных сердец!..

* * *

Дай, кравчий, мне пьянейшего вина!
Задача мне труднейшая дана.

Но сколь ни жестока судьба,— одно
Есть средство побороть ее: вино!

Глава XX

ФАРХАД МЕЧТАЕТ О ПОДВИГАХ

Неотступные мечты. Объяснение с Мулык-Арой. Фархад угрожает побегом из дому. Напрасные увещевания. Хакан соглашается. Отправление в Грецию.

О доблестях труда на этот раз
Повествователь так повел рассказ.

* * *

Такое видя положенье дел,
Фархад, тоской снедаем, все худел.

Хирел, душевный потерял покой,
Неодолимой угнетен тоской,

И было опасенье, что вот-вот
С ума сойдет он и бродить уйдет

Дервишем, нищим, соблазнен пустой
Зеркальною диковинкою той...

Однажды, тайно вызвав Мульк-Ару,
Сказал он: «Я зачахну здесь, умру:

К чему меня держать? Ведь все равно
Судьбу нам переспорить не дано:

Будь человек мудрец иль будь простак,
Будь он богач великий иль бедняк,

Будь он царем или дервишем будь,
Могуч, как лев, иль слаб, как мышь, он будь,—

Не снять ему — закон судьбы таков —
Судьбой надетых на него оков!

Бессмысленно, как по воде писать,
Пытаться от судьбы себя спасать.

Невидимо судьба нам метит лбы,
И нам не разгадать клейма судьбы.

Всеведущим в мирских науках будь,
В дела судьбы тебе заказан путь.

Я сам в людских премудростях силен,
А пред судьбой, как неуч, посрамлен.

Что начертало мне судьбы перо?
Большое зло, великое ль добро?

Каким решеньем мой отмечен лоб?
Тот приговор что отвратить могло б?

Кто больше просвещен, тот да простит
Мое невежество, мой горький стыд.

Но сам предвечный, видно, захотел
Проверить слабых сил моих предел.

Отцу, возможно, старость омрачу;
Страну свою, быть может, огорчу,

Но выбора мне не дано судьбой.
О Мульк-Ара, откроюсь пред тобой:

Я в Грецию отправиться решил.
Не прихоть это — бог мне так внушил.

К чему вступать на путь обмана, лжи?
Отцу-хакану так ты доложи:

Родительскую чту я свято власть,
Сто раз готов к стопам отца припасть,

Его благоволения моля,
Его благословения моля.

Пусть он поможет хоть немного мне,
Припасов выдаст на дорогу мне.

Свидетель бог — не даром я прошу,—
Я подвиги заветные свершу.

Но если шах откажет мне,— клянусь,
Ни перед чем я не остановлюсь,—

Лишусь богатств и с табором бродяг,
С дервишами уйду и нищ и наг.

Сквозь мертвые пустыни я пройду,
Сквозь горные твердыни я пройду,

А встретится дракон иль Ахриман,
Иль с тысячами бедствий талисман,—

Нужду, страданья, ужасы презрев,
Все грозные преграды одолев,

На счастье ли свое иль на беду,
До цели, мне указанной, дойду!..

Однако сердце шепчет мне пока,
Что улица отказа далека,

Что, взвесив все на правильных весах,
Мне разрешенье даст отец мой шах...»

Ошеломленный слушал Мульк-Ара:
Свалилась горя на него гора.

Хотел Фархаду преподать урок,
Но лишь вздохнул: упрек уже не впрок.

Чем бы Фархада он ни укорил,
Упрямец дверь для доводов закрыл.

Ни просьбе, ни упреку не найти
К его благоразумию пути.

Беспомощен и бледен, словно мел,
Вазир от потрясенья онемел.

Дым вздохов разъедал ему глаза,
И за слезою потекла слеза.

И так он встал и, весь в слезах, ушел.
Рыдая горько, робко к шаху шел,—

Пришел — и с глазу на глаз — всю, как есть,
Поведал шаху горестную весть.

Шах, в грудь себя ударив, зарыдал,
И ворот на себе он разодрал,

А Мульк-Ара, пред ним целуя прах,
Увещевал его: «О мудрый шах!

О светоч государства! Разве плач
В таких делах — советник или врач?

Где мужу меры нужно принимать,
Там следует лишь разуму внимать.

Одно, другое средство — и мудрец
Найдет искомый выход, наконец.

А будут средства разума слабы,—
Принять нам нужно приговор судьбы!..»

«О мой вазир! — воскликнул шах в ответ,—
Свечою счастья был мне твой совет.

Запуталась сыновняя стезя,—
Ужель свести его с нее нельзя?

Чем страждущее сердце исцелить?
В него елей увещеванья влить!

Одуматься дадим мы срок ему,
А не пойдет лекарство впрок ему,

Любой ценою надо ведь его
Утешить нам, обрадовать его...»

Они с ним говорили день за днем,—
Фархад стоял, однако, на своем.

И опустились руки их. И шах
Темницей сыну пригрозил в сердцах,

Но пощадил цвет юной розы той
И отказался от угрозы той.

Чему хакан мешал, тому решил
Способствовать теперь по мере сил.

В страну далеких греков пусть Фархад
Отправится,— излечит грусть Фархад.

Но не один он в Грецию пойдет:
С ним вместе и хакан свершит поход,

И поведет с собой войска туда́,
Чтоб не грозила им в пути беда...

* * *

Веселье на исходе! Кравчий, эй,
Ты чару мне походную налей!

Лиши ума, чтоб мощь я приобрел
И дивов и драконов поборол!

Глава XXI

ПОХОД В ГРЕЦИЮ

Беседа хакана с греческими мудрецами. В пещере отшельника Сухейля. Завещание мудреца Джамаспа. Саламандровое масло. Смерть Сухейля.

Тот, кто дорогу мысли проторил,
Поход словесных войск по ней открыл.

* * *

Хакан в литавры бить велел. Гонцы
Несутся по стране во все концы —

Войскам китайским объявляют сбор,
Войска идут, спешат... С тех самых пор,

Как купол древнего монастыря,
Кружась, накрыл и сушу и моря,

Никто столь многочисленную рать
Не пробовал и не мечтал собрать.

Земля едва всю эту рать несла:
Не только людям не было числа,—

Был и шатрам походным счет не прост,
Их было столько, сколько в небе звезд.

На царство греков через много стран
Направил тот людской поток хакан.

Любовь, победный воздымая стяг,
На царство духа выступает так.

За рядом ряд — войска вперед пошли,
Блюдя порядок и черед — пошли.

Так шли они с привала на привал,
Привал две ночи кряду не бывал.

Намного их опережала весть,
Народы им оказывали честь:

Не как врагов встречали — как гостей,
Вручали им ключи от крепостей.

Все страны по пути и все цари
Сдавались им... нет, так не говори:

Скажи, что даже суша и вода
Охотно покорялись им тогда!..

* * *

Полгода длился их поход, и вот
Уже пред ними Греция встает.

И греки также — люд простой и знать —
Навстречу вышли почести воздать.

И люд простой и знать, и млад и стар —
Хакану каждый нес посильный дар.

Ликуя, мудрецы явились. Так,
Когда Меркурий вступит в Зодиак

Ярчайшей славы,— начинает вдруг
Светиться ярче всех созвездий круг...

Хакан тончайшим человеком был:
Он благосклонность к грекам проявил.

Они взялись его стада пасти,—
Он обещал им их права блюсти.

Почтил он, озадачив, мудрецов:
На должности назначил мудрецов,

Вопросы соизволил задавать
И каждому дал руку целовать.

Затем хакан сказал большую речь,
Сумел он мудрость в красоту облечь.

Сказал он: «Я пустыни пересек
Не для того, чтоб разорен был грек.

Не на чужие страны льстился я,
Иной мечтой руководился я:

В стране у вас есть некая гора —
Ни золота в ней нет, ни серебра,

Гранитная гора,— пещера в ней:
Черна разлуки ночь,— она черней.

Но озаряет мрак тот, говорят,
Таинственно живущий в ней Сократ.

Сказать прошу вас, мудрых стариков,
Где та гора, и путь туда каков?..»

И прах облобызали мудрецы,
И шаху так сказали мудрецы:

«Да сбудется твое желанье шах!
Доверься нашему признанью, шах!

У нас в стране мудрец Сухейль [1] живет,
А на земле живет он лет пятьсот.

Он мудростью прославился давно:
Сократа и его мы чтим равно.

В таинственной пещере, как Сократ,
Ютится он четвертый век подряд.

Оплот всем благороднейшим сердцам,
Прибежище мудрейшим мудрецам,—

На тонкий твой вопрос, наш господин,
Ответ достойный даст лишь он один,

Хоть о Сократе и могли бы мы
Кой-что тебе поведать, ибо мы

От этой тайны отпили глоток,—
Но раз основа дела и уток

Покуда неясны и нам самим,—
Прослыть лжемудрецами не хотим.

К Сухейлю можем мы тебя свести,
А нас, могущественный шах, прости!..»

* * *

Хакан с Фархадом сели на коней
И вышли в путь. И не прошло двух дней,

Как перед ними та была гора,
Где соименник жил Звезды Добра [2].

Все, спешившись, туда пешком пошли,
С душевным трепетом, гуськом пошли.

Один из мудрецов, кто первым шел,
В одну из трех больших пещер вошел.

Он старца — в столь изысканных словах —
Уведомил о царственных гостях:

«К Меркурию, да соизволит он,
Пришли луна и солнце на поклон».

Пещерник сделал знак: гостям он рад.
Вошел хакан и вслед за ним Фархад,

Благоговейно — до земли лицом —
Склонившись перед дряхлым мудрецом.

Провидец также оказал им честь:
Он с места встал и попросил их сесть.

Приветственные им сказал слова,
О трудностях пути спросил сперва,

Осведомился, в чем их дела суть,
Какую цель имел их дальний путь.

Подробно все поведал старцу шах.
Провидец, о таких узнав вещах,

Не то печален стал, не то был рад,
Молчал, потом воскликнул: «Ты Фархад!»

И ниц перед царевичем он лег
И возгласил: «О милостивый бог!

Какое счастье, что не умер я,
Покуда не сбылась мечта моя!

Мне твой приход Джамаспом [3] предвещен.
Так, умирая, завещал мне он:

«О ты, Сухейль, преемник мой, внемли:
Когда после меня вокруг земли

Свершит тысячелетний оборот
Стремительно-превратный небосвод,—

Покорный предначертанной судьбе,
Явиться должен в Грецию к тебе

Царевич из Китая. Будет он
В искусствах и науках просвещен,

Он будет сокрушителем преград,
Тот юноша — по имени Фархад.

Исчадья зла отважась побороть,
Он ввергнет в муки дух, в страданья — плоть,

Но тайным знаком счастья осиян,
Откроет Искандеров талисман.

О ты, премудрый астролог, Сухейль,
Завета моего залог, Сухейль,

Преемник мой в веках, и вот каков
Мой зов к тебе из глубины веков:

Дракон и див — царевичу враги,
Их сокрушить Фархаду помоги.

Стремиться будут многие к тому,
Что суждено Фархаду одному,

Но, в тайну эту посвященный мной,
Ты одному ему ее открой.

Когда дракона умертвит Фархад,
Он обретет на радость миру клад;

Когда же Ахримана он убьет,
То перстень Сулеймана обретет,

И талисманом тем вооружен,
Добудет и Джемшида чашу он.

Богатства, что судьба вручит ему,
Пускай отдаст отцу он своему,

А сам да возблагодарит творца,
Улицезрев Сократа-мудреца,

Который наставленья даст потом
О древнем зеркалеволшебном том.

Тогда пусть поспешит Фархад домой,—
В том зеркале узрит он жребий свой...»

Завет Джамаспа изложив, старик
К Фархаду обратил свой мудрый лик:

«Бог видит правду! Жил я сотни лет,
Чтоб выполнить учителя завет.

Я принял меры, чтоб ни змей, ни див,
Тебе пути-дороги преградив,

Не помешали подвигам твоим,
Чтоб, их разя, ты был неуязвим...»

Затем Фархаду онвручил сосуд
И молвил: «Маслосаламандры тут.

Я обжигался в капищах огня [4],
Копя его до нынешнего дня.

Отправясь в путь, возьми сосуд с собой
И, прежде чем начать со змеем бой,

Пока огонь раздует он внутри,
Все тело маслом хорошо натри.

Затем, как саламандра чешую,
Намажешь им кольчугу ты свою.

Тогда на змея наступай смелей:
Обжечь тебя уже не сможет змей.

Ты, поразив чудовище, найдешь
Заветный клад, сокровища найдешь.

Так звезд расположенье говорит,
Так алгебры ученье говорит.

Среди сокровищ талисман найдешь,
Который бросит Ахримана в дрожь.

И Ахримана ты сразишь, Фархад,
И облачишь в одежды скорби ад.

И перстень с Ахримана сняв, на свой
Наденешь перст тот перстень колдовской.

На шее дива — золотой щиток,
Что исписал волшебных слов знаток,—

Тебе в нем ключ искомый будет дан —
Откроешь ты заветный талисман,

Хрусталь найдешь двуполушарый в нем,
Джемшидову найдешь ты чару в нем [5]

С резьбой письмен, что Искандер нанес,
Когда с Востока чару он привез.

Проникни в смысл письмен: он говорит,
Где именно Сократ от мира скрыт.

Ты мудреца великого найдешь,
Его, зеркальноликого, найдешь,

И тайну зеркала всю до конца
От древнего узнаешь мудреца.

То — зеркало и радостей и бед,
Проникнуть глубже в тайну — права нет...»

«Спеши,— добавил старец.— В добрый путь!
Пришло мне время навсегда уснуть...»

Сказал и душу богу он вручил:
Жил, как мудрец, и, как мудрец, почил.

* * *

Слезами старца мертвого омыв,
Его в пещере, плача, схоронив,

Оставив мудрецов на месте том,
Фархад с отцом пошли своим путем.

Пошли пустыней, как велел мудрец,
Пустыня привела их, наконец,

В долину, за которой обитал
Дракон, что талисманом обладал.

Здесь, у развалин храма, над рекой
Они расположились на покой.

Когда же ночи змей, разинув пасть,
На утомленный день решил напасть,

И густо заклубил свой черный дым
Над мировым простором голубым,

И солнце, спрятав лик в багряный прах,
Поспешно скрылось до утра в горах,—

Веселья самоцвет они зажгли
И чаши наслажденья извлекли.

* * *

Эй, кравчий! Скоро ль чашу мне подашь?
Уныл и краток вечер жизни наш.

Так пей вино и страх забыть сумей:
Вся жизнь коварна и страшна, как змей!

Глава XXII

ФАРХАД УБИВАЕТ ДРАКОНА

Снаряжение на первый подвиг. Черная степь. Дракон. Нечувствительность к огню. Дракон унизан стрелами. Чудовище издыхает. Сокровища в пещере дракона. Меч и щит царя Сулеймана.

Когда дохнул рассветный ветерок
И дымный полог с ночи он совлек,

День, посрамляя ночи нищету,
Серебряную выставил плиту.

Как выползший из логова дракон,
Вонзив язык горящий в небосклон,

С драконью голову величиной,
Катилось солнце из норы ночной...

С мольбою к небу обратя свой взор,
Фархад себя всего до пят натер

Тем маслом саламандровым, и бронь
Он смазал им, чтоб не грозил огонь.

В слезах, моля о помощи творца,
Припал он также и к стопам отца.

Хакан от горя ворот разодрал.
Не он один с собой не совладал,—

Вся свита зарыдала, все войска,
Как будто смерть была им всем близка,

Как если б он владыкой звездам был,
Как если бы он грозность гроз добыл,

В кольчуге и в оружье боевом,
На огненном коне своем верхом,

Царевич так сиял, что неба взгляд
Не различал, где солнце, где Фархад.

Когда вперед направил он коня,
Старик хакан, свою судьбу кляня,

Не утерпел: презрев преклонность лет,
За сыном дорогим помчался вслед.

Равниной дикой кони там пошли.
Вот признаки драконьи там пошли.

Была черна равнина, как смола...
Нет, ты скажи — она черна была,

Как черный день разлуки вечной,— день,
Когда на все ложится смерти тень.

Земля, дыханьем змея сожжена,
Была от черной копоти черна.

Был конь Фархада гнед, но здесь он стал
Весь вороным,— так черен весь он стал.

Подул зловонный ветер. Этот смрад
И рай, пожалуй, превратил бы в ад.

Настолько смрад был ядовит и густ,
Что люди падали с коней без чувств.

Но сам Фархад лишь зубы крепко сжал
И путь невозмутимо продолжал.

Вот и пещера змея перед ним:
Он скачет прямо к ней, неустрашим.

Заерзал беспокойно вдруг дракон —
Почуял человечий дух дракон.

Бедой, ползущей из жерла небес,
Наружу из пещеры он полез.

Как пламя ада, гнев его пылал,
Но, словно дым, он тело извивал.

Жестоких бедствий горный он хребет,
А пасть — пещера в горном кряже бед.

Хоть горной цепью он простерт, но все ж
На беспокойный он поток похож.

Не голова — скала, не нос, а клюв.
Как черный камень, гладко тесан клюв.

Огонь из глаз. Так из-под почвы бьет
Пылающий, двуструйный нефтемет [1].

Дым из ноздрей. Скажи: за клубом клуб —
Пылающая нефть дымит из труб.

Дышал он грозным нефтяным огнем,
Как будто печь клокочущая в нем.

Сам — что гора, он был четырехлап,—
Любая разодрать семь сфер могла б.

На лапах когти — как серпы беды,
Что, как алмазы острые, тверды.

Как пепел, серый весь, но испещрен
Был черным крапом, словно барс, дракон.

Он на дыбы вставал во весь свой рост,
Он задирал свой исполинский хвост.

Им землю бил и небо затемнил
Он пылью, что была черней чернил.

Фархада увидав, осатанев,
Змей тотчас впал в неистовейший гнев

И на него, свиреп и дик, пошел,
Как змей небесный [2], напрямик пошел.

Разинув пасть, распространяя вонь,
Он изрыгал в лицо врагу огонь,—

Хотел испечь Фархада целиком —
И проглотить его одним куском,

Хотел на пробу змей сожрать его,
А после уничтожить рать его...

Но, маслом саламандры весь натерт,
Стоял царевич невредим и тверд.

И чудом озадачен был дракон.
Увидев, что царевич не сожжен,

Он шире пасть разверз — во весь объем,—
Решив добычу проглотить живьем.

Но, не забывший воинских наук,
Держа свой радугоподобный лук,

Успел Фархад в неравном том бою
Пустить стрелу, подобную копью.

Так змею в пасть он метко угодил,
Что вызвал восхищение светил,

И восклицали звезды: «У стрелка
Лобзания достойная рука!..»

Попятился, виясь клубами, гад,
Но стрелы продолжал метать Фархад,

И, стрелами утыкан, как мишень,
Дракон увидел свой последний день:

Подобно конской жареной кишке
Лежал теперь в предсмертной он тоске.

А тот, кого он сам хотел испечь,
Молниевидный обнажил свой меч

И налетел, как туча, на него,
Рассек, прикончил тут же он его.

И разницы не видел небосвод
Меж молнией, что в гору попадет,

И между тем, как этот человек
Своим мечом чудовище рассек.

Фархад к пещере змея подошел
И надпись над пещерою прочел:

«Прославен будь, бесстрашный витязь! Ты,
Чудовище убив, достиг мечты.

В пещере змея обнаружишь клад:
Тебе наградой будет он, Фархад!

Войдя в пещеру, знай: она кругла —
Ни углубленья в ней и ни угла.

Измерь ее шагами всю кругом
И средоточье вычисли потом.

Тут закопал громадный камень гад:
Во много сот батманов [3] тот агат.

Мечом ты землю вкруг него разрой
И вырви глыбу из земли, герой.

И, в подземелье опустясь, дивись
И восхвали божественную высь...»

Царевич все исполнил, что прочел,—
В сокровищницу змея он вошел.

А там — всех драгоценнейших вещей
Не счел бы и небесный казначей.

Там тысячи кувшинов были — все
Соперничали с небом по красе.

Те — золота и серебра полны,
Те — самоцветного добра полны.

А в глубине хранилища был вход
В чертог, высокий, как небесный свод.

Там в каждой башне был паук, и с ним,
Пожалуй, лишь Сатурна [4] мы сравним.

Как Зуль-Фикар [5], блестя, лежал тут меч,
Он был волнист, двулезв, двужал тот меч.

И выпуклый с ним рядом щит сверкал,
Затмил бы он сверканье всех зеркал.

А надпись на щите гласила: «Тот,
Кто этот щит и меч здесь обретет,

Тот сто коварных дивов победит,
Изрубит их и в прах их обратит.

И в щит и в меч, как в перстень-талисман,
Вписал мудрец великий Сулейман [6]

Таинственнейшее из всех имен,
Которым бог всесильный наделен.

Перед щитом с тем именем святым
Все козни злобных дивов — прах и дым.

От имени, что боязно изречь,
Остер особой остротой сей меч,

И дар еще ему чудесный дан:
Невинному он не наносит ран,

Зато злодея, по его делам,
Он рассекает сразу пополам.

И всем проклятым силам зла на страх
Повергнет он и Ахримана в прах...»

Находкой осчастливлен, пред творцом,
Ликуя, пал царевич в прах лицом.

И меч и щит поцеловав, он меч
Подвесил к чреслам, щит надел оплечь.

Сев на коня, направил конский скок
Фархад туда, где войск шумел поток.

Когда с драконом грозным битва шла,
Над миром встала пыль,— не пыль — смола!

Придя, как Искандер, из царства тьмы,
Фархад привел в смятение умы.

Вскричали шах и Мульк-Ара — вазир,
Как если бы мертвец вернулся в мир.

Не светопреставление пришло,—
Все войско в исступление пришло:

Так ликовали, что живым он был.
Никто не знал, что змея он убил.

Узнав об этом, все до одного
Отдать хотели душу за него...

...Фархад и шах направили коней
Туда, где был убит поганый змей.

Пошла за ними войск живая цепь,
В крови драконьей утопала степь.

Когда хакан вошел в пещеру, сам
Не верил он сперва своим глазам:

Он в богатейших кладовых своих
И то сокровищ не видал таких.

Царевич взволновал отца до слез,
Когда ему сокровища поднес.

И в благодарность за защиту их,
Он одарил войска и свиту их.

Как ни был шах таким богатствам рад
Но восторгался больше он стократ

Тем, что Фархад дракона зарубил —
И щит и меч заветные добыл...

Как будто кровью змея обагрен,
Пылал меж тем закатный небосклон,

И у подножия горы вазир
Уже налаживал веселый пир...

* * *

Эй, кравчий, друг! Не прекословь — утешь!
Вином, красней, чем змея кровь, утешь!

Сокровища, что получил хакан,
Я всем раздам, когда я буду пьян!

Глава XXIII

ФАРХАД УБИВАЕТ АХРИМАНА

Снаряжение на второй подвиг. Заколдованные джунгли. Ахриман. Взлет Ахримана на воздух с горой в руках. Сулеймановы щит в действии. Сокровищница Ахримана. Сулейманов перстень.

Когда, посыпав мускус камфарой
И духа тьмы тесня, сверкнув зарей,

Являл уже небесный Сулейман
Свой лучезарный перстень-талисман,—

Царевич препоясался мечом,
Подвесил щит, и на коне своем

Он устремился дикою тропой
На духа зла — на Ахримана в бой.

От страха трепетал старик хакан,
Не рад был жизни в этот миг хакан.

Не верил он в удачу, но пошел
За сыном, горько плача, он пошел.

И не хотелось выступать войскам,—
Шли за Фархадом хмуро по пескам.

Один Фархад шел с верою в груди —
На полчаса от войска впереди...

* * *

Вдруг видит он вдали какой-то лес,
Густой, как туча, павшая с небес.

То джунгли Ахримана. Как решусь
Описывать их! Сам ума лишусь!

Сравнений — как ни выбираю — нет:
Тем зарослям конца и краю нет.

Деревьев древних сосчитать нельзя.
Стоят, верхушки в небосвод вонзя.

Да что деревья! Скажем о траве:
И стебли трав качались в синеве.

На исполинских деревах листва
Страшила искаженьем естества.

Прожилка на листе и та, как хлыст.
Соблазн и наважденье — каждый лист!

Там ветерок,— ты скажешь: ураган,
Там каждое животное — шайтан;

Там что ни зверь, то оборотень-див,
Хитрит, лукавит, злобен и блудлив.

От бурных рек такой там гул и вой,
Как если б шел меж тысяч гулей [1] бой.

На водяной посмотришь пузырек,—
Уму — преграда, разуму — упрек.

Не пузырек, а купол пенных вод,
Неверный, как неверный небосвод.

Как срубленные головы, страшны,
Речные громоздились валуны.

На волны там нельзя было взирать,
Чтобы рассудок вмиг не потерять.

Не мог бы часу человек простой
Пробыть в стране завороженной той.

Деревья были там ветвисты все,
Стары, тенисты и дуплисты все.

Что ни дупло, то вопли, хохот, свист,—
Там каждый звук и шорох был нечист.

Там каждый сук сухой — шайтаний рог —
Сбивал со всех тропинок и дорог.

Ветвились там и путались пути:
Туда войдешь — обратно не уйти.

Там ветер выл, как будто бы рыдал
О каждом, кто в ловушку попадал.

Колючки за подол цеплялись там,—
Мол: «К этим страшным не ходи местам!»

И в песнях птиц была тоска, печаль:
Им тоже обреченных было жаль.

Судьба пришедших столь была горька,
Что жемчуг слез роняли облака.

Чинары там, руками шевеля,
Шептали: «Здесь — нечистая земля!

Здесь кончик каждой травки — узкий нож,
По остроте — для кровопуска нож.

Нет, то — кровопролития кинжал,
Что ядовитее змеиных жал!

Со всех сторон тут бедствия грозят.
О путник, уходи скорей назад!..»

Однако же царевич, не смутясь,
Как будто на свиданье торопясь,

Погнал коня сквозь гущу джунглей. Вдруг —
Средь зарослей ему открылся луг.

Он зеленью и розами порос...
То были розы скорби, зелень слез!

А на лугу он увидал дворец,
И ко дворцу повел коня храбрец...

* * *

Услышав стук копыт издалека,
Встал Ахриман, увидел ездока.

Взглянув на светлый облик, на езду,—
Людского счастья он узнал звезду,

Узнал, кто витязь горделивый был,
Что это истребитель дивов был!

Громоподобно он захохотал,
Как туча гнева, сразу мрачен стал.

Разбрызгивая смертоносный яд,
От головы до пят искрясь, как ад,

Ревел он так, что мироздания лес
Шатался и трещал чертог небес.

Так каждый волос вздыбился на нем,
Как будто стал копейным острием.

А впрочем — нет, не копья были то,
А страшных змей подобья были то.

Где капал пот его — там зол, хоть мал,
Див или гуль мгновенно возникал.

Был ростом выше башен Ахриман,
Как Страшный суд, был страшен Ахриман.

Какой-то столб схватил он на бегу,—
Не столб, а минарет — сказать могу.

Скалу к концу столба он привязал,
И палицей такою потрясал,

А размахнулся бы во весь размах,
Альбурз-гора рассыпалась бы в прах!

Как ураган на лилию, так он
Понесся на Фархада, разъярен:

«Эй, слишком ты беспечен, человек!
Какой судьбой ты мечен, человек?

Зачем пробрался в заросли мои?
Тут жало вырывают у змеи;

Здесь тигр когтей лишается, а лев
Оставит лапу, чудом уцелев;

Сгорят здесь крылья даже у орла,
Сломает ангел тут свои крыла.

Ты, видно, смерти сам искал. Ну, что ж:
Сейчас, безумец, ты её найдешь!..»

И Ахриман своим столбом махнул,
Царевич сразу голову пригнул,

И глыбу подхватить успел щитом,
И отрубить от палицы мечом.

Рассвирепел жесточе Ахриман,
Взревел, как зверь всклокочен, Ахриман.

Стояла каменистая гора:
Схватив ее с кремнистого ребра,

Он оторвал и поднял всю ее,
И так, держа всю на весу ее,

Он вихрем взвился кверху вместе с ней,
Чтоб на врага обрушить дождь камней.

Фархад заметил, что ему грозит,
И выставил свой чудотворный щит.

Святейшим, величайшим из имен
Был Ахриман мгновенно ослеплен.

Все тело дива ослабело вдруг,
Ушла вся сила из могучих рук,

И, рухнув с неба на земную твердь,
Сам на камнях свою нашел он смерть.

Фархад увидел: низвергатель скал
Пред ним, как падаль жалкая, лежал.

И вмиг отсек молниеносный меч
Поганую башку с могучих плеч.

* * *

И во дворец направился затем
Фархад-царевич, как герой Рустем [2].

Нет, не дворец, а настоящий мир!
Сто тысяч тайн в себе таящий мир!

За дверью — дверь, на всех дверях — зам
Все из железа кованы — крепки.

И надписи на всех дверях: прочтешь,
Какие, где сокровища найдешь,

Что — на виду, что скрыто в сундуках,
Что спрятано в хитрейших тайниках.

Бродя от двери к двери наугад,
Застыл перед одной из них Фархад:

Вся в золоте и в самоцветах дверь,
С таинственным указом эта дверь:

«Замок у этой двери не простой:
Напрасно в счастье веря, тут не стой».

Прочел Фархад — на миг оторопел:
Убивший Ахримана весь вскипел:

Камнями изукрашенный замок
Он осмотрел и вдоль и поперек,

А изучив, нажал потайный гвоздь —
И отпер дверь незваный смелый гость.

Он дверь открыл дрожащею рукой...
Не видывал он комнаты такой!

Светла, чиста, как помыслы детей,
Как сердце независтливых людей.

Царевич осмотрелся. Меж лампад
Одна — из яхонта — прельщала взгляд.

Так излучаться, так сиять светло
Юпитера сиянье лишь могло!

Лампаду снял царевич и открыл.
В лампаде перстень Сулеймана был!

А на лампаде надпись: «О герой,
Нашедший перстень заповедный мой!

Прочтя на перстне имя всех имен,
Ты будешь новым знанием силен,

И Искандера румского тогда
Ты талисман откроешь без труда...»

Фархад, благодаря свою судьбу,
Тот перстень камнем приложил ко лбу —

И вышел, и сквозь джунгли, невредим,
Прошел обратно он к войскам своим.

* * *

Людей в большом смятенье он застал,
Всех в страшном возбужденье он застал.

Дрожали все осиновой листвой —
Вдруг видят: к ним Фархад идет живой!

Войска возликовали, а хакан
От счастья онемел, как истукан...

Фархад... о нет! Не говоря: «Фархад»,
Скажу о нем: «Времен заря — Фархад»,

Повел войска сквозь джунгли в те места,
Что и назвать боялись их уста.

И на лугу, что, как Ирем, красив,
Войска вокруг дворца расположив,

Хакана и вазира он привел
В ту комнату, где перстень тот нашел,

И все богатства, что он там открыл,
Отцу и атабеку подарил...

И в счастье — людям жажда не чужда:
Опять явилась в пиршестве нужда!

Когда Рустем небес повел плечом
И размахнулся солнечным мечом,

И пал, им обезглавлен, белый див [3],
Своею кровью запад обагрив,

И дымом вздохов омрачил весь мир,—
Шумел в чертоге Ахримана пир.

* * *

Вина мне, кравчий, друг румяный, дай!
Не чару,— череп Ахримана дай!

Вином свой дух желаю опоить,
Чтоб злого духа времени убить!

Глава XXIV

ФАРХАД ДОБЫВАЕТ ЗЕРКАЛО МИРА

Снаряжение на третий подвиг. Старец у ручья Наставления Хызра. Тропа к замку Искандера. Сторожевой лев. Железный воин-истукан. Стрела попадает в цель. Сто железных воинов Искандера. Зеркало мира.

В тот час, когда уставший за ночь мрак
Свой опускал звездистый черный стяг,

И, словно Искандера талисман,
Заголубели сферы сквозь туман,—

Фархад, опять в доспехи облачась,
На подвиг шел, препятствий не страшась.

К ногам отца склонился он с мольбой —
Благословить его на этот бой.

Молитву перстня на коне твердя,
Полдневный путь пустынею пройдя,

Увидел он лужок невдалеке,
Увидел родничок на том лужке.

Тот родничок живую воду нес,—
Он был прозрачней самых чистых слез.

Верхушками в лазури шевеля,
Вокруг него стояли тополя,

И каждый тополь, словно Хызр живой,—
Росою жизни брызнул бы живой!

Фархад подъехал, привязал коня.
У родничка колени преклоня,

И, об успехе богу помолясь,
Он в той воде отмыл печали грязь.

Едва окончил омовенье он,
Заметил в это же мгновенье он

С ним рядом у живого родника
Какого-то седого старика.

Тот старец был в зеленое одет,
Лицом, как ангел, излучал он свет,—

Скажи, сиял он с головы до ног!
И молвил старец ласково: «Сынок!

Будь счастлив и все горести забудь.
Я — Хызр. И здесь я пересек твой путь,

Чтоб легче ты свершил свой путь отсель,
Чтоб счастливо свою обрел ты цель.

Как Искандер, скитался годы я,
Как он, искал живую воду я.

Я вместе с ним ее искал и с ним
Был бедствиями страшными казним.

И с ним попал я в область вечной тьмы,
Где ночь и день равно черней сурьмы.

Однако одному лишь мне тогда
Открылась та заветная вода,

А Искандер воды не уследил —
И жажду духа он не утолил.

Гадать по звездным стал дорогам он,
Стал знаменитым астрологом он.

Он связывает нити тайных дел,
Я их развязыванье овладел.

Знай, Искандеров талисман, мой сын,
Расколдовать могу лишь я один.

Недаром называюсь Хызром я:
Помочь тебе всевышним призван я.

Теперь запомни: продолжая путь,
Считать шаги усердно не забудь.

Когда достигнешь лысого бугра,
На горизонте вырастет гора,

По виду — опрокинутый казан [1]:
Она и есть — тот самый талисман!

С бугра спустясь, будь точен и толков:
Двенадцать тысяч отсчитай шагов.

Но так я говорю тебе, смельчак:
Раскаяньем отмечен каждый шаг!

Путь перейдет в тропу. Тропа — узка,
Она ровна, но, словно лед, скользка.

На двух ее обочинах — гранит,
Острей мечей отточенных гранит.

Чуть шаг ступил — и соскользнул с тропы,
Скользнул — от раны не спасешь стопы.

Кто слаб, тот, горько плача и крича,
Вернется к водам этого ключа.

Но сильный духом — отсчитает так
Одиннадцатитысячный свой шаг.

Тут будет крепость. На стальных цепях
К ней лев прикован — воплощенный страх.

Пасть у него — ущелье, а не пасть:
Взглянуть нельзя, чтоб в обморок не пасть.

Но смельчака, кто, страх преодолев,
Пойдет на льва, не тронет страшный лев:

Его судьба теперь в его руках.
Врата твердыни — в тысяче шагах.

За сто шагов — гранитная плита,—
Натужься, сдвинь — откроются врата.

Войдешь — стоит железный истукан:
Вид — человека, воин-великан,

И лук железный держит воин тот,
И он стрелу на тетиву кладет,

А та стрела — и ка́мень просверлит.
Такой дозорный в крепости стоит!

Весь в латах страж от головы до пят,
Горит, пылает жар железных лат.

На грудь навешен, как метальный диск,
Солнцеслепительный зеркальный диск:

Вонзи в него стрелу со ста шагов,
Не оцарапав и не расколов,—

И вмиг — людоподобный исполин
На землю рухнет. Но не он один:

На крепостных стенах их сотня тут,—
И все в одно мгновенье упадут,

И замок-талисман в тот самый миг
Откроется пред тем, кто все постиг.

Но если кто в мишень и попадет,
Но зеркало стрелою разобьет,—

Все стрелы полетят в него — и он,
Как жаворонок, будет оперен.

Похож на клетку станет он, но в ней
Не запоет отныне соловей...

Все в памяти, сынок мой, сбереги:
На всем пути считай свои шаги.

Не делай шага на своем пути,
Чтоб имя божье не произнести.

Лишь пасть отверзнет лев сторожевой,
Немедля в пасть ты бросишь перстень свой.

Твой перстень отрыгнув, издохнет зверь.
Поднимешь перстень и пойдешь теперь

Еще на девятьсот шагов вперед:
Плита тебе ворота отопрет.

А зеркало стрелой не расколоть
В тот миг тебе поможет сам господь.

Ступай и делай все, как я сказал...»
Прах перед ним Фархад облобызал —

И в путь пустился, помня те слова;
Шаги считая, он дошел до льва.

Он бросил перстень в льва — и зверь издох:
Дошел до камня — сдвинул, сколько смог,—

И сразу же услышал голоса:
Шум за стеной высокой поднялся.

Но лишь открылись крепости врата,
В ней смерти воцарилась немота.

Глядит Фархад, не знает — явь иль блажь:
Стоит пред ним железный грозный страж —

И сто стрелков железных на стене
Натягивают луки, как во сне.

Молитвою сомнения глуша,
Спустил стрелу царевич не спеша —

И в средоточье зеркала, как в глаз,
Не расколов его, стрела впилась.

(Так женщина, к любимому прильнув
И робко и томительно мигнув,

Возобновляя страсть в его крови,
Медлительно кладет клеймо любви.)

Когда молниеносная стрела
Покой в зеркальном диске обрела,

Свалился вмиг железный Руин-Тен,
И сто других попадали со стен...

Освободив от истуканов путь,
Свободно к замку-талисману в путь

Пошел Фархад, и кованая дверь
Сама раскрылась перед ним теперь.

Богатства, там представшие ему,
Не снились и Каруну самому:

И Запад и Восток завоевав,
Тягот немало в жизни испытав,

Сокровища из побежденных стран
Свозил Руми [2] в свой замок-талисман...

* * *

Был в середине замка небольшой,
От прочих обособленный покой.

Он вкруг себя сиянье излучал,
Загадочностью душу обольщал.

Фархад вошел, предчувствием влеком;
Увидел солнце он под потолком,—

Нет, это лучезарная была
Самосветящаяся пиала!..

Не пиала, а зеркало чудес,—
Всевидящее око, дар небес!

Весь мир в многообразии своем,
Все тайны тайн отображались в нем:

События, дела и люди — все,
И то, что было, и что будет, все.

С поверхности был виден пуп земной,
Внутри вращались сферы — до одной.

Поверхность — словно сердце мудреца,
А внутренность, как помыслы творца.

Найдя такое чудо, стал Фархад
Не только весел и не только рад,

А воплощенным счастьем стал он сам,
К зеркальным приобщившись чудесам...

Оставив все на месте, он ушел,
Обратно с дивной вестью он ушел.

У родника он на коня вскочил,—
Утешить войско и отца спешил.

От груза горя всех избавил он,
Свои войска опять возглавил он.

Войска расположив у родника,
С собой он взял вазира-старика —

И в замок Искандера поутру
Привел благополучно Мульк-Ару.

Все для отца вручил вазиру он,
Поднес ему и чашу мира он [3].

К стоянке лишь с вечернею зарей
Пришел царевич вместе с Мульк-Арой...

Когда фархадоликая луна,
Сияющим спокойствием полна,

Разбила талисман твердыни дня,
И солнце-Искандер, главу склоня,

Ушло во мрак, и легендарный Джем
Незримо поднял чашу вслед за тем,—

У родника живой воды вазир
Устраивал опять богатый пир.

Вино из чаши Джема пили там,
До дна не пивших не любили там,

Там пели о Джемшиде до утра,
Об Искандере, сидя до утра.

[redacted]

* * *

Эй, кравчий, пир мой нынешний укрась:
Налей Джемшида чашу, не скупясь!

Напьюсь — мне Искандеров талисман
Откроет тайны всех времен и стран!

Глава XXV

ФАРХАД У СОКРАТА

Пещера Сократа. Тысячелетнее ожидание. Предсказание судьбы Фархада. Роковая любовь и бессмертная слава. Свойства зеркала Искандера.

Когда Сократ зари свой светлый взор
Уже направил на вершины гор

И астролябией небесных сфер
Осуществлял надмирный свой промер,—

Фархад молитвы богу воссылал
И буйного коня опять седлал.

Не колебался,— верил свято он,
Что путь найдет к горе Сократа он.

Пошли за ним вазир и сам хакан,
Но не гремел походный барабан:

Войскам на месте быть велел Фархад,
В охрану взял он лишь один отряд...

Пустынную равнину перейдя,
Цветущую долину перейдя,

Остановились пред крутой горой:
Земля — горсть праха перед той горой.

В стекле небес лазурном — та гора,
Вздымалась до Сатурна та гора.

Она, как исполинский дромадер,
Горбом касалась высочайших сфер.

Вершина — вся зубчата, как пила...
Нет, не пилой,— напильником была,

Обтачивавшим светлый, костяной
Шар, нами именуемый луной.

Не сам напильник бегал взад-вперед,—
Кость вкруг него свершала оборот.

Но, впрочем, шар отделан не вполне:
Изъяны в виде старца — на луне [1].

Не счесть ключей волшебных на горе,
Не счесть и трав целебных на горе.

Подножию горы — обмера нет,
В подножии — числа пещерам нет,

И так они черны и так темны,—
В них почернел бы даже шар луны.

Внутри пещер немало гор и скал,
Там водопадов грохот не смолкал,

Текли там сотни озверелых рек,
Вовек не прекращавших дикий бег.

В пещерах гор пещерных не один
Кровавый змей гнездился — исполин...

Все о горе узнать хотел Фархад,
И в чашу Джема поглядел Фархад.

Он увидал все страны света в ней,—
Воочию не видел бы ясней.

Он на семь поясов их разделил
И Грецию в одном определил.

Затем в разведку взоры выслал он —
И место той горы исчислил он.

Вот перед ним вся в зеркале она,—
Пещера за пещерой в ней видна.

Он наяву не видел так пещер:
Смотрело зеркало сквозь мрак пещер.

И вот одна: приметы говорят,
Что в ней живет великий грек — Сократ.

Теперь Фархад нашел и тропку к ней.
Все шли за ним, приблизясь робко к ней.

Вошел царевич, зеркало неся:
Пещера ярко озарилась вся.

Препятствий было много на пути,—
Казалось, им до цели не дойти.

Вдруг — каменная лестница. По ней
Они прошли с десяток ступеней

И на просторный поднялись айван [2].
Вновь переход кривой, как ятаган [3],

И в самой глубине возник чертог...
Как преступить святилища порог?

Но голос из чертога прозвучал:
Переступить порог он приглашал.

Вошли не все, а лишь Фархад с отцом
И с верным их вазиром-мудрецом,

Как мысли входят в сердца светлый дом,
Так, трепеща, вошли они втроем.

Вступили в храм познания они —
Ослепли от сияния они.

То совершенный разум так сиял,
То чистый дух, как Зодиак, сиял.

Свет исходил не только от лица,—
Лучился дух сквозь тело мудреца.

Кто, как гора, свой отряхнул подол
От всех мирских сует, соблазнов, зол

И, с места не сдвигаясь, как гора,
Стал воплощеньем высшего добра,—

Тот плоть свою в гранит горы зарыл,
А дух в граните плоти он сокрыл.

Но и сквозь камень плоти дух-рубин
Лучился светом мировых глубин...

Он в мире плотью светоносной был,
Он отраженьем макрокосма был.

Все было высокосогласным в нем,
А сердце было морем ясным в нем,

В котором сонм несметных звездных тел,
Как жемчуг драгоценнейший блестел!

Лик — зеркало познанья божества,
В очах — само сиянье божества.

Где капля пота падала с чела,—
Смотри, звезда сиять там начала.

Лишь телом к месту он прикован был,
А духом странником веков он был.

Любовь и кротость — существо его,
А на челе познанья торжество.

Перед таким величьем мудреца
У всех пришедших замерли сердца,

И дрожь благоговенья потрясла
Упавшие к его ногам тела.

* * *

Сократ спросил, как долго шли они,
Как трудный путь перенесли они,

И через много ль им пришлось пройти
Опасностей, страданий на пути.

Но каждый, выслушав его вопрос,
Как будто онемел и в землю врос.

Сказал мудрец хакану: «Весь ты сед,
И много, верно, претерпел ты бед,

Пока моей обители достиг.
Но не горюй, почтеннейший старик:

Сокровища, которым нет цены,
Тебе уже всевышним вручены.

Но от меня узнай другую весть:
Еще одна тебе награда есть.

Великим счастием отмечен ты:
Знай — будешь очень долговечен ты.

Открылось мне в движении планет,
Что жизнь твоя продлится до ста лет.

А если посетит тебя недуг
И раньше срока одряхлеешь вдруг,—

Я камешек тебе сейчас вручу:
К нему ты обратишься, как к врачу.

Ты этот камешек положишь в рот,—
Недуг твой от тебя он отвернет,

И старческую немощь без следа
Он устранит на долгие года...»

А Мульк-Аре сказал он в свой черед:
«И ты немало претерпел тягот,—

Награду дать мне надо и тебе:
Ту самую награду — и тебе.

Одна опасность вам грозит троим,—
И мы пред ней в бессилии стоим.

Она — в соединенье двух начал,—
Блажен, кто только порознь их встречал:

Начала эти — воздух и вода.
Всевышний да поможет вам тогда...

Я все открыл вам...» Шаху с Мульк-Арой
Кивнул Сократ учтиво головой

И сам их до порога проводил.
Фархада обласкал он, ободрил

И так сказал царевичу: «О ты,
Рожденный для скорбей и доброты!

Свой дух и плоть к страданьям приготовь:
Великую познаешь ты любовь.

Тысячелетье уж прошло с тех пор,
Как сам себя обрек я на затвор.

Я горячо судьбу благодарю,
Что, наконец, с тобою говорю.

Ведь ждал все дни и ночи я тебя:
Вот вижу я воочию тебя!

Мой час пришел — я в вечность ухожу.
Послушай, сын мой, что тебе скажу:

Знай, этот мир для праведных людей —
Узилище и торжество скорбей.

Да, жизнь — ничто, она — лишь прах и тлен:
Богатства, власть — все это духа плен.

Не в этом смысл земного бытия:
Отречься должен человек от «я».

Найти заветный жемчуг не дано
Без погруженья на морское дно.

Тот, кто от «я» отрекся, только тот
К спасению дорогу обретет.

Дороги же к спасенью нет иной,
Помимо жертвенной любви земной.

Любовь печалью иссушает плоть,
В сухую щепку превращает плоть.

А лишь коснется, пламенно-светла,—
И вспыхнет щепка и сгорит дотла.

Тебе любовь земная предстоит,
Которая тебя испепелит.

Ее не сможешь ты преобороть;
Ты обречен предать страданьям плоть.

Отвержен будешь, одинок и сир,
Но озаришь своей любовью мир.

Слух о тебе до дальних стран дойдет,
Он до южан и северян дойдет.

Твоей любви прекрасная печаль
Затопит и девятой сферы даль [4].

Твоя любовь, страданьем велика,
Преданьями пройдет и сквозь века.

Где б ни были влюбленные,— для них
Священным станет прах путей твоих.

Забудет мир о всех богатырях,
О кесарях, хаканах и царях.

Но о Фархаде будут вновь и вновь
Народы петь, превознося любовь!..»

Сократ умолк, глаза на миг закрыл
И, торопясь, опять заговорил:

«Пока глаза не смеркли, я скажу:
О том волшебном зеркале скажу,

Которое ты вынул из ларца
В сокровищнице своего отца.

Когда железный латник-великан,
Хранивший Искандеров талисман,

Сквозь зеркало, что ты стрелой пробил,
Сражен тобой молниеносно был,—

То расколдован был в тот самый миг
И первый талисман — его двойник.

Когда вернешься в свой родной Китай,
Ты свойство талисмана испытай,—

Открой ларец — и в зеркало смотри:
Что скрыл художник у него внутри,

Проступит на поверхность. Ты узришь
Ту, от кого ты вспыхнешь и сгоришь.

Начнется здесь твоей любви пожар,—
Раздуй его, благослови пожар.

Но знай: лишь раз, мгновение одно
Виденье это созерцать дано.

Откроет тайну зеркало на миг,
Твоей любви ты в нем увидишь лик,

Но ни на миг виденья не продлить.
Твоей судьбы запутается нить:

Ты станешь думать лишь о ней теперь,
Страдать ты будешь все сильней теперь,

И даже я, хранитель всех наук,
Не угасил бы пламя этих мук.

Так, на тебя свои войска погнав,
Схватив и в цепи страсти заковав,

Любовь тебя пленит навек. Но знай:
Как ни страдай в плену, как ни стенай,

Но кто такой любовью жил хоть миг,—
Могущественней тысячи владык!

Прощай... Мне время в вечность отойти,
А ты, что в мире ищешь, обрети.

Порой, страдая на огне любви,
Мое ты имя в сердце назови...»

На этом речь свою Сократ пресек:
Смежив глаза, почил великий грек,

Ушел, как и Сухейль, в тот долгий путь,
Откуда никого нельзя вернуть...

Теперь Фархад рыдал, вдвойне скорбя:
Оплакивал Сократа и себя.

И шаха он и Мульк-Ару позвал
И вместе с ними слезы проливал.

Затем со свитой вместе, как могли,
Положенною долею земли

Навечно наделили мудреца,—
Устроили обитель мертвеца.

* * *

Когда Фархад хакану сообщил,
Что грек ему великий возвестил,

То старый шах едва не умер: столь
Великую переживал он боль.

Была судьба нещадна к старику!..
Печально возвращались к роднику.

Когда же солнце мудро, как Сократ,
Благословило собственный закат,

То ночь — Лукман [5], глубоко омрачась,
Над ним рыдала, в траур облачась.

Хакан устроил поминальный пир,
Хоть и обильный, но печальный пир.

В ту ночь пришлось вино погорше пить,—
В чем, как не в горьком, горе утопить?

* * *

Послушай, кравчий, друг мой! Будь умней,
Вина мне дай погуще, потемней.

Ты чару горем закипеть заставь,
Меня хоть миг ты не скорбеть заставь!

Глава XXVI

ВИДЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ ИСКАНДЕРА

Возвращение из Греции. Зеркало Искандера оживает. Неизвестная страна. Горные работы в скалах. Двойник Фархада. Красавица на коне. Обморок. Зеркало неумолимо. Снова мечты о побеге.

Лишь утренней зари забил родник,
Преобразив небесный луг в цветник,—

Свои войска из греческой земли
В Китай хакан с Фархадом повели.

Дел не имея на пути своем,
Шли без задержек, ночью шли и днем.

И вот царевич и его отец
В родной Китай вернулись наконец...

Хакан воссел на трон,— скажи, что так
Луна в зодиакальный входит знак.

Фархад унять волнения не мог,
Едва переступив родной порог,

Он, удержать не в силах чувств своих,
Потребовал ключи от кладовых:

Свою мечту увидит он теперь!
Сокровищницы распахнул он дверь,—

И вот ларец в его руках... о нет,
Скажи: вместилище ста тысяч бед!

«О казначей, поторопись, не мучь:
От ларчика подай скорее ключ!»

Но ключик, видно, в сговоре с замком,
Твердит свое железным язычком,

И в скважину войти не хочет он,—
Царевичу беду пророчит он,

И за намеком делает намек
Упрямому царевичу замок.

Волос упавших дергает он прядь:
«Оставь меня, не надо отпирать!»

Но человек не властен над собой,
Когда он соблазнен своей судьбой.

Царевич все же отомкнул замок
И зеркало из ларчика извлек.

Глядит Фархад, и, изумленный, вдруг
Роскошный видит он зеленый луг.

Обильно луг цветами весь порос —
Не счесть фиалок, гиацинтов, роз.

Там каждая травинка — узкий нож,
Заржавленный от кровопуска нож;

Там каждая фиалка — страшный крюк,
Чтоб разум твой хватать за горло вдруг;

Нарцисс вином столь пьяным угощал,
Что сразу ум в безумье превращал;

В крови у каждой розы лепестки;
Петлятся гиацинтов завитки,

И что ни завиток — аркан тугой,
Которым ловят разум и покой;

Татарский мускус темень источал,—
Он будущность народа омрачал;

В предчувствии, как будет гнет велик,
У лилий отнимался там язык;

И розы страсти распускались там,—
Чернели, сохли, испекались там;

Всходили там цветы — богатыри,—
Горели гневом мести бунтари.

Царили там смятенье и печаль...
Фархад теперь окинул взором даль.

Он увидал гряду гранитных скал —
Их дикий строй долину замыкал.

И там, на склонах каменной гряды,
Людей каких-то видит он ряды.

Они стоят, как будто вышли в бой,
Толкуя оживленно меж собой.

Но у людей — ни луков и ни пик,—
Кирки в руках: долбят в камнях арык.

Один из них, хоть молод он на вид,
Всех возглавляя, сам долбит гранит,

То действует киркою, то теслом,
Каменотесным занят ремеслом.

Как он печален! На него, скорбя,
Глядит Фархад — и узнает себя!

А в это время из-за острых скал
Сюда отряд наездниц прискакал:

Красавицы, пленяющие взгляд,
На каждой — драгоценнейший наряд.

Одна была — как шах, средь всей толпы:
Как роза — лоб, ресницы — как шипы;

Век полукружья бледны, высоки,
Уста ее румяны и узки.

А конь ее — не конь, а дар небес!
Нет, хром, в сравненье с ним, тулпар [1] небес!

Как управляла резвым скакуном,
Как восседала, гордая, на нем!

На скакуне она, как вихрь, неслась,
Стремительнее всех других неслась.

Был облик пери лучезарно-юн,
Она казалась солнцем между лун.

Куда б ни обращала взор с седла,
Сжигала вмиг сердца людей дотла...

Глядит Фархад и видит, что она
В ту сторону пустила скакуна,

Где был он сам, печальный и худой,
Изображен в работе над плитой.

Когда же, перед ним остановясь,
Она его окликнула, смеясь,

И всадницы лучистоокой взгляд
Почувствовал каменотес Фархад,—

Его черты покрыла смерти тень,
И он упал, как раненый олень...

Увидя, как упал его двойник,
Едва пред ним блеснул той пери лик,

Получше разглядеть решил Фархад
Красавицу, чей смертоносен взгляд.

Поднес он ближе зеркало к глазам,
Взглянул — и простонал, и обмер сам,

И на пол так же, как его двойник,
Бесчувственно упал он в тот же миг.

Бегут к хакану слуги: «Ой, беда!»
Вошли, дрожат в испуге: «Ой, беда!»

Услышал шах — и ворот разодрал:
Увы! Увы! Он сына потерял!

Мать прибежала — и за прядью прядь
Свои седины стала вырывать.

Узнал и зарыдал мудрец-вазир:
Любил Фархада, как отец, вазир.

И друг Фархада и молочный брат,
Сын Мульк-Ары, Бахрам, кого Фархад

Считал ближайшим сверстником своим,
Душевнейшим наперсником своим,—

Не ворот — грудь свою порвал, скорбя,—
Чуть не лишил он жизни сам себя.

Родные, свита, слуги и врачи —
Как мотыльки у огонька свечи,

Вокруг Фархада плачут, хлопоча,
Увы, увы,— угасла их свеча!..

Он, как покойник, сутки пролежал,
Нет, был он жив, хотя едва дышал.

И лишь когда свой животворный ток
Принес под утро свежий ветерок,

Фархад вздохнул и бровью чуть повел,
Румянцем жизни трепетным расцвел,

Глаза открыл — и видит, как сквозь сон,
Что близкими он всеми окружен,

И все в слезах, и он не мог понять,
Что в скорбь оделись и отец и мать...

Когда же все припомнил он, тогда
Страдать он стал от горького стыда,

И был готов свою мечту проклясть,
И в обморок непробудимый впасть.

Он поднялся, и тут же в прах лицом
Пред матерью упал и пред отцом,

И ноги их смиренно целовал,
И плача о прощенье умолял.

И счастливы, что милый сын их жив,
Его утешив и благословив,

Родители и все, кто были там,
Ушли спокойно по своим делам...

* * *

Хоть искренне отречься был бы рад
От своего желания Фархад,

Хоть был он отягчен виной большой —
Однако же всем сердцем, всей душой

Он к зеркалу тому прикован был,
И стыд и смерть принять готов он был.

Он искушенья не преборол,
И снова доступ к зеркалу обрел —

И снова жадно заглянул в него.
Но было зеркало чудес мертво!

Сократ был прав: из зеркала чудес
Волшебный образ навсегда исчез.

И тут царевич понял: он навек
В страданья ввергнут, обречен навек,

И не спастись от роковой тоски,
Хоть разорвал бы сам себя в куски.

Он размышлял: «Раз жребий мой таков,
И страсти не расторгнуть мне оков,

И смерть моя хоть и близка, но все ж
Вонзит не сразу избавленья нож,

То до того, пока от жгучих дум
Еще не вовсе потерял я ум

И не совсем лишился воли я,—
Обдумать должен все тем боле я.

Благоразумным быть мой долг теперь,
Лишь этот путь сулит мне толк теперь,

Лишь так отца утешить я смогу.
Что из того, что сразу убегу?

Куда уйду один? Где скрыться мне?
Шах разошлет гонцов по всей стране,

Войска он двинет по моим следам,
Схватить меня он даст приказ войскам...

И, несомненно, через два-три дня
В любом убежище найдут меня.

А если вынуть меч и в бой вступить,—
За что же подневольный люд губить?

Ужель народу за любовь его
Моей наградой будет кровь его?

Себя на жертву лучше мне обречь,
Чем на родной народ обрушить меч!

Пусть шах-отец меня потом простит,
Ведь все равно меня замучит стыд.

В лицо народу как я погляжу,
Что богу я в конце концов скажу?

А если б и пойти на тяжкий грех
И обнажить свой меч — один на всех,—

То сколько бы невинных ни убить,
Мне все же победителем не быть!

Я буду схвачен. Если даже шах
И не казнит,— возьмет под стражу шах.

А может быть и так: признает суд,
Что я безумен,— в цепи закуют.

И сколько б я ни клялся, что здоров,—
Как докажу! Закон страны суров.

Себя пока я должен оберечь,
Свои поступки обуздать и речь!..»

Увы, не знал он, что любовь сама
На ветер пустит доводы ума...

* * *

Быть пьяным, кравчий, мой обычай стал,
С тех пор как от ума я притчей стал!

Вина любви губительной налей,
Но от ума избавь меня скорей!

Глава XXVII

ВРАЧИ ПОСЫЛАЮТ ФАРХАДА НА ОСТРОВА

Болезнь Фархада. Совещание врачей. Необходим влажный морской климат. Тайная надежда Фархада.

Знаток любовных тайн и сердцевед
О ходе дела дал такой ответ.

* * *

Хотя Фархад любовь свою скрывал
И поводов к упрекам не давал,

Но если в доме пламя — неужель
Дым не найдет хоть маленькую щель?

И солнца ночью мы не видим, но —
Померкнут звезды,— явится оно.

В какой мешочек мускус ни зашить,
Но запаха его не заглушить.

Тюльпан в бутоне тем приятен нам,
Что не видать сначала пятен нам.

Но лишь он распустился, мы на нем
Все пятна, все пороки узнаем.

Хотя на вид и был Фархад здоров,
Под хворостом благоразумных слов

Пытаясь скрыть сердечный свой костер,—
Однако вздох, слеза, скорбящий взор

На подозренья наводили вдруг,
Что есть какой-то тайный в нем недуг.

Любовь — пожар. Где дом души в огне,
Что скроет занавеска на окне?

Нам солнце и на атом не закрыть
И море в пузырек не перелить.

Кровавая слеза в глазах видна,
Как сквозь бутылку капелька вина.

И потому Фархад недолго мог
Скрывать огонь, который сердце жег.

И чем он больше тот огонь скрывал,
Он тем его сильнее раздувал.

Так он страдал все больше с каждым днем,
И сил таиться не осталось в нем.

Он быстро чах, он превратился в тень,—
Все видели, что воском стал кремень,

Что стан прямой, как пальма, под грозой
Стал слабой виноградною лозой.

Однако же в вине подобных лоз —
Несякнущий родник кровавых слез.

Покуда мозг еще в нем был силен,
Он был и крепким телом наделен.

Теперь, когда ослаб от страсти дух,
И тело поддалось болезням вдруг,

Любовный прорываться начал бред,—
Он явно был безумием задет...

Шах, видя положение вещей,
Созвал друзей, советников, врачей;

Те долго обсуждали, чем он хвор,
Среди врачей возник ученый спор.

Тот скажет так, другой — наоборот,
Но лекарская мудрость верх берет —

И, все обдумав и оговоря,
Докладывают шаху лекаря:

Мозг шах-заде, бесспорно, поврежден —
Он многим был чрезмерно увлечен.

Зловредный жар возник внезапно в нем,
И этот жар усилен был вином.

С трех лет уже твой сын — не по годам —
Весьма ученым предался трудам.

Затем он погрузил в ремесла мозг,
А детский мозг, о шах, не взрослый мозг!

Поход, который совершил твой сын,—
Одна из прочих пагубных причин:

Дракон в него своим огнем дышал,
Свирепый див камнями оглушал,

Он думами все раскалял свой дух,
И воспалился мозг — и стал он сух.

В природе нынче также страшный зной;
Земля от засухи страдает злой;

Конец Джауза [1]. Ветер раскален,
Все обжигает он со всех сторон;

И небо, словно печь, раскалено,
И солнце, как язык огня, красно.

Заря вздувает пламя, словно мех,
Ночь подсыпает уголь без помех;

Не метеоры падают в ночи —
То искры вылетают из печи.

Зной так силен, настолько жарки дни,
Что закипают родники в тени.

Не только на овец напал вертеж,
Но и людей в покое не найдешь:

Как саламандры, мы живем в огне,
Но все мечтаем о прохладном дне.

Так всю природу истомляет жар,—
Стократ Фархада изнуряет жар!

Чтоб жар его недуга умягчить,
Обратным средством надобно лечить.

Он изнутри горит, и потому
Прохладу, влагу нужно дать ему.

Такое место исцеленья есть:
Путь по морю туда дней пять иль шесть.

Там остров есть — красив он и велик,
Гора на нем, а на горе — ледник.

А с ледника струятся родники,—
Как лед, все холодны, как мед, сладки.

От моря — влага и прохлада там,
Пасутся в небесах Плеяды там.

Ту красоту описывать нет слов,—
Больной царевич станет там здоров...»

* * *

Надежду почерпнув из их речей,
Шах согласился с мнением врачей.

Вазиру Мульк-Аре он дал приказ,
Чтоб для пути морского все припас.

К царевичу он вестника послал.
Фархад обрадовался и сказал:

«Хакану передайте мой привет,
Дерзну ль сказать: «Я сын его?» О нет!

Я жалкий раб его,— и все, что он
Прикажет мне, то для меня закон.

В какие б он ни двинулся края,
Его стопой будь голова моя!»

Утешенный согласьем сына шах
Молитву благодарности, в слезах,

Вознес творцу — и, вызвав Мульк-Ару,
Распорядился погрузить к утру

И привести в порядок корабли,
Чтоб завтра же отплыть они могли.

Был несказанно, бесконечно рад
Отцовскому решению Фархад:

Сам из дому он убежать не мог,—
Вот на чужбину выехать предлог!

Все странствия случайностей полны,
Все может быть по прихоти волны.

Быть может, он очутится и там —
В краю, которого не знает сам.

Так и отца не опечалит он,
И сам к своей любви причалит он!..

Так был хитер его расчетов ход,
Как будто все предвидел он вперед.

Недуга словно не бывало в нем,
Как море, радость бушевала в нем;

Волнами мысли закипели вдруг,
Уста сомкнулись, как на судне люк;

Воображенье вздуло паруса,
Мерещились, манили чудеса...

* * *

Эй, кравчий, морем винным угости —
И чашу, как челнок, в него спусти!

Блуждаю в море злой печали я:
Свой утлый челн куда причалю я?

Глава XXVIII

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Морская гавань. Хаканская флотилия выходит в плавание. Море и морские чудища. Зловещий ветер. Хакан не успевает пересесть в челн. Волна уносит Фархада в бушующее море. Описание морской бури. Гибель флотилии.

Жемчужину редчайшую для нас
Извлек нырнувший в море водолаз...

* * *

Для путешествия морского все
Уже закончено, готово все...
Пошли большие корабли вперед —
За каждым забурлил водоворот.

Пошли за ними стаями челны.
Волнами их вздымаемы, челны

Качались так, как если б в этот час
Удар подземный весь Китай потряс.

Морское дело знают моряки:
Им весла — то, что рыбам плавники.

Усердно корабельщики гребли,
Неслись, волну взрезая, корабли,

Неслись челны — и каждый, словно конь,—
Разбрызгивая водяной огонь...

Два дня, две ночи плыли корабли.
Все ближе к цели были корабли.

Сильней вздувает ветер паруса,
Волна морская, словно бирюза:

Сливаются с водой края небес.
Открылся для Фархада мир чудес:

И вёсел плеск, и мачт высоких скрип,
И вид шныряющих диковин-рыб.

Посмотришь — сердце в ужасе замрет:
Страшилища неведомых пород!

Плывут, как будто горы-острова,
А присмотрись — живые существа.

То — рыбы, а не горные хребты,
Как волны, их узорные хребты.

А скорость их! Небесный метеор
В своем паденье не настолько скор.

Те безобразьем отвращают, те
Ни с чем нельзя сравнить по красоте,—

Так изумительна окраска их,
Все очертанья, вся оснастка их.

Вокруг кишели тучи мелких рыб.
Всю эту мелочь мы сравнить могли б

С густой травой, что буйно, без числа
Вкруг мощных кипарисов проросла.

Немало в море и Фархад и шах
Встречали исполинских черепах.

Их костяные страшные тела
Вздымались над водой, как купола,

Что так вселенский зодчий воздвигал,
И сам в пучину моря низвергал.

И неуклюже плавающих вкось
Им видеть в море крабов довелось.

Столкнется с черепахой краб порой —
Столкнулась, ты б сказал, гора с горой.

За рыбами, как тигры вод морских,
Акулы шли и пожирали их.

Их тело — как гранитная гора,
А кожа их — шершавая кора,

И вся в шипах. А пасть откроют — в ней
Не счесть зубов... нет, не зубов — гвоздей!

А на спине — плавник стоит торчком,—
Зови его пилой,— не плавником.

Нет! Копья полчищ моря — тот плавник,
Зубцы твердыни горя — тот плавник!

Вокруг морских собак бурлит всегда,
Как муравейник вкруг змеи, вода.

На суше много хищников живет,
Но их не меньше и в пучине вод.

Кто нужным счел и воды населять,
Оплел сетями и морскую гладь...

* * *

Так, наблюдая чудеса везде,
Два дня уж плыли шах и шах-заде.

Однако их на бедствия обрек
В делах своих непостижимый рок.

Недобрым резким ветром дунул юг,—
Морская буря разразилась вдруг.

И ужаснулись даже моряки,
И, разрывая ворот, старики

В отчаянье докладывали так:
«Приметы знает опытный моряк:

Бушует эта буря раз в сто лет,—
Добра не ждать, а ждать великих бед!»

Решили так: пока возможность есть,
Шах должен с сыном в лодку пересесть,

А эта лодка — месяца быстрей
Могла стремиться по зыбям морей.

Быть может, челн успеет их умчать,
Пока не начал ураган крепчать.

Ладью спустили. На беду свою,
Фархад-царевич первым сел в ладью.

Но вихрь, вонзив мгновенно когти волн,
Прочь оттащил от корабля тот челн.

Старик хакан, оставшийся один,
Рвал в исступленье серебро седин,

Рыдал, вопил... А где-то вдалеке
Сын мерил море в зыбком челноке.

Кто мог разлуку эту им предречь?
Увы, она не предвещала встреч!..

А ураган, как разъяренный зверь,
Пришел уже в неистовство теперь:

Обрушил с неба мировой потоп;
До дна пучину моря всю разгреб;

Не только воды,— небо всколебал,
То небо вниз швырял, то в небо — вал,

И не до нижних сфер, а до высот
Девятой сферы вал иной взнесет;

И пеною все плещет в небеса,
Пощечинами хлещет небеса,

А от таких пощечин небосвод
Темнел, стал мрачным очень небосвод.

Настала ночь... Но ураган не тих,
Катил он сотни тысяч волн больших —

И по волнам швырял туда-сюда,
Как щепки, величайшие суда;

То погружал их мачты в бездны он,
То тыкал ими в свод небесный он,

Как тычет пикой в грудь врага батыр.
И тысячи проткнул он в небе дыр:

Светила, замерцавшие сквозь тьму,
Служили доказательством тому.

Созвездья Рыб и Рака, трепеща,
В пучину вод низверглись сообща.

А остальные — в страхе пред водой,
Едва завидя месяц молодой,

К его ладье все устремились, в ней
Спастись пытаясь от морских зыбей.

И ангелы, путей небес лишась,
Ныряли в море, в уток превратясь.

* * *

Прошла в жестокой непогоде ночь.
Когда была уж на исходе ночь —

И лоно неба стало поутру
Подобно бирюзовому шатру,—

Свирепый ураган ослаб, уснул,
И моря успокоился разгул.

Но корабли! Из сотни их едва
Держались на воде один иль два!

Хоть были очень крепки корабли,—
Разбила буря в щепки корабли,

И море на себе теперь несло
Осколок мачты, утлое весло,

Несло обломки жалкие досок,
И люди, за такой держась кусок,

Зависели от милости волны,
Как без руля и паруса челны.

Счастливец тот, кто сразу же погиб,
Кто заживо не стал добычей рыб!..

* * *

Но уцелел в ту ночь не потому,
Что рок был благосклоннее к нему,

Корабль, на коем шах и Мульк-Ара
Спасительного дождались утра,—

Нет, причинив ему немало зла,
Судьба его осилить не смогла!

Но люди, плывшие на нем,— увы,
Безумны были иль полумертвы!

Носило море их из края в край,
В конце концов их отнесло в Китай,

Где выбросил их на берег прибой.
Там жители сбежались к ним толпой,

И лишь узнали, что произошло,
Какое корабли постигло зло,

Что унесло Фархада в океан,
И что на этом судне — сам хакан,—

И местный хан и тамошний народ
Так много проявили к ним забот,

Что все пришли в себя. Но шах-старик,
Не видя сына, снова поднял крик:

Настигнут был несчастьем снова он,
Рыдал, звал сына дорогого он,

Хоть мысленно и допускал чуть-чуть,
Что и Фархад мог выплыть где-нибудь.

Он также вспомнил, что предрек Сократ,
Но своему спасенью не был рад.

Все ж пред судьбой решил смириться он —
Отправился в свою столицу он...

* * *

Дай, кравчий, выпить прямо из ковша:
Барахтается в море бед душа!

Из моря скорби как спастись душе?
В ладье ковша дай унестись душе!

Глава XXIX

СПАСЕНИЕ ФАРХАДА И ВСТРЕЧА С ШАПУРОМ

Фархад на купеческом корабле. Пираты-островитяне. Зажигательные снаряды. Фархад использует свое искусство меткой стрельбы. Пираты рассеяны. На горизонте — земля! Пиршество в Йемене. Признание Фархада. Рисунок Шапура. Какую страну и кого показало зеркало Искандера.

Кто плавал по морям, нам о таком
Рассказывает случае морском.

* * *

Недолго войско разъяренных волн
Шадило утлый одинокий челн.

Фархад на нем недалеко уплыл,—
Челнок разбит волнами вскоре был.

Фархад, за доску ухватясь одну,
Поэтому лишь не пошел ко дну.

С душой своей заранее простясь,
Но в доску из последних сил вцепясь,

Он стал игрушкой волн — и так устал,
Что сам бесчувственной доскою стал.

Когда над морем день уже сверкнул,
И ураган свой невод волн свернул,

И крик тревожный быстрых птиц морских
Над успокоенной стихией стих,—

Доска, Фархада на себе держа,
Йеменского достигла рубежа.

А тут как раз к Йемену судно шло,—
Его с пути прямого унесло.

Богатые купцы везли в Йемен
Индийский жемчуг, дорогой эбен.

Заметив человека на доске,
Они людей послали в челноке.

И вот — к доске примкнут челночный борт:
Пред моряками на доске простерт

Прекрасный юноша,— казалось, он
Всех чувств живых был навсегда лишен.

Хоть был он неподвижен, словно труп,
Однако же из посиневших губ

Лишь признаки дыханья уловив,
Решили моряки, что был он жив.

И вот на дно челна он погружен —
И на корабль поспешно привезен.

Купцы, вокруг него захлопотав,
Ароматичных средств понюхать дав,

Налили в рот ему затем питья —
И вывели его из забытья.

Чуть приподнявшись и еще без сил,
Фархад про все, что было с ним, спросил.

Дав о его спасении отчет,
Купцы его спросили в свой черед,

Кто он, откуда плыл он и куда,
Где потерпел крушенье и когда?

Сказал он: «Мы китайцы. Шли в Йемен
Шелков богатый груз везли в Йемен.

Увы, в пути постигло горе нас:
Застигла злая буря в море нас,—

Товарищи мои на дно пошли,
Шелка туда же заодно пошли.

Я доску от челна успел поймать,
Но так же, как и остальные пять,

Пошел бы я ко дну, когда бы вас
Не выслал мне господь в последний час.

Что испытал я на доске своей,
Игралище бушующих зыбей,

Как я страдал, и сколько вынес мук,
И как доски не выпустил из рук,

И как страшна была ночная тьма,
И как и сколько раз сходил с ума,—

Зачем печальной повестью такой
Мне ваш душевный омрачать покой?

Когда же в эти воды занесен,
Я впал уже почти что в вечный сон,

То, если вы меня тут не нашли б,
Я вскоре б, разумеется, погиб...

За это чем я вам воздать могу?
Я в неоплатном остаюсь долгу,

И, проживи я сотни лет хотя б,
До самой смерти я ваш верный раб!..»

Так говорил красноречиво он,
Настолько их растрогал живо он,

Что всех очаровал,— они ему
Сердечно покорились самому:

Старались пищей угодить, питьем,
Заботились о нем, как о родном,—

И постепенно стал Фархад опять
Душой и телом силы накоплять.

* * *

Вдруг, словно птицы, на ходу легки,
Какие-то плывут к ним челноки.

На корабле все начали вопить:
«О горе нам! Что делать? Как нам быть?»

Все мечутся, бледны с испуга все,
Прощенья просят друг у друга все —

И на Фархада с ужасом глядят:
«О милый гость, несчастный наш Фархад!»

Фархад не понимает, что стряслось,
Из-за чего смятенье поднялось,

А те, крича и плача, молвят так:
«Да, видно, ты неопытный моряк.

Тут дикари на островах живут,
Живут они морским разбоем тут.

Страшнее грозных бурь для моряков
Вид их долбленых черных челноков.

Один корабль иль целый караван —
Равно боятся тех островитян.

Они же дикой смелости полны,
Едва заметив судно, мчат челны,

Они летят ему навстречу все,
В него снаряды с нефтью мечут все,

Зажгут корабль и — скопом — тут и там
Взлезают по пылающим бортам,

Всех перебьют, разграбят весь товар
И уплывут, любуясь на пожар.

Такое их морское ремесло!..
А нас сюда волною занесло!..

Мы утеряли безопасный путь,—
Погибли мы, нам некуда свернуть!..»

Благоразумен и невозмутим,
Фархад на это отвечает им:

«Не рано ль вам в отчаянье впадать?
Господь успеет помощь нам подать.

Корабль еще покуда не сгорел,—
Найдите лук и хоть немного стрел:

Пусть мало сведущ в деле я морском,
Но слыл когда-то неплохим стрелком».

И тут нашелся лук и стрелы вдруг;
Лук, правда, недостаточно был туг,

И стрелы оказались коротки
И для Фархада чересчур легки.

Но так как был уже со всех сторон
Корабль их челноками окружен

И нефтяной пылающий снаряд
Уже держал один дикарь-пират,—

Фархад немедля с жилы тетивной
Пустил стрелу в сосуд тот нефтяной,

И не ошибся даже на вершок:
Сосуд разбился, и огонь зажег

Метальщика, подручника при нем,
И самый челн охвачен был огнем.

Другой разбойник взялся за снаряд,—
С ним точно так же поступил Фархад.

Едва Фархад заметит там иль тут
Уже зажженный нефтяной сосуд,

Как в тот же миг сражен его стрелой
И сам огнеметальщик удалой,

И челн горит, и люди на челне
Спасенья ищут от огня в волне.

Фархад губил челнок за челноком,
Сгубил он два отряда целиком,

И лишь тогда стрельбу он прекратил,
Когда всех прочих в бегство обратил.

* * *

Опасность миновала. А меж тем —
Народ на корабле остался нем.

Придя в себя и шумною толпой
Фархада окружив,— наперебой

Его благодарили все, пред ним
Склоняя головы, как пред святым.

Богатства за Фархада все отдать
И душу были б рады все отдать.

А сам Фархад устал, сидел грустя...
Но вот еще дня два иль три спустя

Вдруг закричал дозорный корабля:
«Я вижу землю! Впереди — земля!»

То был Йемен. Избегнув бед и зол
Корабль к желанной пристани пришел.

* * *

И наняли в том городе потом
Купцы красивый и удобный дом

И, не теряя дорогих минут,
На радостях запировали тут.

Они достали крепкое вино —
Рубин не так был ярок, как оно.

Фархад же, от вина разгорячась,
Заплакал: он припомнил в этот час

Свою страну, хаканский дом-дворец,
Гадал — погиб иль жив его отец,

А если жив, как должен он страдать?
Что испытала и жива ли мать?

Каким теперь страдальцем стал он сам:
Ведь сиротой, скитальцем стал он сам!

Он был среди друзей, но одинок,
Он душу им свою открыть не мог.

То вдруг одна его терзала боль,
То новая вонзала жало боль;

То он горел влюбленностью своей,
То страшной обреченностью своей.

Купцы не знали ни причины слез,
Ни тайных мук его, ни тайных грез,

И, видя, что взбодрить его нельзя,
Печальны стали и его друзья.

Не всё мы видим и в душе своей,—
Душа чужая — нам в сто раз темней!..

* * *

Ума и благородства образец,
Был некий там, хотя и не купец,

Но в странствиях свой проводивший век
Один весьма достойный человек.

Художником прославленным он был,
Непревзойденным мастером он слыл.

Венец искусства и его закон —
Был гордостью своей эпохи он.

Пером и кистью он весь мир увлек,
И в мире знал он каждый уголок:

Он и Восток и Запад исходил,
Он и страну китайцев посетил.

Искусство их он изучал в те дни,
Знакомился с твореньями Мани.

На первенство он с ним затеял спор,
Который не решен и до сих пор.

Шапура имя обошло весь мир,
Шапур для всех народов был кумир.

По воле случая попал и сам
Он, как Фархад, на судно к тем купцам.

По обхожденью, как и по уму
Фархад пришелся по душе ему.

Он за Фархадом в море наблюдал
И, видя, как он горевал, страдал,

Он угадал в нем, глядя на него,
Не схожее со всеми существо.

Но этой сути необычный знак
Не мог Шапур определить никак.

Здесь, на пиру, догадкой осенен,
Тоску и плач Фархада понял он:

Так может плакать от любовных ран,
Кто жертвой страсти был судьбой избран.

Шапур, дабы проверить вывод свой,
Речь о любви затеял роковой.

Хоть слез Фархад и не унял, но вдруг
Он весь притих, весь превратился в слух,

И, взвешивая все слова свои,
Мудрец Шапур вел речи о любви.

Тут им открылась дружбы их стезя,
И не могли с нее свернуть друзья.

С ним продолжал беседовать Шапур,
Но не спешил выведывать Шапур

Всю тайну сразу: знал он, что Фархад
И сам ему открыться будет рад.

Любовь участья жаждет каждый миг,—
Вино умеет развязать язык.

К Шапуру всей душой своей влеком
И опьянен любовью и вином,

Фархад уже был мысленно готов
Над тайной сердца приподнять покров.

И задал тут Шапур прямой вопрос:
«Кто ты, откуда, в чем причина слез?»

Свое происхожденье скрыл Фархад:
«Что в этом проку?» — говорил Фархад.

Об остальном сказал, но вкратце он:
Про зеркало не смел признаться он.

Сказал он так, что, мол, во сне одна
Ему приснилась дивная страна.

Он не читал, не слышал о стране,
Подобной им увиденной во сне,

Но так она чудесно хороша,
Что ею пленена навек душа.

И вот — с тех пор он бросил край родной,
Разыскивает этот рай земной.

Приметы он привел своей мечты,—
Какие горы видел и цветы.

Фархад уже готов был и про ту
Красавицу сказать начистоту,

Но застонал, и, не разжавши уст,
Смертельно побледнел и пал без чувств...

Шапур немедля помощь оказал:
Он голову Фархада поддержал,

Виски ему натер, а также грудь —
Сумел ему сознание вернуть.

Купцы, однако, все до одного
Так напились вина, что ничего

Не видели и не могли понять,
И меж друзей беседа шла опять.

Шапур сказал: «О кипарис Фархад,
Не унывай, приободрись, Фархад!

Осенних ветров ты изведал гнет,
Но тверже будь,— и ветер не согнет.

Угодно было, видимо, судьбе,
Чтоб ты мне все поведал о себе.

Итак, отчаяньем себя не мучь:
К замку твоей мечты имею ключ.

Настолько точно описал ты мне
Тот край, который видел лишь во сне,

Что я узнал его! Я был там сам!
Я вновь влекусь к тем дивным небесам.

Не может быть другой такой страны:
Все сходится, приметы все верны.

Живительно-тепло погодье в ней,
Обилье роз и плодородье в ней.

Как сам Ирем, пленительно свежа
Она от рубежа до рубежа.

Армен [1] — ее названье. Если ты
Отправишься в страну своей мечты,

Возьми меня, о друг мой дорогой,
Своим проводником, своим слугой!

А если ты не веришь мне,— могу
И доказать тебе, что я не лгу».

Художник кисть и лист бумаги взял
И вид Армена тут же набросал.

Взглянул Фархад и сладостно вздохнул,-
Он будто снова в зеркало взглянул!

Дорогу в царство друга обретя,
Он ликовал, как пьяный, как дитя...

* * *

Эй, кравчий, дай вина повеселей!
Весть получил я о мечте своей!

Красавицу-армянку как забыть?
Хочу сегодня по-армянски пить!

Глава XXX

ФАРХАД С ШАПУРОМ ПРИБЫВАЮТ В СТРАНУ АРМЕН

Знакомые картины. Бесплодный труд двухсот каменоломов. Фархад берется один провести арык в гранитных скалах. Заготовка горных инструментов. Начало работ. Изумление людей. Вести приходят к царице Михин-Бану.

Кто вел их к цели, тот, по мере сил,
Предмет их цели так изобразил.

* * *

Проснувшийся задолго до утра,
Фархад мгновенно вспомнил, что вчера

Сказал Шапур, что он нарисовал
И как страну его мечты назвал.

Еще была густа ночная тьма,
И небо черным было, как сурьма,—

Он, с ложа встав, к Шапуру побежал,—
Ему бы ноги он облобызал.

Шапуру показалось, что к нему
Внезапно хлынул дивный свет сквозь тьму,

Когда Фархад его окликнул вдруг.
И он сказал: «О дорогой мой друг!

О царь страдальцев, жертв своей любви,
Твой след священен для людей любви!

Неужто разговор о той стране
Привел тебя в такую рань ко мне?»

Фархад воскликнул: «Знай, что весть твоя —
Весть возрожденья мне, весть бытия!

Цель жизни, оправдание мое —
Моя любовь, страдание мое.

Ты слово дал мне — слово соблюди,—
Меня в тот край желанный приведи».

Шапур сказал: «С тобою путь в тот край,
Как он ни труден будь, мне будет рай.

Ну, с богом, светоч времени,— пойдем!»
В путь снарядясь, они пошли вдвоем.

Они — за переходом переход —
Без длительных привалов шли вперед.

Шапур был бодр, легко с Фархадом шел,
Фархад, как тень, с Шапуром рядом шел.

О свойстве дружбы речь велась у них,
О спутниках хороших и дурных.

Рассказами свой услаждая путь,
Беседами свой коротая путь,

Даль мерили они за шагом шаг,
И дружба их росла и крепла так.

Рисунком друга по пути не раз
Фархад и сердце услаждал и глаз,

Превозносил Шапура мастерство,
С китайским даже сравнивал его,

И столько он вопросов задавал:
Что создавал Шапур, как создавал,

Что стал Шапур подозревать: «Фархад,
Пожалуй, сам художник, мой собрат...»

Когда, пройдя чрез много разных стран,
Вступили путники в страну армян,

Шапур сказал: «Теперь, мой друг, следи,—
Свой вещий сон тут наяву найди».

И вот, спустя еще дня два иль три,
Фархад, ликуя, закричал: «Смотри!

Вот тот же луг во всей его красе,
И лилии на нем и розы все!

И тот же самый кружит соловей
Над розою возлюбленной своей.

Здесь прах похож на чистую парчу,
Здесь воздух тушит разума свечу!»

Куда бы здесь ни обращал свой взгляд
К несчастью устремившийся Фархад,

Он дружбу роз и терний наблюдал,
Свою судьбу теперь в ней наблюдал —

И сердце боль пронзала что ни миг:
Фархад долины бедствия достиг

И на вершине горя водрузил
Страданий знамя, что всю жизнь носил.

И так теперь сказал Шапуру он:
«Ты нашей дружбы свято блюл закон.

Вот тех же скал высокая гряда,
Что мне предстала в зеркале тогда.

Вот, друг Шапур, тот самый уголок,
Что так меня сквозь все преграды влек!

Быть может, я навязчив чересчур,
Но я тебе откроюсь, друг Шапур:

Взгляни на скалы,— видишь, люди там?
Работой надрывают груди там.

У каждого из них в руках — тиша.
За них, Шапур, болит моя душа!

Там пробивают, видимо, арык,—
Пойдем — узнаем, что за шум и крик...»

Друзья туда направили стопы
И стали на виду у той толпы.

Картина, им представшая, была
Поистине печальна, тяжела:

Кляня свою судьбу, самих себя,
Крепчайший камень этих гор долбя,

С надсмотрщиком суровым во главе,
Трудились человек там сотни две,

Изнурены, измучены трудом —
Бессмысленно порученным трудом:

Такой гранит был твердый,— ни куска
Не скалывала ни одна кирка!

Да что — куска! — крупинки небольшой
Не отбивалось ни одной тишой!

А те несчастные долбят, долбят...
Поистине не труд, а сущий ад!

Фархад глядел, и сердце сжалось в нем!
Вскипели сразу гнев и жалость в нем!

С глубокой складкой горя меж бровей
Глядел он, не стерпел и крикнул: «Эй,

Несчастные! Судьбой, как видно, вы,
Подобно мне, угнетены, увы!

Однако кто, за что обрек вас тут
На этот тяжкий, безуспешный труд?

Зачем так мучитесь вы, люди, здесь?
Какое же неправосудье здесь!

Гляжу на вас, и богом вам клянусь,
Вот-вот я дымом вздохов захлебнусь!

Откройте вашу цель, и, может быть,
Я чем-нибудь смогу вам пособить!..»

Душевнейшим обычаем его,
Всем царственным обличием его

Те люди были так изумлены,
Так состраданьем были пленены,

Что, ниц повергшись, о своих делах
В таких ему поведали словах:

«Кто ты, кто сердцем чистым взговорил?
Не сам ли ты архангел Джибраил [1]?

Мы ангелов не видели, а все ж —
Ты на людей обычных не похож.

Но если ты и человек, то пусть
Тебя минуют беды, горе, грусть!

Ты спрашивал, теперь ответ внемли:
Отчизна наша — это рай земли.

Есть сорок крепостей у нас в стране,—
Их башни с Зодиаком наравне.

Венчает добродетелью страну
Царица, наш оплот — Михин-Бану.

От Афридуна род ведет она,
И в мире, как Джемшид, она знатна.

На лик ее венец не бросил тень [2],
Но дань с венцов берет он что ни день.

Сокровищ у Михин-Бану в казне,—
Никто не видел столько и во сне.

Опора нам владычество ее,
Отрада нам величество ее.

Живет она от мира отрешась,
Ничьих враждебных козней не страшась.

Есть у нее племянница Ширин,
Как свет зари, румянец у Ширин.

Вся — заповедник чистоты она,
Стройна, как тополь, как луна ясна.

Не то, что в светлый лик ее взглянуть,—
Не смеем это имя помянуть.

Кто красоты ее видал венец,
Тот, говорят, на свете не жилец...

Михин-Бану полна забот о ней,
Навек ей дав приют в душе своей.

Отраду в жизни находя одну,
Лишь для нее живет Михин-Бану.

А о труде своем что скажем мы?
Арык ведем в гранитном кряже мы.

Кряж с запада к востоку наклонен,
Источник оросил восточный склон.

Вода его свежа и так сладка,—
Мертвец воскреснет даже от глотка!

Туда, всю свиту вкруг себя собрав,
Царевна приезжает для забав.

Порою эта гурия пиры
Устраивает в том конце горы.

На западе ее дворец стоит,
Необычайной красоты на вид.

Дворцу под стать — окрестность хороша;
Как дивный рай, вся местность хороша.

Макушкою в заоблачный атлас
Там горная вершина вознеслась.

Ах, видно, нет и рая без беды:
Ни капли на вершине нет воды!

Однако по сужденью знатоков,
Исход из положения таков:

Пробить арык — и из ручья тогда
На запад, мол, поднимется вода.

Но от дворца живительный ручей
Течет, увы, за десять ягачей [3]!

Вот их наметка. Мы по ней арык
Должны пробить — и вверх пустить родник.

Но здесь, как видишь сам, все сплошь — гранит;
Тишой долбишь, киркою бьешь гранит,—

Они его, однако, не берут...
Замучил, погубил нас этот труд!

Мы поломали все тиши, кирки:
Тут юноши на вид — как старики,

Все потеряли даже вид людей,
В три года сотни три пробив локтей.

Не только мало жизни нам одной,
Но если б жить нам столько, сколько Ной,

И то нам этот не пробить арык,—
Столь непосилен труд и столь велик!

Начальников мы убедить хотим,—
Что́ наши доводы и просьбы им!..»

Их повести печальной внял Фархад,
За них страдая, застонал Фархад:

«О ты, несправедливая судьба!
О, с камнем непосильная борьба!

А я такие знанья берегу
И неужели им не помогу?

Хоть я не для того пришел сюда,
Но слишком велика у них беда...»

* * *

Оставить их не мог беспечно он:
Горн попросил и мех кузнечный он,

И кожаный передник он надел
И приступил к работе, как умел.

Мех осмотрев и не найдя прорех,
Соединил затем он с горном мех,

Засыпал уголь, плюнул на ладонь —
И начал в горне раздувать огонь.

Затем — будь негодны иль хороши —
Велел собрать он все кирки, тиши,

И все затем забросил в горн и стал
Переплавлять весь собранный металл.

А переплавив, начал ковку он,
Ковал с особенной сноровкой он,

Ковал кирки под стать своим рукам:
Одна — равнялась десяти киркам!

Такие же тиши: коль взвесить их,
Тишей обычных было б десять в них!

Напильников наделал покрупней,
Точильных наготовил он камней,

И тайно всем орудием он стал
Каренов тайный придавать закал.

И, так все приготовив для работ,
Отер Фархад с лица обильный пот,

Присел — и стал о деле размышлять,
Как дело повести, чтоб не сплошать.

Почтительно застыв, толпа людей
Ждала, что будет делать чародей:

У них орудья отобрав из рук,
Что, если сам не справится он вдруг?

Как будто их сомнения прочел,
Фархад к черте арычной подошел,

Киркой взмахнул — и вот уже громит
Он богатырскою рукой гранит.

Ударом посильнее валит он
Такую глыбу,— не осилит слон!

А послабее нанесет удар,
И то обломка хватит на харвар,

От мелких же осколков люди вскачь
Оттуда разбегались на ягач.

Что ни удар — то отгулов кругом —
На десять ягачей грохочет гром.

Так богатырскою своей киркой
Свершить успел он за день труд такой,

Который непосилен был двумстам
Работавшим три года мастерам.

Теперь звучал не горя,— счастья крик:
«Да он один прорoет весь арык!»

Спешат начальники к Михин-Бану,—
Обрадовать хотят свою луну.

* * *

Эй, кравчий, дай из самых жгучих вин!
Я проглочу расплавленный рубин.

Скалу печали чем разворочу?
Вином ее расплавить я хочу!

*

Глава XXXI

ВСТРЕЧА ФАРХАДА С ШИРИН

Выезд двора на места работ. Описание красоты Ширин. Награждение чудесного мастера. Фархад узнает в Ширин красавицу, виденную в зеркале Искандера. Потеря сознания. Фархада переносят во дворец Михин-Бану.

Тот ювелир, что жемчуг слов низал,
Так ожерелье повести связал.

* * *

А я, начав главу, упомяну
О том, что люди бросились к Бану.

Фархад их изумил своим трудом,—
Они ей так поведали о том:

«Пришел к нам некий юноша,— таких
Не видели созданий мы людских:

На вид он изможден, и слаб, и тощ,
А мощь его — нечеловечья мощь.

А сердцем прост и так незлобен он,
И ликом ангелоподобен он.

Не справиться так с глиною сырой,
Как он с крепчайшей каменной горой.

За нас один ломать он стал гранит,—
Арык на полдлины уже пробит!..»

Известием удивлена таким,
Могла ль Михин-Бану поверить им?

И лишь когда опять к ней и опять
Все те же вести стали поступать,

Не верить больше не было причин.
Тогда Бану отправилась к Ширин

И рассказала все, что стало ей
Известно от надежнейших людей:

О том, каков на вид пришелец тот,
Обычаем каков умелец тот

И как один он за день сделал то,
Чего в три года не успел никто.

Воскликнула Ширин: «Кто ж он такой,
Наш гость, творящий чудеса киркой?

Он добровольно нам в беде помог,—
Действительно, его послал к нам бог!

Он птица счастья, что сама влететь
Решилась в нашу горестную сеть.

Сокровища растрачивала я,
Напрасный труд оплачивала я,

И говорила уж себе самой:
«От той затеи руки ты умой,—

Арык не будет сделан никогда,
И во дворец мой не пойдет вода!..»

А этот чужеземец молодой,
Я верю, осчастливит нас водой.

Чем эту птицу счастья привязать?
Ей нужно уваженье оказать!»

Она приказ дала седлать коней,—
Михин-Бану сопутствовала ей.

За ними свита из четырехсот
Жасминогрудых девушек идет.

У сладкоустой пери — строгий конь,
Весь розовый и ветроногий конь.

Резвейшим в мире был ее скакун,
А прозван был в народе он Гульгун [1].

И, управляя розовым конем,
Ширин — как розы лепесток на нем.

Она пустила сразу вскачь коня —
Остались сзади свита и родня,

И конь, послушный пери, так скакал,
Что пот росой на розе засверкал.

Для уловленья в сеть ее красы,—
Как два аркана черных, две косы —

Две черных ночи, и меж той и той,—
Пробор белел камфарною чертой.

Злоумышляла с бровью будто бровь,
Как сообща пролить им чью-то кровь,

И на коране ясного лица
Быть верными клялись ей до конца.

Полны то сладкой дремою глаза,
То страсть пьянит истомою глаза.

А губы — нет живительнее губ,
И нет сердцегубительнее губ!

Как от вина — влажны, и даже вид
Их винной влаги каждого пьянит.

Хоть сахарные, но понять изволь,
Что те же губы рассыпают соль [2],

А эта соль такая, что она
Сладка, как сахар, хоть и солона.

Другой такой ты не найдешь нигде —
Подобна эта соль живой воде!

А родинка у губ — как дерзкий вор,
Средь бела дня забравшийся во двор,

Чтоб соль и сахар красть. Но в них как раз
По шею тот воришка и увяз.

Нет, скажем: эти губы — леденец,
А родинка у рта — индус-купец:

И в леденец, чтоб сделать лучше вкус,
Индийский сахар подмешал индус.

И о ресницах нам сказать пора:
Что ни ресничка — острие пера,

Подписывающего приговор
Всем, кто хоть раз на пери бросит взор.

Нет роз, подобных розам нежных щек;
На подбородке — золотой пушок

Так тонок был, так нежен был, что с ним
Лишь полумесяц узенький сравним,

При солнце возникающий: бог весть,
Воображаем он иль вправду есть.

Жемчужины в ушах под стать вполне
Юпитеру с Венерой при Луне.

Для тысяч вер угрозою угроз
Была любая прядь ее волос.

А стан ее — розовотелый бук,
Нет, кипарис, но гибкий, как бамбук.

Заговорит — не речь,— чудесный мед,
Харварами мог течь словесный мед.

Но, как смертельный яд, он убивал
Вкусившего хоть каплю наповал...

Такою красотой наделена
Была Ширин. Такой была она

В тот день, когда предстала среди скал,
Тому, кто, как мечту, ее искал.

И вот он, чародей-каменолом,
В одежде жалкой, с царственным челом.

Величьем венценосца наделен,
Он был силен, как разъяренный слон,

А благородно-царственным лицом
Был времени сияющим венцом.

В пяту вонзился униженья шип,
А камень бедствий голову ушиб.

Боль искривила арки двух бровей,
Хребет согнулся под горой скорбей,

Легли оковы на уста его,
Но говорила немота его.

На нем любви страдальческой печать,
На нем тоски скитальческой печать.

Однако же — столь немощен и худ —
Он совершает исполинский труд:

С горой в единоборство он вступил —
Гранит его упорству уступил...

Фархад, узрев Ширин, окаменел,
То сердцем леденел, то пламенел.

Но и сама Ширин, чей в этот миг
Под пеленою тайны вспыхнул лик,

К нему мгновенной страстью занялась,
Слезами восхищенья облилась.

На всем скаку остановив коня,
Едва в седле тончайший стан склоня.

Тот жемчуг, что таят глубины чувств,
Рассыпала, открыв рубины уст:

«О доблестнейший витязь, в добрый час
Пришедший к нам, чтоб осчастливить нас!

С обычными людьми не схож, ты нам
Загадка по обличью и делам.

По виду — скорбен, изможден и хил,
Ты не людскую силу проявил,—

Не только силу, но искусство! Нет,
Не знал еще такого чуда свет!

Но, от большой беды избавив нас,
Ты в затрудненье вновь поставил нас:

Ведь сотой части твоего труда
Мы оплатить не сможем никогда.

За скромные дары не обессудь,—
Не в них признательности нашей суть...»

* * *

Фархад от изумленья в землю врос.
А ей закрытый подали поднос

С дарами драгоценными; никто
Не мог бы оценить богатство то.

Поднос рукой точеною открыв,
Ширин, все извиненья повторив,

Дарами стала осыпать того,
Чье чудом ей казалось мастерство.

Фархад стоял, как бы ума лишен,
Так был он поражен, обворожен

Негаданно счастливой встречей той,
Изысканной, учтивой речью той.

Так сердце в нем стучало, что чуть-чуть
Его удары не разбили грудь,

И сам он с головы до ног дрожал,
Все успокоиться не мог — дрожал.

Но вот уста открыл каменотес
И, задыхаясь, еле произнес:

«Я умер от дыханья твоего,
Погиб от обаянья твоего!

Но я не знаю, кто ты! Уж не та ль,
Чей образ вверг меня навек в печаль

И отнял трон, и родину, и дом,
И кем я был в скитальчестве ведом

И на чужбину брошен, пред тобой
Повержен в прах, ничтожный камнебой?

Душа меня покинула, едва
Произнесла ты первые слова.

Нет, я живу, не мог я умереть —
Твое лицо я должен был узреть!»

Вздохнул он. Ветер вздоха был таков,
Что с луноликой он сорвал покров.

Да, перед ним теперь предстала та —
Его любовь, страдание, мечта!

Но кто лишь отраженье увидал
Возлюбленной, и то Меджнуном стал,

Не будет ли небытием сражен,
Чуть самоё ее увидит он?

Кто, вспомнив о вине, хмелеет,— тот,
Хлебнув его, в бесчувствие впадет...

Едва Ширин свой приоткрыла лик,
Фархад ее узнал, и в тот же миг

С глубоким стоном, мертвеца бледней,
Как замертво, свалился перед ней.

Увидев, что, как труп, он распростерт,
Ширин воскликнула: «Он мертв, он мертв!»

Как тучей помрачненная луна,
Померкла, огорченная, она...

Едва тот светоч верности угас,
К нему, как легкий мотылек, тотчас

Поспел Шапур — и горько зарыдал:
«О ты, несчастный! Ты всю жизнь страдал:

Печаль и муки — вот твоя судьба,
Тоска разлуки — вот твоя судьба!

Путь верности ты в мире предпочел,
Но вот какой привал на нем нашел!

Ты на него лишь раз взглянул затем,
Чтоб в тот же миг расстаться с бытием.

Чист сердцем, как ребенок, был,— увы!
В сужденьях мудр и тонок был,— увы!

Ни совесть ты не замарал, ни честь,—
Всех совершенств твоих не перечесть,

Тебе уж не стонать, страдальцу, впредь!
Не двинуть ни рукой, ни пальцем впредь!

Где мощь твоя, крушительница скал?
В ущельях, что киркой ты высекал!

Что блеск и что величие твои,
Высокие обычаи твои?

Раз не возглавишь ты людей земли,
Какой же людям прок от всей земли?

Какие страны, в траур облачась,
Тебя начнут оплакивать сейчас?

Какой народ всех более скорбит,
Какой хакан несчастием убит?

Ах, лучше бы не знать Фархада мне,—
И горе не было б наградой мне!»

Так горевал Шапур. Не он один:
Рыдала столь же горько и Ширин,

Михин-Бану не сдерживала слез,
И плакал весь цветник придворных роз.

Потом уже, подавлен и понур,
Поведал им учтивейший Шапур

Все то, что знал о друге он своем,
О встрече с ним, о странствиях вдвоем...

Но время наступило, наконец,
Обратно возвращаться во дворец.

Шел медленно печальный караван.
И на носилках пышных, словно хан,

Лежал Фархад... нет,— как великий шах,
Несомый девушками на плечах!

Затем в одной из царственных палат
Оплакан всеми снова был Фархад.

И жизни словно не принадлежал,
На царственном он ложе возлежал.

* * *

Эй, кравчий, верный друг мой, поспеши,
Вином крепчайшим чувств меня лиши!

Я притчей стал, в любви не меря чувств,
А если пить — так до потери чувств!

Глава XXXII

ШИРИН ВЛЮБЛЯЕТСЯ В ФАРХАДА

Исчезновение Фархада из дворца. Снова в горах. Борьба Ширин со своим чувством.

Расписывавший ложе по кости,
Повествованье так решил вести.

* * *

Фархад вторые сутки нем лежал,
То — будто бы дышал, то — не дышал.

При нем, не отходя ни шагу прочь,
Ширин с Шапуром были день и ночь.

Когда же непреодолимый сон
Им в третью ночь сковал глаза,— то он

Глаза открыл, очнулся и не мог
Понять никак, что это за чертог,

Как он сюда попал, и почему
Столь пышно ложе постлано ему?..

И вдруг он вспомнил, как к нему пришла
Та, что была, как солнце, вся светла,

Что с ней беседы удостоен был,
Что награжден своей мечтой он был...

Но пресеклась воспоминаний нить,—
Не мог Фархад концов соединить.

Иль образ пери так его потряс —
Ее волшебный голос, чары глаз,

Что в обморок упал он — и сюда
Из жалости доставлен был тогда?

Холодным потом обдал стыд его,—
Что если пери навестит его?

И, робости не в силах превозмочь,
Стремглав он убежал оттуда прочь.

Он проблуждал всю ночь, а на заре
Он возвратился, наконец, к горе,

Где ради той, которую любил,
Арык в гранитных скалах он долбил.

Здесь он подумал: «Я пред ней в долгу.
Чем благодарность высказать могу

Ей, луноликой, светлой пери, ей,
Так снизошедшей к участи моей?

Арык — ее заветная мечта,
Так пусть не будет тщетною мечта!

Хоть жизни нашей скоротечен срок
(Не знаю, мне какой намечен срок),

Но ровно столько я хотел бы жить,
Чтоб это дело с честью завершить...»

И вот опять киркой он замахал,
Опять гранит в горах загромыхал:

Что ни размах руки — то грома треск,
Что ни удар кирки — то молний блеск.

А пыль — как туча, встала до небес,
Лазурь затмилась, солнца свет исчез.

Его дыханья расстилался дым,
Туманом поднимался он густым.

Не пыль, не дым окутали простор
Страны армянской всей от гор до гор.

Нет, не туман! Весенней тучи мощь.
Гранитный град, гранитный шумный дождь.

Лопатой тину или снег рукой
Не снимешь так, как он гранит киркой.

И так в работе той горяч он был,
Так рвеньем трудовым охвачен был,

Так быстро продвигался он вперед,
Что в изумленье ввергнутый народ,

Который следом камни разгребал,—
И кушаков стянуть не успевал...

Но сам рассказчик, подтянув кушак,
Вспять повернул повествованье так:

Когда в то утро солнечный рубин
Открыл глаза Шапуру и Ширин,

Фархада ложе пусто было. Ах!
Мгновенно свет померк у них в очах.

Напрасно поднят был переполох,—
Никто Фархада отыскать не мог.

Шапур пустился в горы. Прибежав,
Увидел он: Фархад и жив и здрав!

Забыл Шапур и горе и испуг,
И ноги друга обнял верный друг...

* * *

А между тем — грустна, потрясена,
Стрелой любви внезапной пронзена

(Как от рассказчика мы узнаем),
Ширин страдала во дворце своем.

Ее уже огонь разлуки жег.
Чтоб скрыть любовь, она нашла предлог,

И говорит она Михин-Бану:
«Постигнуть надо дела глубину.

Дабы, напрасным угнетен трудом,
Родной народ не проклял нас потом,

Направлен был к нам волею небес
Тот витязь-камнелом, но он исчез.

Нам не пробить арыка без него,
Напрасен труд великий без него.

Скорей гонцов повсюду разошли,
Чтоб чужестранца-витязя нашли...»

Весьма тонка была Михин-Бану,—
Все сразу поняла Михин-Бану.

Ей стало ясно, что граниторуб
Ее племяннице отныне люб,

Что наставленьем — страсти не унять
И что пока не время ей пенять.

Благоразумием руководясь,
Михин-Бану за поиски взялась.

Когда же весть пришла, что витязь тот
Опять в горах усердно камень бьет,

Уста Ширин, поблекшие с тоски,
Вновь расцвели, как розы лепестки.

Но жаждет испытания любовь,
Томится без свидания любовь.

И стала думать и гадать Ширин,
Как повидать его хоть раз один,

Хоть издали, хоть как-нибудь тайком,
И даже так, чтоб он не знал о том:

Она боялась, чтоб еще сильней
Не растерялся он при встрече с ней,

И как бы не был тот костер открыт,
Что тайно в сердце у нее горит...

Михин-Бану была душевна с ней,
Беседовала ежедневно с ней,

Справлялась о здоровье,— не больна ль?
Какую носит на душе печаль?

И убедилась, что Ширин чиста,
Что страсти не перейдена черта,

Но, что любовь проникла в сердце к ней
И с каждым днем над нею все властней.

Ширин таилась: с кем ей говорить,
Какому другу сердце ей открыть?

Ах, первая любовь всегда робка,—
Ширин блюла достоинство пока.

Проходят дни, а все грустна Ширин,
Не ест, не пьет, не знает сна Ширин.

То вдруг решает: «Я пойти должна!»
То вдруг и мысль об этом ей страшна.

Честь говорит ей: «Нет!», а сердце: «Да!»
Кто скажет ей — что благо, что беда?

О боль разлуки, как ты горяча!
Недуг растет, а нет ему врача.

* * *

Эй, кравчий, дай душистого вина!
Дай розового, чистого вина!

Неисцелима боль моя, но ей
Благоуханное вино — елей!

Глава XXXIII

ФАРХАД ЗАКАНЧИВАЕТ АРЫК И СТРОИТ ЗАМОК ДЛЯ ШИРИН

Вдохновенный труд Фархада. Описание устройства арыка и озера-водохранилища. Замок из цельной скалы. Живописные работы Фархада и Шапура. Водосбросы для горожан. Народные толпы спешат на праздник водопуска. Царица Бану среди народа. Где Ширин?

Кто острой мысли сложный ход решал,
Тот так пером всю книгу украшал.

* * *

Фархад всецело в дело весь ушел,
Он с каждым днем арык все дальше вел,

Тая в душе надежду, что когда
Он завершит арык, придет сюда

Ширин, розовотелый кипарис,
С кем, наконец, его пути сошлись:

Ее увидит и услышит он
И тем за труд свой будет награжден.

О, сколь она нежна и хороша!
А если скорбная его душа,

От радости такой вся излучась,
Покинет вовсе плоть его в тот час,

То — бог свидетель — больше у него
Он и просить не смеет ничего...

Одушевлен надеждою такой,
С зари и до зари своей киркой

Гранит неутомимо он долбил
Во имя той, которую любил.

Арык он так прокладывал: вперед
Две равнобежные черты ведет

На тысячу локтей: три — ширина,
Два локтя вглубь — арыка глубина.

Он тысячу прорубит, а за ней
Прорубит дальше тысячу локтей.

А двести камненосов следом шло,
Освобождая от камней русло.

Тогда Фархад при помощи тесла
Подравнивал бока и дно русла,

И так искусно их потом лощил,
Как будто воском камень он вощил.

Нет, стены превращал он в зеркала.—
Песчинка отражаться в них могла.

А если каменный кончался грунт
И вдруг песчаный обнажался грунт,—

Не облегчались там его труды:
Пески — плохое ложе для воды,—

И, чтоб арыку не грозил обвал,
Чтоб всей воды песок не выпивал,

Без устали киркой он и тишой
Работал — и не унывал душой.

Он сотни плит гранитных вырезал,
Их оббивал и тщательно тесал,

И высекал зубцы по ребрам плит —
Зубец в зубец он сплачивал гранит,

И, много сотен плит сводя в одно,
Он стены облицовывал и дно,

И так в работе этой был он строг,
Что швов нигде никто б найти не смог...

А снова станут скалы на пути,
В куски он их раскалывал в пути.

Гранитных скал стал жителем Фархад —
Стал скалосокрушителем Фархад.

Подтянет свой кушак потуже он —
Одним ударом рушит целый склон;

Махнет, как бы игрушкой, он киркой —
Смахнет скалы верхушку он киркой.

Он низвергал за глыбой глыбу в степь —
Обрушиться хребты могли бы в степь!

Осколки били по луне, но ей
Был ореол защитой от камней.

Был звездам страшен тех осколков дождь,
Что излила на них Фархада мощь,—

И, головы спасая, сонмы звезд
Бежали с неба, покидая пост.

А небосвод — хоть весь изранен был,—
Захватывал те камни и копил,

Чтоб их бросать на землю: млад и стар
Страдают от камней небесных кар,

И, видимо, запаса тех камней
У неба хватит до скончанья дней!..

Вершины руша от самих небес,
Пыль поднимая до седьмых небес,

Сто вавилонских чар затмив, Фархад
Сердца потряс, смутил умы Фархад,

Когда и день и ночь арык в горах
Он пробивал, свергая горы в прах...

Так исподволь все дело шло к концу,
Арык уже был подведен к дворцу,

И здесь, как мы в дальнейшем узнаем,
Фархадом был устроен водоем,—

Нет, озеро там выдолбил Фархад,
Чья площадь — шестьдесят на шестьдесят.

Вода его живой водой была,
Свежа, прохладна и до дна светла.

* * *

Вблизи дворца стоял один утес,
Который в небо голову вознес.

Он круглым был,— в окружности своей
Имел он свыше пятисот локтей.

Фархад подумал: «Исполин-скала!
Мне тут сама природа помогла.

Об остальном я позабочусь сам:
Прекрасный замок из скалы создам».

Опять Фархад кирку пускает в ход,
Над озером он замок создает,

Из цельной глыбы строит он дворец --
Искуснейшего зодчества венец.

Возглавлен был высоким сводом он,
Стоял лицом к озерным водам он;

Его айван со множеством колонн
В лазурный упирался небосклон.

Величию наружному под стать
Сумел Фархад и все внутри создать:

Был для приемов и пиров большой
Внутри скалы им высечен покой;

Вверху простерся купол-великан,
Трехарочный и тут стоял айван

С высокими колоннами: Фархад
Не пожалел трудов для колоннад.

Он отзеркалил так скалу-дворец,
Что весь подобен стал стеклу дворец.

Своим резцом художник-камнетес
Узоров много на айван нанес,

Украсил стены множеством картин,—
На каждой он изображал Ширин.

Была на троне изображена
Средь гуриеподобных дев она.

Но даже и при райской красоте
Лишь воплощенной формой стали те,

Зато Ширин была так хороша,
Как в образ воплощенная душа!

Во многих видах он изображал
Ту, для кого дворец сооружал.

Изображал он также там себя,
Но так изображал он сам себя,

Что где бы ни была она иль он,
К ней взор его всегда был устремлен.

Шапур его не оставлял и тут,
С ним разделяя живописи труд,

И смелой кистью другу помогал,
И в кисть Фархада смелость он влагал.

Над росписью работая в те дни,
Друг друга дополняли так они:

Один — людей напишет, тот — зверей,
Один — зверей поправит, тот — людей.

Ту, что была всем пери образцом,
Фархад не кистью лишь, но и резцом

Изобразил на камне, и себя
Из камня высек, плача и скорбя.

Так создан был из той скалы дворец,
И так он был украшен под конец,

Подобный по величине горам,
А по изяществу — китайский храм.

Когда уже все кончил в нем Фархад,
Вновь принялся за водоем Фархад,

Стал от него арыки ответвлять
И к самому дворцу их направлять

Так, чтоб дворец Ширин со всех сторон
Узором водным был осеребрен.

Когда он это дело завершил,
И город он снабдить водой решил.

А город был внизу, и без воды
Там огороды гибли и сады.

Фархад исчислил высоту,— она
Двум тысячам локтей была равна.

И с этой кручи вниз пустил Фархад
За водопадом в город — водопад.

И так благодаря его трудам
Все люди воду получили там...

* * *

Когда же день настал для пуска вод,
Смятением охвачен был народ.

Не только этот город,— вся страна
Событием таким потрясена,

Спешила к месту зрелища толпой,
Невиданной досель еще толпой —

Такой, что, попади в нее игла,
И та упасть бы наземь не могла.

Да что игла! Из-за людских лавин
Ни гор не видно было, ни равнин!

А несравненный низвергатель скал
Вдоль берега арычного шагал,

В слезах, печальный. И, как он, понур,
Брел рядом с ним и друг его Шапур.

Да, шел Фархад, тоскою удручен,
Одной мечтою страстной увлечен.

Он думал: «Валит весь народ сюда,
Быть может, и она придет сюда

Полюбоваться делом рук моих —
Моя любовь, источник мук моих.

Я жду ее, тоскую, но боюсь:
Придет — от радости я чувств лишусь.

А если вдруг не явится — умру.
Не повидав красавицы — умру...»

Так, молча, нес он бремя горьких дум.
Но в это время он услышал шум,

И вот — сквозь слезы, как сквозь пелену,
Он видит караван Михин-Бану.

Блестящей свитою окружена,
Как между звезд бесчисленных луна,

Была она так величава,— вся
Великолепье, блеск и слава вся.

Горячим ликованьем обуян,
Народ, столь пышный видя караван,

Срывал все драгоценности с себя,
И путь царицы устилал, любя.

Фархад остановился и поклон
Отвесил низко, горем ущемлен:

Не находил он в царской свите той,
Которая была его звездой.

Печально он опять побрел вперед,
И весь тот многочисленный народ,

Заполнивший от гор до гор пути,
Держал о нем лишь разговор в пути —

И, праздник омрачая сам себе,
Скорбел и плакал о его судьбе.

Хотя Фархад и поспешить бы мог,
Он остановкам находил предлог,

А сам смотрел: не прибыла ли та —
Его любовь, страдание, мечта.

Глядел не в два,— в четыре глаза он,
Ища ее — смятение времен.

И так дошел он до истока вод,
И так за ним дошел и весь народ.

* * *

Подай вина мне, кравчий! Винный хмель
Приятней, чем тоски полынный хмель!

О хмель разлуки! Сколько боли в нем!
Лечи его свиданьем иль вином!

Глава XXXIV

ПРАЗДНИК ВОДОПУСКА

Солнце Армении спешит к водному знаку Зодиака. Суматоха в толпе. Приезд Ширин. Осмотр арыка. Вода пущена. Ликование народа. Фархад на плечах приносит Ширин вместе с конем к водохранилищу. Вода в замке. Снова разлука.

Кто в тех горах разламывал гранит,
Поток прозрачной речи так стремит.

* * *

Когда Фархад, на сердце навалив
Хребты печали, реки слез пролив,

Отправился в тот день на пуск воды,—
Ширин, кто знала все его труды:

И высеченный среди скал арык —
Тот гладкий, как лицо зеркал, арык;

И тот дворец, подобный небесам,
Который для нее он создал там;

И те узоры и картины те,
Которым равных нет по красоте;

И все, что он свершил и что вовек
Другой свершить не мог бы человек,—

Осведомляясь каждый миг о нем
И тем же, что и он, горя огнем,

На этот раз, такую слыша весть,
Волнения не в силах перенесть,—

Придворным слугам отдает приказ
Коня Гульгуна оседлать тотчас.

Тот резвый конь был на ходу легок —
Зерном жемчужным он катиться мог,

Он ветром был. Ширин — нежна, тонка,
Была на ветре лепестком цветка,

Но прежде, чем на ветер свой воссесть,
Ширин к Бану с гонцом послала весть:

«В прогулку солнце хочет, мол, пойти,
Оно спешит, оно уже в пути.

И тот себе наметило привал,
Что Зодиака знак облюбовал [1].

Так пусть булаторукий витязь — тот
Гранитонизвергатель подождет.

Пусть водопуск задержит, пусть вода
Пойдет, когда прибуду я туда...»

Бану, обрадована вестью той,
Спешит найти в толпе людей густой

Фархада, потерявшего, скорбя,
Не только сердце,— самого себя.

Найдя, сказала: «Ты нас извини.
Тебе лишь огорчения одни

Мы причиняли, и велик наш стыд,
Но разве он тебя вознаградит?

Немало ты набегался. Присядь.
О радости хочу тебе сказать:

Сейчас сюда и та прибыть должна,
Что, словно роза нежная, нежна,

Стройна, как кипарис,— чтоб озарить
Арык, что соизволил ты прорыть,

И цвесть, как роза и как кипарис,
У этих вод. А ты приободрись...»

Ведя такой сердечный разговор,
Бану велела разостлать ковер,

Поставить трон и, дав коню покой,
Сошла с седла, на трон воссела свой —

И вновь Фархаду оказала честь,
Прося его на тот ковер присесть.

Гранитосокрушитель, весь в пыли,
Склонился перед нею до земли —

И, словно ангел божий, он присел,
У тронного подножья он присел...

Но тут в толпе возникла кутерьма.
Пыль черная, густая, как сурьма,

Клубилась вдалеке. Она, она —
Султан красавиц, ясная луна,

Вершина красоты, светильник дня —
Сюда поспешно правила коня!

А стража стала оттеснять народ,
Который сбился у истока вод

Вокруг Фархада и Михин-Бану.
Но как сдержать взметенную волну?..

Фархад весь дрожью был охвачен вновь,
Внезапный жар в нем высушил всю кровь.

И начала его увещевать
Михин-Бану заботливо, как мать:

«Свою ты волю напряги, сынок,
Глаза и сердце береги, сынок!

Ведь, потеряв рассудок в этот миг,
Ты рушить можешь все, что сам воздвиг.

Пред всем народом обезумев здесь
(Об этом поразмысли, это взвесь),

Как встретишься ты с пери? Что, когда
Ее страдать заставишь от стыда?

Мир не прощает недостатков нам.
Ты овладей собой, не мучься сам,

Не огорчай меня, а также ту —
Земную гурию, твою мечту...»

Пока боролся он с собой самим,
Красавица была почти пред ним.

В огонь, что на щеках ее пылал,
Как саламандра, весь народ попал.

Не говори, что за кольцом кольцо
Спадали кудри на ее лицо,

Благоухая амброй: это — дым
От пламени того был столь густым,

Как амбра черный,— чернотой своей
Мир омрачил он тысячам семей...

К Фархаду направляя скакуна,
Смущала время красотой она,

И, дерзко время попирая в прах,
Конь приближался, взмыленный в пахах.

Бану Фархаду говорит: «Спеши
Взор уберечь от бедствия души,

Покуда не сошло оно с седла,
И принимайся за свои дела.

Быть может, нелюбезен мой совет,
Но был бы лишь полезен мой совет».

* * *

Шапур помог Фархаду встать — и тот
Пошел с киркой открыть воде проход.

А тут как раз поспела и она —
Та, что была от пери рождена.

И, осмотрев со всех сторон арык,
Любуясь, как сооружен арык,

Ширин, в восторге, слов не находя
И руки в изумленье разводя,

Качаньем головы, улыбкой — так
Высказывала радость, что ни шаг...

Фархад киркой пробил дыру, куда
Вся ручьевая хлынула вода,

Но, встретив заграждение камней,
Свернул сначала в сторону ручей.

И, словно мельница стояла там,
Теченьем камни увлекало там.

Когда же стал арык приютом вод,
Волненье всколыхнуло весь народ.

Как будто вся толпа сошла с ума,
Такая началась там кутерьма,

Такая суматоха, клики, рев,—
И тут и там, с обоих берегов.

Подтягивали пояса певцы,—
Настраивали голоса певцы

Так, чтоб напевы их звучали в лад
С водой, которую пустил Фархад.

Михин-Бану с красавицей своей
Во весь опор помчали двух коней,

Чтоб, обогнав течение воды,
Ждать в замке появление воды.

Но даже конь небесный бы не мог
Опередить столь быстрых вод поток.

И все-таки за всадницами вслед
Пустился весь народ — и юн и сед.

Фархад, давно оставшийся один,
Пешком понесся догонять Ширин.

А конь ее, как ни был он горяч,
Как ни летел за ягачом ягач

(Не говори, что ровным прямиком,—
Летел и через горы ветерком!),—

Но ветерок, чья ноша серебро [2],
Боится сбросить все же серебро,—

И был в такой тревоге этот конь,
Резвейший, ветроногий этот конь,

Что вдруг одну из ног вперед занес,
А остальными — в камень будто врос.

А если бы его погнать тогда,—
Могла с Ширин произойти беда:

Запутаться ногами мог бы конь,
Свалить ее на камни мог бы конь!..

Фархад, которого примчала страсть,
Чтоб розе с ветра наземь не упасть,

Согнулся, как под солнцем небосвод,
Спиной уперся он коню в живот,

Передние схватил одной рукой,
Две задние ноги схватил другой,

И так же, как владычицу сердец
Носил тот ветроногий жеребец,

Так на своих плечах Фархад-Меджнун
Понес обоих, как лихой скакун.

Он так помчался, что, как черный дым,—
Нет, как сурьма, клубилась пыль за ним.

Без передышки на себе их мча,
Два или три бежал он ягача —

И вскоре очутился пред дворцом.
Он обежал дворцовый водоем,

К айвану подбежал и, стан склоня,
Поставил наземь пери и коня...

Едва сошла красавица с седла,
Вода в арык дворцовый потекла.

Прах пред Ширин облобызал Фархад,
Опять ни слова не сказал Фархад,

И, слезы проливая, он ушел,
Как туча дождевая, он ушел.

Когда он в горы шел тропой крутой,
Арык уже наполнился водой,

И до краев был полон водоем —
Так что вода не умещалась в нем;

Она, подобна райским ручейкам,
Текла вокруг дворца по арычкам,

В степь изливаясь, продолжала путь,
У горожан в садах кончала путь...

«Рекою жизни» тот арык с тех пор
Зовется у людей армянских гор,

И «Морем избавленья» — водоем
Народ прозвал на языке своем.

* * *

Эй, кравчий, море винное открой —
И чашу дай с корабль величиной!

В арыке винном — воскресенье мне,
А в море винном — избавленье мне!

Глава XXXV

ФАРХАД НА ПИРУ У МИХИН-БАНУ

Ширин тоскует. Михин-Бану приглашает Фархада на пир. Десять ученых дев. Здравица Ширин за Фархада и за ее любовь к нему.

Вода, в движенье радостном своем,
Так расчертила зыбью водоем.

* * *

Был зрелищем бурно бегущих вод
Захвачен весь ликующий народ,

И, глядя на узорную волну,
Ширин, а также и Михин-Бану

Безмерно рады были, наконец,
Увидеть дела трудного венец.

Дворец от пола и до потолка
Украсили ковры, цветы, шелка;

На всем сияла праздника печать,—
Кому бы тут вздыхать, кому скучать?

Но были щеки розовой луны,
Как лунный свет за облаком, бледны.

Печаль в нее влюбленного — и в ней
Горела с каждым часом все сильней.

Михин-Бану удручена была,—
Ведь в затрудненье и она была:

Все понимая, не могла пока
Она исход найти из тупика,—

Ведь нужен уважительный предлог,
Чтоб хрусталя гранит коснуться мог [1].

И молвит так она: «О джан Ширин,
Очей утеха, мой тюльпан Ширин!

Умна ты столь же, сколь и хороша,
С твоей душой слита моя душа.

Строитель наш, который очень юн,
Но исстрадался, видно, как Меджнун,

Так бескорыстен и неприхотлив,
Что, столько дел труднейших совершив,

Не требует в награду ничего,
Хотя сокровищ стоит труд его

Таких, каких не хватит и у нас.
Но совесть подсказала мне сейчас,

Что, если не сокровища, то есть
Гостеприимство царское и честь:

Его хоть лаской отблагодарим,
Сердечною беседой ободрим.

Устроим пир, пошлем за ним послов,
Быть может, он откликнется на зов.

Мы всячески почтили бы его,
На троне усадили бы его,

И, может быть, сердечный наш прием
Печаль и нелюдимость сбавят в нем.

Поступим так, как сердце нам велит,
И пред людьми чтоб нас не мучил стыд».

Растрогана была до слез Ширин,
И расцвела, как роза роз, Ширин...

Бану дала приказ готовить пир,
Припасов не жалеть,— на то ведь пир!

Был и наказ подробный также дан:
Днем чару пить, собравшись на айван,

Чтоб озером во всей его красе
Могли при солнце любоваться все,

Поскольку не при доме водоем,—
При водоеме дом возник потом.

А вечером все гости перейдут
Во внутренний покой и отдохнут,—

Но чаша круговая чтоб и там
Без отдыха ходила по устам...

Бану послала сметливых людей,
Учтивых и приветливых людей,

Чтоб, разыскав несчастного того,
С почетом привели на торжество.

И люди в путь на розыски пошли,
Фархада в скорби, плачущим нашли.

Послы сказали все без лишних слов.
Фархад, в слезах, припал к ногам послов:

«Вы принесли мне луч надежды,— нет:
Вы самой жизни мне вернули свет!

Прах ваших ног я горд облобызать,—
Посмею ль вашей просьбе отказать?»

И — на носилках — те послы Бану
Его, как шаха, отнесли к Бану.

И, почестями встречен во дворце,
Михин-Бану привечен во дворце,

По-царски взыскан ею, ободрен,
Он рядом с ней посажен был на трон.

Не обойден был тоже и Шапур,—
Устроен был в подножии Шапур.

Удобное мгновенье улучив
И все слова тончайше отточив,

К Фархаду обратя любезный взор,
Царица с ним вступила в разговор.

Насколько красноречию дано,
Настолько помогало ей оно

В искусстве извинений и похвал.
Фархад, смущенный, тем же отвечал.

Речь благородства кончилась, и тут
Настало время для подачи блюд,

Число которых трудно было счесть,
А тем труднее — без остатка съесть.

Когда же кравчий, соблюдая чин,
Стал за кувшином приносить кувшин,

То пир пошел, какого небосвод,
С тех пор как начал свой круговорот,
Не видел и не сможет увидать:
Дух из кувшинов черпал благодать!

Там — что ни чара — яхонта кусок,
Вино — по виду — яхонтовый сок,

По вкусу — слаще райского питья,
Что ни глоток — живой воды струя.

Гостям немало доставлял утех
Красавцев кравчих сладкозвучных смех;

От пения певиц душа рвалась
Завесу сбросить и пуститься в пляс.

Там десять дев-красавиц было, кем
Прославлен был Михин-Бану гарем,

И все они могли тем иль иным
Блеснуть искусством,— каждая своим:

Одна могла в моря стихов нырять [2];
Та — круг мелодий [3] пляской измерять;

У третьей — третий дар: была она
В живописанье логики сильна;

Талант четвертой девы был в ином:
Чертежница была и астроном,

Искусство пятой — алгебра; шестой —
Отпущен был дар слова золотой;

Науки естества даны седьмой;
Вершины философии — восьмой;

Девятая — преданья древних дней
Хранила в ясной памяти своей;

Десятая — загадок мудрых клад
Могла бы расточать хоть год подряд.

Ближайшие наперсницы Ширин,
Нежны, благоуханны, как жасмин,

Пленительны по именам,— они
Все были райским гуриям сродни...

Когда же чара, до краев полна,
Замкнула круг, опустошась до дна,

Михин-Бану, собранье оглядев,
Испытывать взялась ученых дев.

Когда открыт науки был базар
И каждая красавица свой дар

Гостям явила,— шум такой стоял,
Что днем Меркурий в небе засиял [4].

Их слушая, Фархад припоминал
Все, что когда-то сам отлично знал.

Он от вина стал веселей, смелей,—
Царице и гостям еще милей.

Он выслушал ответы дев, затем
Сам стал вопросы задавать им всем.

Но, совершенством века овладев,
Смутил он десять просвещенных дев:

Ведь о премудрых тонкостях таких
И не слыхала ни одна из них.

Тогда Фархад исправил дело сам,—
Все разъяснил весьма умело сам,

И, столь красноречив и столь глубок,
Пирующих настолько он увлек

Непостижимым знаньем всех искусств,
Что, в изумленье, все лишились чувств.

Михин-Бану потрясена была:
Из слов его теперь ясна была

Та царственная тайна красоты,
Что озаряла все его черты.

Людей искусства и науки шах,
Им много помогавшая в делах,

Михин-Бану подумала о том,
Что не простой Фархад каменолом,

А что — искусный мастер и мудрец —
И сам носил он царственный венец...

* * *

А между тем, разлукою томясь,
За занавесью временно таясь,

Ширин, в слезах, чуть не лишась ума,
Все видела, невидима сама.

В тоске по ней и сам каменотес
Ни вздохов больше скрыть не мог, ни слез,

И, хоть следила краем глаз Бану,
Решила твердо в этот раз Бану:

«Чистейшая жемчужина не так
Чиста, как этот камнетес-бедняк.

И сердцем чист он, и очами чист,
И помыслами, и речами чист.

За грех бы я сочла предположить,
Чтоб мог когда-нибудь он совершить

Противное не только красоте,
Но совести людской и чистоте.

Он жертва страсти. На ее огне
Сгореть он может по моей вине,—

И если я не помогу ему,
То кровь его я на себя приму».

Всем ходом этих мыслей смущена,
Дала распоряжение она:

«Племянницы не вижу я своей,—
Пойдите-ка разведайте, что с ней.

Скажите, что изящества луну
Увидеть жаждет на пиру Бану.

Пред драгоценным гостем, хоть на миг,
Пусть явит свой луноподобный лик,

Своим челом пусть озарит его,
Устами душу усладит его.

Сама в гостеприимстве зная толк,
Пусть выполнит гостеприимства долг...»

* * *

Все слышала Ширин, едва дыша,
Воспрянула в красавице душа.

Ступая плавно — так, что от стыда
И время поступь спутало тогда,

На пир жасминогрудая вошла.
Взгремела, как и всюду, ей хвала.

Лицо Ширин скрывал покров. Но чуть
Приподнимался он пред кем-нибудь,—

Казалось — из-под четырех завес
Блистало солнце в вышине небес.

Фархад, едва лишь на нее взглянул,—
Так страстно, так томительно вздохнул,

Что дым, которым задымил тот вздох
Затмить бы семь шатров небесных мог...

Но кравчий, пира соблюдая чин,
Большую чару налил для Ширин,—

И, эту чару осушив до дна,
Любовью и вином опьянена,

Смелее стала пери и страстней,
И человечность проявилась в ней.

И молвила Фархаду пери так:
«Скажу тебе, не лицемеря, так:

О милый гость, кем наш украшен пир,
Своим искусством покорил ты мир.

Но разве лишь искусством ты силен?
Ты мощью богатырской наделен.

Ты совершенством знаний овладел;
Где просвещенью твоему предел?

Тебя хвалить мне, впрочем, нелегко:
Известно всем, что небо — высоко,

Что солнце — ярко... С чем тебя сравнить,
Чтоб совершенств твоих не уронить?

Так пусть круговращающийся свод
В тебе и силу тела сбережет

И душу полную искусств твою
Да охранит, да снимет грусть твою.

Сокровищами путь усыпав твой,
Все будем мы в долгу перед тобой».

И поклонилась до земли Ширин,
В две чары налила вино-рубин,—

Ему решила чару поднести...
И десять дев, что были в десяти

Искушены искусствах,— следом шли,
На блюдах драгоценности несли,

И где ни ступит пери той нога —
С блюд сыпались рубины, жемчуга.

Ширин к Фархаду подошла: «Я вновь
Пью за тебя и за твою любовь!»

И чару осушив свою до дна,
Ему другую поднесла она:

«Пей! Эту чару я тебе даю,—
До капли выпей за любовь мою!»

Два свойства было в винной влаге той:
Одновременно и живой водой

Она была и ядом. Так Фархад
В живой воде нашел смертельный яд.

Он, сам себя не помня в этот миг,
Взял чару и губами к ней приник —

И выпил так ее, как будто дно
Со всей чеканкой выпил заодно!

Была бы чарой неба чара та,
Всю выпил бы, не оторвал бы рта.

И этой чарой дивно упоен,
Он был от всех скорбей освобожден,

Освобожден от собственного «я»,
От сердца своего, от бытия,

И ноги подкосились у него,
И он упал, не помня ничего,

Упал перед своим кумиром он,
Как бы с земным покончил миром он.

Увидя положение его,
Сладчайшее забвение его,

Упала тотчас рядом и Ширин,
Ушла вслед за Фархадом и Ширин.

Подносят зеркала к устам, но — ах,—
Следов дыханья нет на зеркалах!

* * *

Эй, кравчий, друг, на выручку спеши!
Подай мне чару — зеркало души:

Я отраженье милой в ней найду —
И в сладкое беспамятство впаду.

Глава XXXVI

СВАТОВСТВО ХОСРОВА

Иранский шах Хосров Парвиз ищет новую жену. Сообщения гонцов о красавице Ширин. Советник шаха Бузург-Умид. Отправка посла к Михин-Бану.

Кто начертал сей длинный свиток, тот
Такой придал событьям поворот.

* * *

Когда те два несчастных, не к добру,
В блаженстве — чувств лишились на пиру,

То гости, в ком сладчайшее вино
Внезапно было в кровь претворено,

С мест повскакав, друг друга торопя,
К ним кинулись, стеная и вопя,

И отнесли Ширин в один покой,
Каменотеса бедного — в другой.

Так небосвод сближенья их лишил
И вновь меж них разлуку положил:

Им, попранным войсками горя, врозь
Всю ночь лежать в бесчувствии пришлось.

Когда же на заре подул зефир,
От копоти ночной очистив мир,

Рассеял он и темной страсти дым —
И возвратил сознанье тем двоим.

Покинул тотчас царский дом Фархад,
Ушел, снедаемый стыдом, Фархад,

Ширин была к отчаянью близка,—
Горой свалилась на нее тоска.

Михин-Бану чуть в горе не слегла,—
Все успокоить сердце не могла.

Фархада обнадеживать нельзя,
С Ширин быть строже — тоже ведь нельзя:

Так — пересудам пищу можно дать,
Так — справедливость может пострадать.

Но, веря в чистую любовь его,
Царица пригласила вновь его,

А там — еще раз. Не прошло трех дней —
Опять Фархада приглашают к ней.

И с ней и с пери, полной лунных чар,
Он выпил несколько счастливых чар...

И вдруг жестокосердный небосвод,
Коварный и неверный небосвод,

Негаданно запутал их судьбу,
Нет,— подменил как будто их судьбу...

* * *

Царил тогда на западе один
Могучий, именитый властелин,

Аджемский шах [1] и аравийский шах,—
Скажи: он был полуазийский шах.

Хосроя внук, Хормуза сын он был.
Хосров Парвиз [2] — так в мире он прослыл...

Хотя имел супругу он [3], хотя
Имел он также от нее дитя,

Однако не был он доволен им
И не считал наследником своим.

Все чаще стал раздумывать он так:
«Где солончак — там и растет сорняк.

Так нам вещает мудрости дехкан:
«В худую землю не бросай семян.

А розы — лишь на цветниках цветут,
Сажать их в мусор — бесполезный труд»,

Себя несчастным стал считать Хосров,
Стал о другой жене мечтать Хосров,

И разослал нарочных, чтоб нашли
Чистейшую жемчужину земли.

А в это время разнеслась молва
(Вскружилась у Хосрова голова),

Что гурия одна, покинув рай,
В мир снизошла, избрав армянский край;

Что чистотой ее озарена,
Как солнцем, та счастливая страна;

Пройдет она, изящна и горда,—
Туба [4] в раю сгорает от стыда;

Ковсера [5] струи молкнут там, едва
Произнесет она хоть слова два.

По знатности — ей предок сам Джемшид,
По славе — солнце в рабство к ней спешит.

Влюблен в нее редчайший мастер. Он
В науках и искусствах искушен;

Он низвергатель гор,— такой силач —
Скалу в куски дробит рукой силач!

Но горосокрушитель от любви
Стал чахнуть, силы стал терять свои.

И видя, что печаль его крепка,
И пери с ним, как говорят, мягка.

Но, если ей средь женщин равных нет,
Мужчин, как он, столь достославных — нет...

Таков был слово в слово этот слух,
Разволновал Хосрова этот слух.

В его воображенье день и ночь
Была она, не отступая прочь.

Он думал день и ночь о тех двоих,
Однако ждал разведчиков своих.

Но вот из ближних и из дальних стран
Вернулись все разведчики в Иран,

И тот разведчик, что в Армен ходил,
Слух об армянской пери подтвердил:

«Да, красота ей райская дана,—
Достойна ложа шахского она».

А те, что из других пришли краев,
И те иных не находили слов:

«Молвой о ней весь мир шумит, и все
О райской говорят ее красе».

Хосров их выслушал, и страстью к ней
Он втайне воспылал еще сильней,

И порешил отправиться в Армен
За гурией, кем славится Армен.

Но так как он носитель власти был
И не к лицу владыке страсти пыл,

Он по-султански все обдумал вновь,—
Не привела б к оплошности любовь...

На весь Иран и в мире знаменит
Был некий там мудрец Бузург-Умид,

Друг и советник шаха. И его
Призвал Хосров для дела своего.

Уединясь, Хосров с ним говорил,
Волнуясь, тайну он свою открыл.

Мудрец сказал: «В расстройство не впадай,
Но страсти торопливость обуздай.

Найди такого человека, в ком
Посольский опыт сопряжен с умом:

Чтоб, мыслей полон, он устами все ж
С жемчужною был раковиной схож;

Чтоб он уста, как раковина, сжал,
А при нужде раскрыв их,— не плошал,

И только жемчуг чтоб ронял из губ,
И был, где нужно — щедр, где нужно — скуп;

Происхожденьем чтобы знатен был,
Чтоб обхождением приятен был.

Такого человека ты найди,—
К Михин-Бану с посланьем снаряди.

Весьма, я слышал, опытна она,
Царевна тоже, говорят, умна:

Поймут что в сватовстве твоем — и честь
И выгода большая также есть,

И без задержек отошлют посла,
А мы расспросим сами тут посла,

А также по ответу их поймем,—
Согласье или отговорки в нем.

Хоть основанья этому и нет,—
Но если бы уклончив был ответ,

То ты, кто в трудных искушен делах
Найдешь достойное решенье, шах...»

И, согласившись с мненьем мудреца,
Хосров такого подыскал гонца,

Доверил притязание свое,—
Мол, докажи призвание свое.

И, в дело вникнув, опытный посол
В тот дальний путь, не мешкая пошел.

* * *

Эй, кравчий, пить! Дорога предо мной:
Препятствий трудных много предо мной.

Я к ней спешу, и если буду пьян,
Легко перенесусь в страну армян!

Глава XXXVII

МИХИН-БАНУ ОТКАЗЫВАЕТ ХОСРОВУ

Приход иранского посла. Неожиданное предложение. Объяснение с Ширин. Пир в честь посла. Мудрый отказ Михин-Бану. Гнев Хосрова.

Долину эту перешедший здесь,
Явил свой ум и красноречье здесь...

* * *

Когда уже вступил в страну Армен,
Когда он уж достиг дворцовых стен,

Посол, кто мудр был, хоть и не был стар,
Замыслил в сердце сотни тонких чар.

Дворца привратник доложил Бану:
Мол, счастье правит повод в их страну,

Пришел от самого Хосрова, мол,
Вельможный, благороднейший посол.

Он воплощенный разум. Молчалив,
В ответах краток, но красноречив.

Бану слуге кивнула головой:
Посла в покой направить гостевой;

Пусть лучших вин слуга подаст ему,
Подаст изысканнейших яств ему.

К послу затем приставила сама
Людей высоких знаний и ума,

Достойных, привлекательных людей,
Глубокопроницательных людей,

Дабы, поговорив о том, о сем
С влиятельным Парвизовым послом,

Тончайше бы уразумели все
Намеренья его и цели все...

Когда, затронув дела существо,
Им стало ясно шаха сватовство,

Мужи отправились к Бану тотчас,
В смущенье пред ковром ее топчась.

Царица, пропустив их за ковер,
Узнав, к чему клонился разговор,

Сообразила: снова не к добру
Завел неверный небосвод игру.

Сказала: «Завтра мы определим
Удобный час для личной встречи с ним.

Он гость, что прибыл из великих мест,—
Нам надлежит почтить его приезд:

Богат и пышен должен быть прием,—
Да не хулит нас при царе своем,

Его слова сама я взвешу там,
И тот или иной ответ я дам».

* * *

Мужи ушли. И вот — Бану одна
В пучину дум душой погружена.

Нет, перед ней — сомнений темный мир,
Огромный и головоломный мир:

Ни родом, ни державою своей,
Ни в чем Хосров не уступает ей,

Напротив, лестен очень этот брак,—
Страну б ее упрочил этот брак.

Но вспоминался ей Фархад, и вновь
От жалости в ней холодела кровь:

А если твердой быть и предпочесть
Того, в ком выгоды ей больше есть?

Но будет ли согласна и Ширин,
Изящная, прекрасная Ширин?

Заставить? Но согласье под кнутом
К несчастью бы не привело потом.

Хосрову отказать? Придет он в гнев:
Легко джейрана [1] одолеет лев.

Соперничать не стоит голяку
С тем, кто на свет явился весь в шелку.

Под молотом дробится все равно
Сто тысяч стекол так же, как одно.

Как отказать, какой найти предлог,
Чтоб гнев Парвиза на страну не лег?..

Так сеяла старательно она
Соображений разных семена

И, видя, что плодов посева нет,
Племянницу призвала на совет:

«Послала испытанье нам судьба.
Решай сама, а я, увы, слаба».

И гурия, суть дела разобрав,
Воскликнула, лицом к земле припав:

«И смерть легка была бы для меня,
Твои подковки — Кааба [2] для меня!

Убежище от горя, мой Ирем,
Мой рай земной — веселый твой гарем.

Могу ль тебе наперекор пойти,
Могу ли на такой позор пойти?

Твой приговор скорей изречь прошу,
Скорей обрушить скорби меч прошу.

Иль заживо низвергни ты меня,
Как у индусов, в капище огня:

Пусть плоть моя избавится в огне
От сотен тысяч мук, сужденных мне;

Пусть я, подобно волосам моим,
Вся превращусь в кудрявый, легкий дым.

И даже и стенать не стала б я,
Освободила б мир от жалоб я.

О одинокий мученик Фархад!
Прости: так будет лучше мне, Фархад.

Я — лишь мечта твоя, однако ты
Пожертвовал всей жизнью для мечты.

И мне, поверь, достаточно самой
Сознания, что ты в мечте — со мной...

Однако — знай: когда б и лучший друг
Своей любви меня лишил бы вдруг,

То с гордостью свой прожила б я век,
В сознанье, что я все же — человек.

А плен мне страшен. Если средство есть,
То пусть Бану мою спасает честь,

А если нет,— его найдет Ширин:
Сама себя тогда убьет Ширин!..»

* * *

Ее в том состоянье увидав,
Слезам своим обильным выход дав,

Спешила сердобольная Бану
Утешить, обласкать свою луну:

«Ширин, услада сердца моего!
Вся боль дошла до сердца моего!

Сожгла мне этим словом уши ты,
Мою испепелила душу ты.

И ты права, и я, увы, права,
Однако позабудь мои слова,—

Скорей вина подать себе вели,
Веселой влагой сердце взвесели.

Закончу завтра дело пиром я,—
Посланника отправлю с миром я...»

* * *

Назавтра, в срок, на пышном пире том
Бану с иранским встретилась послом.

Со всем радушьем задала вопрос,
Как дальний путь посланец перенес,

И, за Хосрова тут же помолясь,
Ему на славословья не скупясь,

О нем осведомлялась у посла,
Здоров ли, хороши ль его дела.

Красноречивый, голову склонив,
Как подобает, все ей разъяснив,

Такому просвещенью и уму,
И царственности, и всему тому,

Что он увидел,— тысячи похвал
Всем сердцем справедливым воздавал.

Обычай пира подводя к концу,
Бану дары преподнесла гонцу —

И, почести большие оказав,
Уехать разрешила, так сказав:

«За шаха помолюсь, целуя прах,—
Да будет счастлив твой великий шах.

Сама я не скажу ни да, ни нет:
Столпы державы пусть дадут ответ»,

Конец тех слов уразумел посол,
Поцеловал он землю и ушел.

Бану, собрав советников своих,
Так в этом деле наставляла их:

«Послу, носящему Хосроев знак,
Вы скажете, столпы державы, так:

Пусть передаст Хосрову: эта весть,
Что шах прислал с послом,— большая честь.

Пылинку превознес он до небес,
Явил нам, жалким, чудо из чудес.

Но что же делать, если мы рабы
Препятствующей нам во всем судьбы?

А положенье наше таково,
Что стыдно даже огласить его.

Суть в том, что луноликая, о ком
Печется шах, любовью к ней влеком,

Вся добродетель, с головы до ног,
Увы, имеет все-таки порок:

Нельзя при ней сказать и слово: *брак*,—
Замужеству — она смертельный враг,

Дерзнувшего сказать она, увы,
Лишить способна в гневе головы.

Мужской обычай — вот ее закон:
Все — конь да стрелы, да звериный гон.

Хоть нас и огорчает сей порок,
Но — что от бога, то и не в упрек.

А в остальном — как пери вся. Смотри:
Как солнце в сонме ярких Муштари [3].

Весь род мужской в тоске по ней зачах...
Так пусть рассудит справедливый шах,

Что быть могло причиною тому,
Чтоб засидеться ей в моем дому

Без мужа до сих пор, когда б не та,
Несвойственная девушкам черта.

Открыли правду не без боли мы,—
Теперь покорны шахской воле мы».

Сказав, эпохи госпожа ушла.
Советники призвали вновь посла,

И не нашел посол Парвиза слов —
Сорвать с отказа скрытого покров.

Он встал и низко поклонился всем,
Ушел обратно, приуныл совсем...

На месте — шаху слово в слово все
Он доложил, донес Хосрову все.

Шах в гнев пришел и верить не желал.
Посла другого он к Бану послал.

Ответ был тот же. Он и в третий раз
Погнал гонца, но чести он не спас.

Хосров рассвирепел, рвал и метал:
«Как видно, я совсем ничтожен стал,

Раз и такие люди уж и то
Меня дерзают ставить ни во что!

Все это басни, в том сомнений нет:
Лжив от начала до конца ответ.

Иль мало униженья мне того,
Что предложил я им вступить в родство,

Так должен я — к тому же в третий раз —
От них позорный получить отказ?!

Иль соколу уйти с небес пора,
Раз курица кудахчет средь двора?

Пусть лев обрубит когти, стиснет пасть,
А львица пусть в дому захватит власть?

Нет, этого обмана не прощу,—
Я так теперь армянам отомщу,

Такая будет их стране беда —
Урок лжецам до Страшного суда!..»

Велел он вскоре выступать войскам.
О, горе вам, армяне, горе вам!..

Поклонники любви, поймите вы:
Любовь и царство — не одно, увы!

* * *

Познанья чару, кравчий, дай скорей:
Глотка вина не стоит власть царей.

Что мощь владык! Обман, насилье, гнет!
Я пью вино страданья за народ.

Глава XXXVIII

НАШЕСТВИЕ ХОСРОВА НА СТРАНУ АРМЕН

Крепость Михин-Бану. В ожидании осады. Фархад на вершине скалы. Хосров осматривает крепость. Два метких камня Фархада.

Войска стихов построив на смотру,
Поэт в поход повел их поутру.

* * *

Парвиз, поднявший гнева острый меч,
Решив страну армян войне обречь,

Собрал такую силу, что и сам
Не ведал счета всем своим бойцам.

За войском поднимавшаяся пыль
Мрачила светоч дня за милем миль [1],

Скажи — совсем затмила светоч дня,
Сознанье неба самого темня.

Не помнил мир неправый, чтоб поход
Настолько был несправедлив, как тот!

Немного дней водил Парвиз войска,—
Увы, была страна Армен близка...

Тревоги весть летит к Михин-Бану,
Что вторгся неприятель в их страну,

Что он потоком грозным хлынул... нет,—
Какой поток! То море страшных бед!

Какое море! Ужасов потоп!
Нет ни дорог свободных и ни троп...

Бану не растерялась: в ней давно
Созрела мысль, что горе суждено.

И был начальник крепости умен —
К осаде крепость приготовил он.

А крепость, простоявшая века,
Была и неприступна и крепка,

Но так ее сумел он укрепить,
Что крепче и кремлю небес не быть.

Дорога, по которой в крепость шли
Арбы с пшеницей, с сеном той земли,

Напоминала неба Млечный Путь,
Покрытый звездной зернью вечный путь.

За крепостной стеной, что вознеслась
Зубчатым гребнем в голубой атлас,

За каждым из зубцов — гроза врагам —
Сидел не просто воин,— сам Бахрам [2]!

Рвы доходили до глубин земных,
И так вода была прозрачна в них,

Что по ночам дозорным со стены
Бывали звезды нижние видны [3].

Вся крепость так укреплена была
И так припасами полна была,

Что даже и небесный звездомол
Лет в сто зерна б того не промолол.

Как звезд при Овне — было там овец,
Коров — как звезд, когда стоит Телец.

Описывать запасы всех одежд
Нет смысла нам,— а счесть их — нет надежд...

Теперь Бану заботилась о том,
Чтоб власть в народе укреплять своем.

А пери думу думала одну —
Она с военачальником Бану

Фархаду в горы весть передала:
Мол, таковы у них в стране дела,—

Его судьба, увы, ее страшит,
Пусть он укрыться в крепости спешит.

Не думал он в укрытие засесть,
Но, чтоб обиды пери не нанесть,

Он все же нужным счел туда пойти,
Но с тем, чтоб не остаться взаперти...

Над крепостью была одна скала —
Быть башней крепости небес могла.

На ней Фархад решил осады ждать,
Чтоб камни в осаждающих метать...

* * *

А между тем туда спешил Хосров,
Придя, войска расположил Хосров

От места укрепленного того
В полмиля расстояния всего,

А сам со свитой выступил в объезд —
Обозревать твердыню здешних мест.

Внимательно он местность изучал,
На крепость взоры часто обращал,

Обдумывал, рассчитывал, но взор
Не крепость видел на высотах гор,

А небо на земле. Как небо взять?
Где силу и дерзанье где бы взять?

Так размышлял и каялся Парвиз,
Но не совсем отчаялся Парвиз:

В походе пользы, может быть, и нет,
Но сожаленья путь — не путь побед.

Хосров на ту скалу направил взгляд,
Где на вершине пребывал Фархад,

Как жемчуг драгоценный на челе.
Хосров его заметил на скале,

И, словно сам в себя вонзил кинжал,
Он, к свите обратившись, так сказал:

«Осведомьтесь, кто дерзкий тот храбрец —
Угроза и смятение сердец!»

Погнал коня один из тех людей,
К скале приблизился и крикнул: «Эй!

Желает знать великий шах Парвиз,
Кто ты такой? Чем занят? Назовись!»

И так Фархад ответил со скалы:
«Себе не стану расточать хвалы.

Я к именитым не принадлежу,—
Я именем своим не дорожу,

Оно мне чуждо стало,— нет, оно
Исчезло — в прах, в золу превращено

Огнем любви, в котором весь сожжен,
Я своего же существа лишен.

Но люди легкодумны,— потому
Небытию не верят моему,—

И, прах мой поминая, не в укор,
Фархадом именуют до сих пор...»

От столь глубокомудро-скорбных слов
Чуть не лишился разума Хосров.

И, ревностью сжигаем, думал шах:
«Есть сладость в этих мыслях и словах,

Красноречив соперник мой Фархад,
Но в сахаре он мне подносит яд,

Убить змею шипучую — не жаль:
Не ползай и при случае не жаль!

Чтоб не вонзился терний в ноги,— прочь!
Он мой соперник,— и с дороги — прочь!

Пришла пора стянуть на нем аркан,
Пробить ему в отходный барабан».

И кликнул шах: «Эй люди, кто храбрей!
Ко мне его доставьте поскорей...»

Увидел с высоты своей Фархад,
Что мчится в десять всадников отряд,

И громко закричал оттуда вниз:
«Эй ты, сардар! Хосров ли ты Парвиз,

Иль не Хосров, но уши ты открой
И вслушайся в мои слова, герой!

Своих людей ко мне ты с чем послал?
Когда б меня ты в гости приглашал,

То разве приглашенья путь таков,
Что требовал бы сорока подков?

А если смерти ты меня обрек,
Мне это — не во вред, тебе — не впрок,

И грех пред богом и перед людьми
За десять неповинных жертв прими.

Ты волен мнить, что это похвальба.
Однако шлема не снимай со лба:

Метну я камень в голову твою —
И лунку шлема твоего собью [4].

Вот мой привет! И вот — второй! Проверь:
Сбиваю с шлема острие теперь».

Фархад метнул за камнем камень в шлем —
И лунку сшиб и острие затем.

Сказал: «Вот подвиги людей любви!
Ты видел сам и воины твои,

Как меток глаз мой, как сильна рука:
Так уведи скорей свои войска,

Иначе — сам себя же обвиняй:
Всех истреблю поодиночке, знай!

Хоть пощадил я череп твой, а все ж
И сам ты головы не унесешь.

А потому благоразумен будь —
И с головой ступай в обратный путь.

И милосердью ведь пределы есть:
Не вынуждай меня, сардар, на месть.

Я не хочу, чтоб каждый камень мой
Стал неприятельскою головой.

Но мне, в себе несущему любовь,
Я верю — бог простит и эту кровь.

Тебя он шахом сделать захотел,
Мне — прахом быть назначил он в удел,

Однако дело, коим занят шах,
Стократ презренный прах в моих глазах.

Дорогой гнета день и ночь скача,
Конем насилья все и всех топча,

Ты тем ли горд, что кровь и произвол
Ты в добродетель царскую возвел?

Моею речью можешь пренебречь,
Но страшно мне, что ты заносишь меч

И тучу войск на ту страну ведешь,
Куда тебя вела любовь... О, ложь!

Свои уста, язык свой оторви —
Ты говорить не смеешь о любви!..»

Рассерженный Хосров остался нем.
Фархад пробил сначала камнем шлем,

Теперь, произнеся такую речь,
Вонзил он в сердце шаха острый меч.

И, в сердце уязвлен, Хосров ушел,
К своим войскам он, зол, суров, ушел.

* * *

Войска печали, кравчий, отзови!
И шах и нищий — все равны в любви,

Любовь для нас, как власть царям,— сладка,
Но есть соблазн и в доле бедняка.

Глава XXXIX

ОСАДА КРЕПОСТИ АРМЕН

Новая попытка вынудить Михин-Бану к согласию. Достойный ответ. Ревность и ярость Хосрова. Начало осады.

Был златоуст предания радив,
Так девственницу слова нарядив.

* * *

Хотя на целый мир тогда простер
Хосров обиду, но, войдя в шатер,

Он, как всегда, с Бузург-Умидом был,
Почтителен и кроток с виду был.

Он боль свою пред ним открыл и стыд,
И шаху так сказал Бузург-Умид:

«Не огорчайся, на судьбу ропща,—
Оружье горцев издавна — праща.

А речь безумцев — хоть красна, складна,
А все-таки бессмысленна она.

Напрасно сердцу причиняешь вред:
Забудь того помешанного бред!

Я высказать такую мысль дерзну:
Всего бы лучше — вновь к Михин-Бану

Послать красноречивого посла:
Мол, шах пришел, как гость, не помня зла.

Да будет мягок с ней посол в речах,
Но да сумеет ей внушить и страх.

А страх — отец согласья. Подождем,—
Все может мирным кончиться путем.

А будет мало силы языка,
Тогда на приступ поведешь войска.

Ты солнце мира, многославный шах,
Величием Джемшиду равный шах,

Однако помни: крепость их — гранит,
Запасов разных на сто лет хранит.

Старайся сразу взять ее — не то
Не справишься и в десять лет и в сто!

А если безуспешным будет бой,
То не побрезгуй хитростью любой:

Будь заклинатель змей правдив, хитер,—
Но лишь бы змей выманивал из нор...»

Нашелся златоуст, наставлен был —
И в крепость, как посол, отправлен был.

Речь розыска с таких повел он слов:
«Мол, покоритель неба, шах Хосров,

Доверие оказывая мне,
Так соизволил возвестить луне:

«Бия в литавры верности, мы к вам
Пришли, как сын, а не как враг к врагам,

Хоть к нам неблагосклонны были вы,
Чем очень огорчили нас, увы,—

Расположеньем вашим дорожа,
О нем хлопочем, наша госпожа!

А если снова, затемнив ответ,
Не скажете вы нам ни да ни нет,

То наше мненье мы изложим вам,—
Дать искренний ответ поможем вам.

Вы разъяснять изволили нам так!
Жасминогрудой ненавистен брак;

От неизвестных якобы причин
Ей неприятна, мол, любовь мужчин.

Но некий одержимый камнебой,
Чья речь полна безумной похвальбой,

Чей гнусный облик оскорбляет взор
Людей разумных,— времени позор,

Тот бесноватый, с именем Фархад,
Влюблен в особу пери, говорят,

И если верить слухам, и она
К безумному совсем не холодна.

Весь мир такой молвою стал гудеть —
Могло ли это пери не задеть?

Иль ваши не совсем прямы слова,
Иль клевета — всесветная молва.

Противоречье в этом явно есть,
Но, мир желая распре предпочесть,

Ошибку вашу можем допустить
И благосклонно вам ее простить:

Ведь ни людей непогрешимых нет,
Ни слов, ни дел непоправимых нет.

Раздоров мы ни искры не хотим,—
Родства и дружбы искренне хотим...»

Когда посол закончил речь, Бану
Сказала так: «С вопроса я начну:

Зачем твой шах, великий человек —
К столь недостойной клевете прибег?

«Уродством повергая встречных в дрожь,
Фархад и на людей, мол, не похож...»

Какой на это дать могу ответ?
Хоть тысячу б затратила я лет,

Его достоинств я не перечту,
Не опишу такую красоту.

«Он нищий»,— говорит Хосров,— но он
Царевич крови, что отвергнул трон.

В том истинное благородство есть,
Кто нищенство мог царству предпочесть!

Нет головы такой и рук таких:
Нет ни ремесел, ни наук таких,

Чтоб он не знал... Нам сетует Парвиз
На то, что розоликий кипарис,

Ширин, кто, мол, к мужчинам холодна,
Однако же в Фархада влюблена.

Фархад, живущий в лоне бытия,
Но пьющий лишь вино небытия,

Той истины познавши существо,
В которой растворил себя всего,—

Любовью столь возвышенной любя,
Сумел от «я» освободить себя.

Кто сведущ в этих тонкостях, лишь тот
Здесь точку проявления найдет,

И, тонко обнаружив точку ту,
Он высшую оценит красоту.

Нет, я нисколько не удивлена
Тем, что Ширин Фархадом пленена,

Но удивляться я должна тому,
Кто все пороки приписал ему.

Каким же надо было языком
Так говорить о юноше таком!

А если шах, меня столь слабой мня,
Ждал робких извинений от меня,

Пусть речь мою поймет, как хочет он,
Об остальном пусть не хлопочет он.

Я так отвечу на его намек:
Путь дружбы от пути угроз — далек...»

* * *

Все выслушав, тот златоуст ушел,
В большом стыде, в расстройстве чувств ушел.

Потом, все дело шаху изложив,
От страха он едва остался жив.

А шах молчал и ус в досаде грыз,
И от стыда сгорал Хосров Парвиз.

На свой позор не закрывал он глаз:
Отвергнут был он явно в этот раз.

Но был еще он больше уязвлен
Тем, что соперник не был посрамлен.

На царский свой рассчитывал он сан,
Да, видно, грубы нравы у армян!..

Но чем он больше от стыда сгорал,
Тем больше меру гнева шах терял.

А, как известно, стоит лишь извлечь
Великим падишахам гнева меч,

И не сносить тогда голов нам всем,—
Виновным, как и невиновным — всем!

Что камышинке — пламя в камышах,
То человеку разъяренный шах.

Хосров же в гневе был таком большом,
Что стал народ армянский камышом.

На крепость их повел коня тиран,
Чтоб на нее набросить свой аркан.

Покрыв собой поверхность всей земли,
За ним войска за рядом ряд пошли,

Как волны в море — за волной волна,
Как на листе бумажном письмена.

За рядом ряд, отряду вслед отряд —
Войска, походный соблюдая лад,

До крепости дошли и к ней лицом,—
Построившись вокруг нее кольцом,

Под боевой свой клич, под трубный рев,
Что поднял бы и мертвых из гробов,

Всю крепость окружили, весь народ,
Как землю окружает небосвод.

* * *

Дай, кравчий, чашу неба — и не спорь!
Налей вина алей вечерних зорь!

Познаю винной крепости игру,—
Пойму войны свирепость и игру.

Глава XL

ПЛЕНЕНИЕ ФАРХАДА

Фархад побивает иранцев камнями. Коварный план. Мнимый Меджнун. Отравленная роза. Засада. Пленение. Горе Шапура.

Что крепость небосвода? Лучше ты
Скажи о ней: твердыня красоты!

* * *

Когда к осаде приступил Хосров,
Он вырыть приказал огромный ров

И круглый вал насыпать земляной,
Чтоб с тылу оградить себя стеной...

А в это время в крепости армян
Бил день и ночь тревоги барабан,

Дозорных крик не умолкал всю ночь,
И глаз никто там не смыкал всю ночь,

И, факелами вся озарена,
Пылала, как жаровня, их стена...

Десятый день в осаде жил народ,
Не отпирая ни на миг ворот.

Но к их стене вплотную подойти,
Людей своих на приступ повести

Хосров не мог: на тысячу локтей
Фархад камнями побивал людей.

Метнет — разбита вражья голова.
Но он пробил бы даже череп льва.

Что — головы? Попал бы он равно
И в маковое малое зерно!

Несчетно камни он заготовлял,
Врагов несчетно ими истреблял...

Но если спросишь: как же тот, кто сам
Привержен был к страданьям и слезам;

Кто каждому несчастному был рад
Помочь и обласкать его, как брат;

Кто с каждым бедняком сердечен был,
Великодушен, человечен был;

Кто возмущен насильем, гнетом, злом,
Теперь убийство сделал ремеслом? —

То мы напомним: проливая кровь,
Он воевал за верность и любовь

И ужас наводил на тех людей,
Которых на злодейство вел злодей.

Фархад же человеком был — и он
Самозащиты признавал закон.

Да, положенье было таково:
Иль он Хосрова, иль Хосров — его!

Любя Ширин, ее народ любя,
Он поступал, как муж, врагов губя...

А шах Хосров, злодей эпохи той,
Весь мир топча губительной пятой,

Бездействовал угрюмо день и ночь,
Все о Фархаде думал день и ночь;

Как обезвредить, как его убрать,
Чтоб двинуть, наконец, на приступ рать?

С Бузург-Умидом ночи он сидел:
Как быть, где средство к улучшенью дел?

Что ни решат — все тайна. А к утру —
Молва кочует от шатра к шатру.

И гневный шах, качая головой,
Не мог с безликой справиться молвой...

Но вот один бесчестный негодяй,
Хитрец и плут, известный негодяй,

Кто дьяволу пришелся б двойником,
Нет,— дьявол был его учеником! —

Перебежал к Хосрову. Денег тьму
Шах посулил предателю тому.

А подлый плут решил награду взять
И хитростью живым Фархада взять.

Он так сказал: «Я чувств его лишу,
Но дать людей в засаду мне прошу...»

Коварный шах ему, что нужно дал,
Сто человек в броне кольчужной дал.

Обходной тропкой двинулся хитрец,—
Помешанным прикинулся хитрец.

Сорвал он розу, снадобье добыл —
И розу этим зельем окропил.

Он брел нетвердым шагом, так стеня,
Что каждый стон был языком огня.

Безумцем притворясь, он громко пел
О той, по ком он якобы скорбел.

И так притворщик гнусный скорбен был,
Так жалок, так искусно сгорблен был,

Что лишь услышал песнь его Фархад
И лишь на нем остановил свой взгляд,

Он сразу вспыхнул жалости огнем,
И сердце болью закипело в нем.

Сказал он: «Кто ты? В чем твоя беда?
С какой ты улицы пришел сюда?

И кто она, светлейшая из лун,
Тебя ума лишившая, меджнун?

В меня любовь вонзила скорби меч,—
Как удалось ей грудь твою рассечь?

Несправедливым небом я казнен,—
Зачем же твой столь безнадежен стон?

Меня в огонь разлуки бросил рок,—
Ужель он и тебя огню обрек?..»

Хитрец, найдя доверия базар,
Раскинул лицемерия товар:

«Подвижников любви пророк и шах!
Мы на твоем пути — песок и прах.

Я имярек — скорбящий человек,
Пришелец я из края имярек.

Вела меня сквозь бедствия судьба,
Забросила впоследствии судьба

Меня сюда и покарала вновь,
Страдальческую присудив любовь.

Я разлучен был с милой. Но пока,
Хотя б тайком, хотя б издалека

Я мог послать ей вздох иль нежный взгляд,—
Был и таким я кратким встречам рад.

Хосров (будь проклят он! Да ниспошлет
Ему скорей возмездье небосвод!),

Когда пришел и город обложил,
Меня последней радости лишил:

Там, в крепости армянской, заперта
Со всеми горожанами и та —

Улыбчивая роза, мой кумир,
Нет, солнце, озарявшее мне мир!

Я тут чужой, я неизвестен тут,—
Мне в крепости укрыться не дают,

Слыву безумцем, и меня народ
Камнями прогоняет от ворот.

Отверженный, в пустыне я брожу,—
Сочувствия ни в ком не нахожу.

О горе, горе! Страшен мой недуг!
О, если б хоть один нашелся друг!..

Но ты, кто сам живя в цепях любви,
Слывешь проводником в степях любви,

Ты, шах всех униженных на земле,
Престол свой утвердивший на скале,

Поверить этой повести изволь —
И состраданьем облегчи мне боль!..»

Весь вымышлен с начала до конца —
Фархада взволновал рассказ лжеца.

Ему казалось — самому себе
Внимает он, внемля чужой судьбе.

И так его разжалобил рассказ,
Что слезы градом полились из глаз,

И он издал, как пламя, жгучий стон
И наземь рухнул, горем потрясен...

Обманщик из-под рубища извлек
Отравленный снотворный свой цветок,—

И, чтоб продлить бесчувствие, поднес
Дурман Фархаду он под самый нос.

Разбив войска его сознанья так,
Он закричал, подав засаде знак...

Шапур, за камнем лежа в стороне,
От сна дурного мучился во сне.

Услышав крик, вскочил в испуге он,—
Забеспокоился о друге он,

Взглянул — лежит ангелоликий друг,
И суетятся воины вокруг,

А между них — дьявололикий шут,
Поет и пляшет — счастлив дикий шут.

Так вот кем предан был Фархад! Так вот
Зачем меджнуном наряжен урод!

Шапур один, а те пришли толпой.
Как против ста он может выйти в бой?

И все они при копьях, при мечах —
Несут Фархада на своих плечах.

Тяжелый камень подыскал Шапур,
Вскочил на выступ, словно горный тур,

И притаился — ждал, пока пройдет
Как раз под ним ликующий урод,—

И бросил камень так, что черепки
Остались от предательской башки.

Есть поговорка: «Тверд зловредный лоб,
Но камень разобьет и медный лоб...»

Рыдал Шапур,— осиротел он вдруг,—
Чуть на себя не наложил он рук.

Да что — Шапур! Гранитная скала
Слезами по Фархаду истекла...

Ни к радости, ни к горю свет не глух:
Летит, как быстрый камень, в крепость слух.

Но люди тайно горевали там,—
Несчастье от Ширин скрывали там,

Уверены, что иль сойдет с ума,
Иль жизнь свою она прервет сама...

* * *

Дай чару, кравчий,— я лишился сил:
Меня дурман разлуки подкосил.

Мой разум ты от плоти отдели,
Вином мое беспамятство продли!

Глава XLI

ДОПРОС ФАРХАДА ХОСРОВОМ

Фархад в цепях. Допрос. Приговор. Речь Фархада. Заступничество Бузург-Умида. Заточение Фархада в темницу Селасиль.

Событий этих смысл раскроет тот,
Кто от беспамятства в себя придет.

* * *

Без чувств был к шаху принесен Фархад.
Тиран был так его плененью рад,

Что, царственных не пожалев даров,
Людей по-царски одарил Хосров.

С Фархада он аркан сорвать велел,
Всего цепями оковать велел.

Врача позвав, распорядился он,
Чтоб был Фархад в сознанье приведен.

Открыл глаза несчастный пленник — ах!
Он скован! Цепи на руках, ногах!

Как раб, поверженный во прах, лежит,
Как сумасшедший, в кандалах лежит!

Он вражескою стражей окружен...
Пред ним айван дворцовый... пышный трон...

На троне — с обликом героя — шах,
Увенчанный венцом Хосроев шах.

Кандальник бедный головой качнул,
Закованной рукою шевельнул,—

Нет, он не спит, не бредит — он здоров:
На троне перед ним — тиран Хосров.

Своей беды он понял глубину:
Он предан был, он у врага в плену!

Однако же не растерялся он.
Нахмурив брови, приподнялся он,

И, правила приличия блюдя,
Придворные обычаи блюдя,

Всем низко поклонился он сперва,
Хотел сказать какие-то слова,

Но, не слыхав вопроса, речь начать —
Невежливо,— и он решил молчать.

Сомкнул уста Фархад, потупил взор,—
Пусть шах с ним первый вступит в разговор...

Дивясь его достоинству, Хосров
На вид как будто стал не так суров,

Огнем любви соперника и он
Как будто был на время озарен.

Казалось, он исполнить не желал
Того, что на Фархада замышлял.
Величественно опершись на меч,
Он с пленником повел такую речь:

Хосров
Кто ты, безумец, и родился где?

Фархад
Что для безумца родина? Нигде!

Хосров
Каким владеешь в жизни ремеслом?

Фархад
Горением любви, враждой со злом.

Хосров
Кто ж ремеслом таким бывает сыт?

Фархад
Горящий сыт огнем,— любовь гласит.

Хосров
Не сказка ли твоя любовь навек?

Фархад
То знает лишь горящий человек.

Хосров
А в чем же суть горенья твоего?

Фархад
Порфироносец не поймет его.

Хосров
Давно ль твое горенье началось?

Фархад
Когда душа и тело были врозь.

Хосров

Не отречешься ль от любви своей?

Фархад

Сам отрекись от этих слов скорей.

Хосров

Что ты считаешь мукой для любви?

Фархад

Страшней всего — разлука для любви.

Хосров

В чем благодать влюбленных, сила их?

Фархад

Свиданье, благосклонность милой их.

Хосров

В возлюбленной ты очарован чем?

Фархад

Ее ревнуя к языку — я нем.

Хосров

Любовь свою, скажи, в чем носишь ты?

Фархад

А душу в чем, зачем не спросишь ты [1]?

Хосров

Мечтаешь о свиданье с пери той?

Фархад

Да, но довольствуюсь одной мечтой.

Хосров

Мед каплет с уст ее,— так говорят?

Фархад

Для друга — мед, для недруга — в них яд.

Хосров

Не сгубят ли тебя ее уста?

Фархад

О, эта гибель — знай — моя мечта!

Хосров

Так что ж — любовь: ущерб, убыток лишь?

Фархад

Такой ущерб для любящих — барыш.

Хосров

Однако — больше пользы в жемчугах?

Фархад

Пред философским камнем жемчуг — прах.

Хосров

В разлуке — боль страдания, тоска.

Фархад

Надежда на свидание сладка.

Хосров

Себя, дервиш, не шахом мнишь ли ты?

Фархад

Любовь не судит — шах, дервиш ли ты.

Хосров

Меджнун, подумай о своей судьбе.

Фархад

Влюбленный не печется о себе.

Хосров

А если я страну тебе отдам?

Фархад

О шах, становишься ты жалок сам!

Хосров
За дерзость ты заплатишь головой.

Фархад
Уж лучше казнь, чем разговор с тобой...

* * *

Такие рассыпал он жемчуга
В ответ на все глумление врага.

Хосров был озадачен: «Как он горд,
Как неподкупно, мужественно тверд!

Он — жалкий пленник, я — великий шах,
Но сколь он дерзок был во всех речах.

Он знал, что будет сломан жизни ствол,
А все мои посулы он отвел.

Но если столь гордыня в нем крепка,
Предам жестокой казни смельчака,

Чтоб пред царями трепетал вперед
Весь черный люд и всякий нищий сброд...»

Пришел тут в гнев свой неуемный шах
И приказал тот вероломный шах

У крепости помост соорудить,
И виселицей тот помост снабдить,

И вздернуть одержимого: гордец
Мечты своей достигнет наконец.

И стрел поток в него чтоб пущен был,
Чтоб ливня грозового гуще был.

И пусть, унизан стрелами, затем
Семь дней висит он, в назиданье всем,

Чтоб каждый нищий и бунтарь любой
Знал разницу меж шахом и собой.

Спустя семь дней из петли труп извлечь,
Костер, подобный адскому, разжечь —

И сжечь презренный труп, испепелить
И по ветру весь пепел распылить,

Чтоб не осталось от него следа
И чтоб о нем забыли навсегда...

* * *

Все выслушав, Фархад, презревший страх,
Сказал смеясь: «О многогневный шах!

Ты мне во всей своей грозе смешон:
Не думай, что теперь ты отомщен,

Что казнями унизишь ты меня,—
К блаженству лишь приблизишь ты меня!

Все казни я с восторгом претерплю
Во имя той, которую люблю.

Три казни ты назначил, но одна
Мне смерть от них, однако, суждена,

А я, живой, терплю в разлуке с ней
В день не одну, а тысячу смертей.

Меня повесив, не ликуй, о шах!
Пойми, коль можешь, мысль такую шах:

Душе моей, что истерзалась так,
Стал виселицей бренный мой костяк.

Ты вздернешь плоть мою, но этим все ж
От плоти душу ты мою спасешь...

Потом, о шах, войскам ты повелел
Облить мой труп дождем несметных стрел.

Не знал ты, видно, стрел разлуки, шах:
Нет стрел острей, жесточе муки, шах!

Я день за днем стою под ливнем их,—
Так что́ мне стрелы лучников твоих?

И сжечь меня ты приказал, и прах
Развеять в небе — всем другим на страх.

О шах, ты не был истинно влюблен,
Разлукой не бывал испепелен.

А я горю в ее костре, и мне
Гореть не страшно на твоем огне.

Да, я умру с улыбкой на устах,
В надежде, что мой пепел в небесах

Не пропадет,— слетится в кучку там,
И станет мускусною тучкой там,

И, может быть, в палящий летний день
На голову любимой бросит тень,

И вздох моей любви по ней — с высот
Порой в раскатах грома донесет,

А влагой, что в глазах моих кипит,
Пыль под окном любимой окропит...

Тиран! Все казни мне назначил ты,
Меня одним лишь озадачил ты:

Как мог ты сам свою унизить честь,
Обрушив на меня такую месть?

Ты — грозный шах, герой-сардар большой,
А я — меджнун с истерзанной душой.

Бессильный раб любви, страдалец я,
Ничтожный нищий и скиталец я.

И столь большой владыка, от людей
Узнав о роковой любви моей,

Сам, якобы любовью одержим,
Становится соперником моим —

И, честь свою и разум свой поправ
И сотни тысяч воинов собрав,

Чрез мирные чужие рубежи
Несет убийства, гнет и грабежи,

Несет он беспощадную войну
В цветущую и мирную страну,

Где правит та, кого он не видал,
Но чьим супругом стать он возмечтал.

С плеч головы снимает, а с голов —
Венцы снимает грозный шах Хосров.

На чужестранца бедного, кого
Соперником он счел, на одного

Своей стотысячною силой всей
Бросается герой-владыка сей.

Но, дважды бит камнями, он, сардар,
Боится честный нанести удар,—

Противника он бьет из-за угла:
Стотысячная рать не помогла,—

Помогут хитрость, подкуп и обман.
Растрогав ложью, мне дают дурман

И сковывают сонного и тут
Приводят в чувство и допрос ведут.

Что ни вопрос — острей осиных жал.
Что ни совет — отравленный кинжал.

Но, получив на каждый свой вопрос
Ответ достойный, гордый шах не снес

Столь смелых мыслей: нет, они ему
Иль не по вкусу, иль не по уму.

Меня казнить велит он. Таково
Все благородство царское его!

Но это ведь не суд, не казнь,— любой
Ночной убийца так вершит разбой!..

Пока меня палач твой умертвит,
Мне сердце разорвать успеет стыд

За шаха справедливейшего: он,
Обманом победивший, побежден!

Вот справедливость шахов — бог прости!
Вот доблесть их — господь мой вздох прости!

Я все сказал. Мир оставляю я,—
Подруги имя прославляю я...»

* * *

Его по знаку шаха увели,
Его на казнь, на плаху увели —

Туда, где перед крепостью, у рва
Уже сложили хворост и дрова.

Но даже стража, что его вела,
Участия к нему полна была.

Проникла в крепость эта весть. Народ
Бежал к стене, и плакал весь народ,

Когда Фархад в цепях, бредя с трудом,
К помосту на аркане был ведом,

И каждый человек тогда хотел
С ним разделить страдальческий удел.

Но весь народ, горюя, как один,
Скрыл горе от Бану и от Ширин...

В душе Хосрова тоже был разлад:
«Нет, смерти не заслуживал Фархад».

Но, чем укоры совести сильней,
Тем самолюбье шахское больней,

И шаха нерешительность томит.
Но тут как раз мудрец Бузург-Умид,

Как будто мысли шахские прочел,
Вмешаться в это дело нужным счел:

«Шах, основания для казни нет.
Одно уж то, что в нем боязни нет,—

Свидетельство, что не виновен он,
Что отвечать не должен кровью он.

Хоть признаки и есть, что не совсем
В своем уме несчастный,— но меж тем,

Немало истины в его речах.
О них подумать стоило бы, шах.

А если он умом и поврежден,
Темницей лишь грозит ему закон.

Под сильной стражей месяц или два
Пусть в заточенье посидит сперва,

И, если бред безумья в нем не лжив,
Пусть он, меджнун несчастный, будет жив».

И шах решил смягчить свой приговор.
Невдалеке, среди высоких гор,

Была скала, чье острое ребро
На лбу луны поставило тавро.

Там укрепленный старый замок был —
Узилищем преступникам служил.

Он звался Селасиль [2]. Твердил народ,
Что дивами построен замок тот.

Кто знает, сказка это или быль?
Шах заточил Фархада в Селасиль,

Чтоб, как Ширин, жил в крепости и он,
От мира и от милой отрешен.

Как драгоценный идол окружен
Монашеской толпой со всех сторон,

Так стражею был окружен Фархад:
В пятьсот мечей тот грозный был отряд!

* * *

Эй, кравчий, опьяни меня скорей,
Опутай узами своих кудрей!

Безумен я, но сам я жажду уз:
Быть может, в них я сброшу плоти груз.

Глава XLII

ЖИЗНЬ ФАРХАДА В СЕЛАСИЛЬСКОМ УЗИЛИЩЕ

Отношение стражи к Фархаду. Магическое слово Сократа. Самоуразмыкание оков. Невидимка. Прогулка в окрестностях Селасиля. Один или сто? Крылатые и четвероногие друзья.

Мудрец насилья так сковать сумел
Безумца чистых слов и честных дел.

* * *

Когда Фархад был в замок приведен
И стражею в темницу заточен,

То стражи, чередуясь каждый час,
С дверей темницы не спускали глаз.

Усыпан путь песком с алмазом был,—
Такой Хосровом дан приказ им был.

И так еще он страже угрожал,
Что если б этот узник убежал,

Прикажет обезглавить он одних
И с башен в пропасть сбросить остальных.

Так, собственною жизнью дорожа,
За узником следили сторожа.

Но, наблюдая, как он кроток был,
Как скорбно он стонал и слезы лил,

Они его за ангела сочли
И полюбили, как Меджнун Лейли [1]...

Фархад, в темнице сидя, вспомнил вдруг,
Что средь других таинственных наук,

В которые когда-то посвятил
Его Сократ — светило всех светил,—

Была одна, и слово было в ней
Всех слов могущественней и умней:

Как ни был бы закован человек,
Но если знал то слово человек,

Железо заколдовывать он мог,—
Всего себя расковывать он мог,

Мог отмыкать замки мгновенно он,
Незримо мог уйти из плена он.

И если б даже на своих путях
Он встретил сотни узников в цепях,

Ему то слово стоило б шепнуть,
Чтоб и на них оковы разомкнуть...

Когда Фархад заклятье произнес,
То все, что предсказал Сократ, сбылось:

На нем оковы расковались вмиг,
Замки пред ним поотмыкались вмиг,

Открылась дверь темничная пред ним —
И мимо стражи он прошел незрим...

С тех пор, как только наступала ночь,
Он из темницы удалялся прочь,—

То по степи прогуливался он,
То на крутой взбирался горный склон.

Он стонами окрестность оглашал —
И пламя скорби в сердце угашал.

Он мог бежать. Но сколько человек
Заплатят жизнью за его побег!

И до зари в темницу он спешил,
Опять в цепях томиться он спешил.

Он приходил и видел — крепким сном
Спит караул, как бы забыв о нем.

Однако он не знал, что потому
Спят сторожа, чтоб не мешать ему,

Как ни скрывал он тайны дел ночных,
Но вскоре сторожа проникли в них,

И так считали, что Фархад — Хума [2]:
И вылетит и прилетит сама...

Однажды, меж собою сговорясь,
Они ему сказали не таясь:

«Зачем тебе терпеть мученья здесь?
Зачем сидишь ты в заточенье здесь?

Пока еще ты в силе — уходи,
Скорей из Селасиля уходи!

Мы волоса не стоим твоего,—
Побега не откроем твоего.

Пусть головы отрубит нам Хосров,
Но ты на воле будь и будь здоров.

А нас в свои молитвы ты включи
И нашу участь богу поручи...»

Фархад ответил: «Я не убегу.
Вас бедствиям подвергнуть не могу.

Вам жертвовать собою нет причин:
Вас тут — пятьсот несчастных, я — один.

Такой поступок совершить нельзя,—
Ценой невинных жизней жить нельзя...»

Они ушли. Но с этих самых пор
За узником был прекращен надзор.

Теперь и днем он даже уходил,
Он на глазах у стражи уходил,

Однако лишь в окрестностях бродя,
Он возвращался, сторожей щадя.

И величавой красотой своей
И сладостью возвышенных речей

Он их глаза и уши услаждал,
Их преданные души услаждал.

Когда же пламя страсти в нем опять
Язык свой начинало поднимать,

Он с искаженным ликом убегал,
С безумным воплем, с криком убегал.

Будь белый день, ночная будь пора,
Будь на пути пустыня иль гора,

Бежал Фархад, безумием гоним,
И звери расступались перед ним...

Нет! Он безумен был — и потому
Доверчиво все звери шли к нему.

Он посвящен был ныне в тот же сан,
Которым был прославлен Сулейман.

Да, стал он повелителем зверей,—
Нет,— другом, покровителем зверей!

К нему слетались птицы, в знойный день
Над ним свою распростирая тень.

В величии любви он был таков,
Что подчинил себе свирепых львов.

Порой на льва садился он верхом,
И лев своим гордился седоком.

И тигров в свиту он свою привлёк,
И леопардов он держал у ног.

Порою с ними он играл, и так
Припоминал, бывало, всех собак

На улице возлюбленной, куда
Пройти он не мечтал уж никогда.

Слезами шкуру волка оросив [3],
Он вспоминал, как был Юсуф красив,

И, плача об Юсуфовой судьбе,
Повествовал он волку о себе.

Он обнимал кулана: «О кулан [4],
Так захлестнул меня ее аркан!»

Он у архаров [5] спрашивал: «Ужель
Не приведете вы мою газель?»

Глядел на поступь горного козла:
«Так и она свой легкий стан несла!»

Посмотрит он, как величав павлин,—
Припомнит гордо-стройную Ширин.

Он голубя просил: «Ты к ней слетай —
И другу сердца письмецо отдай!»

На ворона он с ревностью глядел:
«Зачем ее кудрями завладел?»

А соловью о розе он шептал,
Из-за которой сам золою стал.

Тоскующему лебедю Фархад
Напев разлуки пел сто раз подряд...

Он к солнцу обращался по утрам:
«Ты ходишь по долам и по горам,—

Ты знаешь, где моей любимой дом,
Мне милый, но недостижимый дом.

В ее окно сегодня загляни,
И голову любезно к ней склони,

И намекни ей желтизной своей,
Как пожелтел я здесь, в разлуке с ней.

И жаром ей поведаешь своим,
Каким огнем я день за днем палим.

И собери все атомы свои —
Войска моих скорбей пред ней яви...»

Как ветер, не имеющий преград,
Бродил по всем окрестностям Фархад,

И целый день — то птицам, то зверью,
То солнцу поверял печаль свою,

И вздохами такой рождал он шум,
Как будто знойный бушевал самум,

И прах пурпурным взвихривал столбом,
Страх вызывая в небе голубом.

Вонзая камни в пятки, брел Фархад,
Без цели, без оглядки брел Фархад.

Он камень поднимал — и в грудь им бил,—
Не только тело — кости он дробил.

Бродя меджнуном по степям тоски,
Он скалы плачем разбивал в куски.

Он горы размывал потоком слез
Он вызывал обвал потоком слез,

Слезами землю изморщиня всю,
Оврагами изрыл пустыню всю,

И, дымом скорби омрачая свет,
Клубил он тучи горестей и бед.

Стон исторгал он у гранитных глыб,
Рыданья — у зверей, у птиц и рыб.

Своею чарой он избрал тюльпан,—
И пил вино кровоточащих ран,

И слезы пил — расплавленный рубин,
Страданьем окровавленный рубин...

* * *

Эй, кравчий! Пить из неба я готов!
Налей в него вино любых цветов.

А если нет вина, налей хоть яд:
Чем жить в разлу́ке — лучше смерть и ад!

Глава XLIII

ТЯЖЕЛЫЕ СТРАДАНИЯ ФАРХАДА В СЕЛАСИЛЬСКОМ УЗИЛИЩЕ

Кто нас вином печали угощал,
Так на пиру печали нам вещал

О том, кто стал акулой моря слез,
О горном тигре боли, горя, слез,
Кого сжигал любви безумный пыл,
Кто бурею безумья шумной был!

* * *

В пещере змея верный страж тоски,
Он яд страданий пил из чаш тоски.

Огня разлуки в нем пылал пожар,—
Ста очагов так не пылал бы жар!

Весь мир он дымом вздохов задымил,
Желаний утро навсегда затмил.

Он превратил и небо в море слез,
Дворец надежды их разливом снес.

Несправедливости обрушив меч,
Судьба ему вонзила в душу меч.

Сам небом бедствий черным стал Фархад,
Разлуки кряжем горным стал Фархад.

В нем так пожар печали полыхал,
Что он с утра до ночи все вздыхал,

И до утра стенал все ночи он,
Страдал в ночи в сто раз жесточе он...

Ему весь мир в те дни разлуки злой
Казался сплошь обмазанным смолой,

И запах той смолы удушлив был,
Отравой разлученным душам был,

Мрак захватил все девять сфер небес,—
Источник жизни — солнца диск исчез.

Путь Искандер сиянья потерял,
На Хызра упованье потерял.

Несчастный мир был сферами сожжен,
Его золой был воздух омрачен.

Нет, не золой, а копотью сплошной
От плошки скорби и тоски ночной!

Дым этой плошки был черней, страшней,
Чем дым пещерных капищных огней.

Был этот дым черней самой смолы,
Смешавшейся с ночною тьмой — смолы.

Настолько вязкой эта тьма была,
Что вязли в ней небесные тела!

Был черный небосвод распластан так,
Как раскоряченный в грязи ишак.

Казалось, что весь род людской ослеп,—
Всем светлый мир стал темен, словно склеп.

И птицы зарывались в глубь земли,
В глубь водоемов рыбы все ушли,

Несметными роями саранчи
Кишели силы ночи в той ночи.

Рассталось солнце с жизнью, ей на страх
Зарытое круговращеньем в прах.

Надело время траур потому,
На щеки густо наложив сурьму.

Не мрак ночной — то был темничный мрак,
Мрак черных ям скорбей, рудничный мрак...

Фархад в печали злой разлуки чах,
От непереносимой муки чах,—

И ужаснувшийся его судьбе
Сам небосвод жестокий на себе —

В раскаянии — ворот разорвал,—
И этим Млечный Путь образовал.

О ночь-убийца! Если бы вовек
Таких ночей не ведал человек!

Так ослабел Фархад, так исхудал, —
Сквозь кожу ты все кости б увидал.

Скелет его был, как фонарь,— смотри:
Души печальной свет горел внутри!

Был камнем рока он изранен... Нет,
На нем в куски разбился камень бед!

Он смертью взят уже за ворот был,
Кинжалом смерти весь он вспорот был.

Так сильно жар все его тело жег,—
Огонь при нем служить прохладой мог.

Где падал он на землю в корче злой,
Прах раскаленной делался золой.

Взвалив страданий кручи на него,
Так ночь печали мучила его.

Чрез голову свою за рядом ряд
Войска печали пропускал Фархад.

Когда терпеть уже не стало сил,
Он у судьбы пощады запросил:

«О палачу подобная судьба,
О мстительница злобная, судьба!

Таков твой низкий, бессердечный нрав,
Мучительства бесчеловечный нрав!

Уж если хочешь голову мне сечь,
То опускай скорее смертный меч!

Не чужестранец ли печальный я?
Иль не меджнун многострадальный я?

Раз ты сильна, то милосердной будь,
С пришельцем не высокомерной будь!

С тем, кто унижен, беззащитен, слаб,
Не будь такой жестокою хотя б.

Иль ты любви не знала никогда,
Иль не имела совести, стыда?

И много ли таких ночей еще
Ты мне готовишь? Иль страшней еще?!

Но это ведь не ночь, а черный день,
Всеубивающий тлетворный день!

Или, подобно счастью моему,
Ты впала в сна беспамятную тьму?

Где повседневная твоя стезя?
Найти уже твоих следов нельзя!

Когда стенаний стрелы я метал,
Тебе я в ноги разве попадал?

А если нет, то поспеши прийти —
И эту ночь зарею освети.

Будь милостивой — ниспошли хоть луч,
Разлукою с моей луной не мучь!..»

Едва сказал он так, луна взошла —
Как солнце, яркая, она взошла!

Фархад приподнялся с большим трудом —
И прах поцеловал на месте том,

И так сказал он, обратясь к луне:
«О ты, пришедшая на помощь мне!

Когда б мою ты душу отняла,
К той отнеся, что, как и ты, светла!

К небытию свой завершаю путь,—
Последний вздох мой ей приветом будь!..»

Взор обратил он снова к небесам —
Меркурий там предстал его глазам.

Сказал: «О, если не как лицемер,
О дружбе пишешь ты на свитках сфер,

Возьми калам, чернила — и спеши:
Моим страданьем сферы испиши!

Когда же озарен ты будешь той,
Кто солнечной сияет красотой,

То, жалостью ко мне руководим,
Вручи ей свитки с именем моим!..»

Венеру увидав, он застонал,—
Как чанг, согнулся и взывать к ней стал:

«Земле с небес веселье ты струишь,
Дух оживляя, трели ты струишь,

Но заглуши на миг свой саз,— внемли,
Моей мольбе в последний раз внемли —

И на пиру моей луны ты спой
О том, как был загублен я судьбой!..»

Узрев четвертой сферы пустоту,
Кричал он в ту пустую высоту:

«О, где твое светило, небосвод?
Ты темен, как могила, небосвод!

Куда ты спрятал солнце, отвечай!
Моей разлуки ночь скорей кончай!..»

Он в пятую из крепостей небес
Кричал: «Куда герой твой, Марс, исчез?

Явись, воитель! Стяг твой боевой
Пусть над моей зардеет головой!

Моею кровью меч свой обагри —
И мне покой от жизни подари!

Собакам той, кому хвалу пою,
Брось голову несчастную мою!»

В шестое небо вознеся свой взор,
С Юпитером повел он разговор:

«Хранитель трона счастья, помоги!
Яви ко мне участье — помоги!

Дым вечера разлуки разгони,
Очам зарю свиданья с ней верни!..»

В седьмую из небесных крепостей —
К Сатурну воссылал он вопль страстей:

Морей величья вечный господин,
Вершин могущества ты властелин.

«Покой! Покой!» [1] — твой довременный клич,
И мой таков же неизменный клич.

Горе́ разлуки равен твой объем,
Но на ногу терпения ты хром.

Я ног терпенья не влачу совсем —
И жить в разлуке не хочу совсем!..»

Так взором меж планет блуждал Фархад,
И помощи от каждой ждал Фархад,

Моля тоской великою своей
Свиданья с луноликою своей.

Вот, наконец, в девятом небе он
Был сонмом звезд недвижных привлечен.

«Моим слезам жемчужным вы сродни,—
Задвигайтесь, посыпьтесь, как они!

В миг роковой, когда я полюбил,
Все сердце на кусочки я разбил,

На тысячи осколков,— ярко-ал,
Кровавой каплей каждый запылал,—

Скажу — все розы скорби и тоски
Осыпали рубины-лепестки.

Моей любви всем причаститься б вам,—
Собрать хоть по одной частице б вам,—

По капле крови иль по лепестку —
Все мое сердце, боль мою, тоску.

И, вам я это, звезды, говорю:
На ту, которую боготворю,

Осыпьте алых лепестков буран,
Пролейте кровь моих несчастных ран!..»

Так душу звездам изливал Фархад,
Ночь напролет так горевал Фархад.

То на себя он руки наложить
Хотел не раз, то страстно жаждал жить,

То вскакивал, то падал, как мертвец,—
Покуда день забрезжил наконец.

Но если ночь его убила,— что
И десять солнц воскресших, даже сто?!

* * *

Знай, тот обычай ведьмы неба част:
Отравит — и противоядье даст!..

Противоядья, кравчий! Пью до дна:
Трудна в разлуке жизнь! О, как трудна!

Глава XLIV

ШАПУР НАХОДИТ ФАРХАДА

Страдания Ширин. Ночью на крыше замка. Пєсня о гибели Фархада. Появление Шапура. Вести из стана врагов. Шапур с письмом Ширин отправляется в Селасиль. Встреча друзей.

Тот, кто перо печали в руки взял,
Так эту книгу скорби написал.

* * *

...Хотя Фархад, не убегал, и сам
В узилище являлся к сторожам,

Но то, что дружбу с ними водит он,
Что без оков на воле бродит он,

Об этом слухи быстро пронеслись,
И вскоре все узнал и шах Парвиз.

Ослушался приказа караул!
Кто узника освобождать дерзнул?

Чем преданность такую объяснить?..
Хотел уже Хосров людей казнить,

Но в новые сомненья ввержен был,—
Приказ о казни им задержан был.

«Ослушникам не миновать меча,—
Но поступать не надо сгоряча.

Где в этом деле голова, где хвост?
Так ли безумец в самом деле прост?

А может быть, окажется как раз,
Что он, избави бог, мудрее нас...»

Вникать поглубже в дело начал шах,
И действовать решил иначе шах.

Сказал: «Я притворюсь, что о его
Прогулках я не знаю ничего.

А если вновь доложат, притворюсь,
Что с положеньем узника мирюсь.

Мне выгодней пока повременить,
Дабы не оборвать основы нить».

Так он решил и был решенью рад:
«Тем крепче связан, мол, Фархад!»

Но, нить раздумий шахских тут прервав,
Был мудрый ткач повествованья прав...

* * *

Когда коварный, неправдивый шах
Хосров Парвиз, несправедливый шах,

Фархада в плен обманом захватил,
Шапур так безутешно загрустил,

Что от печали сразу впал в недуг,—
Нет, в топку ада был низвергнут вдруг!

Шатаясь, спотыкаясь что ни шаг,
До крепости добрел он кое-как

И там поведал людям все, что мог,
И обессилел и в горячке слег...

А слух от неприятеля принес
Народу вести и про тот допрос,

Который был Фархаду учинен
Коварным шахом, и про то, как он

Хосрову отвечал, презрев боязнь,
Приговоренный на тройную казнь...

Народ не знал, куда Фархад исчез,
Он мертв иль жив, но множество чудес

Молва несла о нем во все концы,
О нем газели пели там певцы [1] —

И голоса влюбленных разнесли
Напевы эти по лицу земли...

Однако песни, обходя страну,
Дошли и до ушей Михин-Бану.

Державными заботами полна,
Вдвойне теперь печалилась она.

Ей приходилось тайно горевать —
От луноликой боль свою скрывать.

Легко ли скрыть, что весь народ поет?
Ширин услышит — и себя убьет...

А между тем Ширин, сама уже
Предчувствуя недоброе в душе,

За занавесью от людей таясь,
Страдала молча, истины боясь.

Но стало ей в конце концов невмочь
Без воздуха сидеть и день и ночь.

Решилась выйти хоть на час Ширин,—
На крышу замка поднялась Ширин.

И, как бывает влагой оживлен
Почти совсем увянувший бутон,

Так, свежим воздухом упоена,
Всем сердцем распустилась и она.

Но вдруг печальный голос долетел —
Томительно и грустно кто-то пел.

Прислушалась Ширин. Едва-едва
К ней донеслись отдельные слова.

Печальный голос на мгновенье стих,
Но вновь запел, и вот уж целый стих

Ее ушей коснулся... Не во сне ль
Звучит ей незнакомая газель,

Чей каждый стих — воспоминаний мир,
Ее печалей и страданий мир?..

Да, повесть о Фархаде и о ней
Пел тот певец, чем дальше — тем грустней:

Как был любовью одержим Фархад,
Как небосводом был гоним Фархад,

Как создал он арык своим трудом,
Как схвачен был Хосровом он потом;

И, голос возвышая, под конец
О гибели Фархада спел певец...

Желтее розы желтой сразу став
И вздох сердцесжигающий издав,

Ширин, порвав халат парчовый свой,
О крышу стала биться головой,

Грудь в исступленье горя истязать,
Лицо ногтями острыми терзать.

И стали пальцы рук ее красны
От крови собственной, а не от хны.

И губы ссохлись, выцвели — смотри:
Рубины превратились в янтари!

Из-под парчи, разорванной на ней,—
Бутонов белых роз белей, нежней —

Открылись груди девственные... Нет!
Скажи — тюльпаны осыпали цвет

На два ее бутона: не забудь,—
Что кровь с лица ей капала на грудь.

Нет, дротики печали, грудь пронзив,
Прошли насквозь, бутоны оросив...

Бану, чье сердце и во сне давно
Спокойствия бывало лишено,

Услышав крик в ночи, наверх бежит —
И видит, что Ширин без чувств лежит.

О горе, горе!.. Вдруг — незван, нежданн —
Врывается Шапур, как ураган,

И низко пред Михин-Бану склонясь
И за приход нежданный извинясь,

Шапур повел такую речь: «О ты
Прибежище добра и чистоты!

С тех пор как друг мой, шах любви — Фархад,
Звезда на небесах любви — Фархад,

Стал жертвой шаха низости,— скажи,
Он стал добычей венценосца лжи;

И светлым ликом друга я свой взор
Утешить больше не могу; с тех пор

Как, участи его не разделя,
Я, повеленью разума внемля,

Не бросился за ним,— прости мне бог! —
Не смел я преступить и ваш порог.

Скорбя о друге я в недуге слег,
В одной заброшенной лачуге слег,

И плакал так, что чуть я не ослеп...
Но вот вчера я, наконец, окреп.

Внезапно мысль одна явилась мне.
Бродя весь день по крепостной стене,

Потайную лазейку я нашел,
Прополз в нее, как змейка,— и ушел.

До вечера бродя и вкривь и вкось,
Мне в стан врагов пробраться удалось.

Я посетил их сборища, пиры,
Входил, как свой, во многие шатры,—

Подслушивал, что люди говорят:
Казнен ли, жив ли, где теперь Фархад.

И я узнал — хвала судьбе, хвала! —
Поистине чудесные дела...

И тут Шапур подробно доложил,
Как уцелел Фархад, и где он жил,

И как он жил, и как ему теперь
Послушен стал и самый хищный зверь

Рассказ Шапура бодр и весел был,
Как жаворонка песня весь он был.

Шапур сказал: «К Фархаду в тот же час
Я поспешить хотел, но вспомнил вас.

Хоть не всегда верна молва людей,—
И вымыслов полны слова людей,—

Но слышал я — вам так Фархада жаль,
Что ваша горше, чем его печаль,—

И к вам сперва я побежал — принесть
О друге утешительную весть.

Я думал: гору горя с них сниму
И слова два от них снесу к нему.

Прикажете ли мне посланья ждать,
Иль на словах привет ваш передать?..»

Промолвила Бану: «В долину слез
Ты ветерок живительный принес,

И речь твоя израненным сердцам —
Как пластырь, как целительный бальзам.

Благословен аллахом твой приход,—
Ты нам почти что сам несчастный тот.

Дороже не было гостей у нас,
К Фархаду множество вестей у нас.

Но вот — жасминогрудая больна,—
Без памяти лежит моя луна!..»

И тут Бану, качая головой,
Поведала о песне роковой.

В беседе этой ни на миг один
Она не забывала о Ширин:

То пробовала возбудить вином,
То остро-ароматным веществом.

И вот Ширин пришла в себя, глядит —
Шапур печальный перед ней сидит.

И в памяти ее Фархад возник —
И вопль ее раздался в тот же миг:

«Откуда ты явился вдруг, Шапур?
Зачем один? А где твой друг, Шапур?

В тот день, когда рассталась с вами я,
В литавры преданной любви бия,

Не я ли, веря в дружбы торжество,
Тебе доверила судьбу его?

Где дружба, где товарищество тут!
И разве так сокровища блюдут?

Где он? Что с ним? Рассказывай скорей,
Иль будешь в смерти виноват моей!..»

Бану вмешалась: «О Ширин, Ширин!
Твои уста — моей души рубин,

Но успокойся: для тебя готов
Рассказ из утешительнейших слов».

Тогда Шапур опять заговорил,
Всю повесть слово в слово повторил

И так сказал: «Когда б твоя рука
Настолько в этот час была крепка,

Чтоб начертать Фархаду слова два
О том, что ты страдаешь, но жива,—

Пусть он и мертв — я чудо бы явил,
Твоим письмом Фархада б оживил!»

Ширин вскочила: «Милостью сочту!
Души моей ты угадал мечту!..»

Она ушла и села за письмо,—
Стенало в нем страдание само.

В нем — совершенство каждая строка,
В нем — что ни слово — нежности река...

Посланье спрятал — и ушел Шапур.
В свой путь, как соглядатай, шел Шапур.

К утру как раз он прибыл к тем местам.
Что ждет его? Найдет ли друга там?

И вдруг он видит сборище зверей,
А среди них — Фархад!.. Скорей, скорей!

И зверь и птица, размыкая круг,
Бегут, летят: пришел к их другу друг!

Но, как предстал тогда Фархад ему,
Друзей, дай бог, не видеть никому!

Скелет, как бы лишенный всяких чувств,
Ни слова не ронял, ни звука с уст.

Обняв его, Шапур так слезы лил,—
Несчастному лицо он все залил!

Живительной была тех слез гроза:
Фархад пришел в себя, открыл глаза,—

Узнал Шапура, обнял горячо,—
Теперь рыдали оба горячо.

Так друг о друге плакали друзья.
Нам удивляться их слезам нельзя.

Но даже горы этих мест сухих
Рыдали, слыша причитанья их.

Шапур письмо Фархаду передал,
Тот вскрыл его и весь затрепетал,

И ослабел, и легким стал, как пух,—
Скажи, что весь он превратился в дух.

И стал Фархад читать письмо... Оно
В главе дальнейшей все приведено.

Глава XLV

ПИСЬМО ШИРИН К ФАРХАДУ

Фархад прочитывает письмо. Фархад пишет ответ. Друзья расстаются.

"В строках начальных моего письма,
Что за меня напишет боль сама,

Да прозвучит моя хвала тому,
Кто создал в мире черной скорби тьму

И кто обрек на вражий гнев и месть
Людей, чья непоколебима честь,

Кто им разлуку горше яда дал,
Сердцам влюбленных муку ада дал.

Когда он страсти молнию метнет,
И кипарис и хворост он сожжет;

Низринет он поток любви — беда! —
И пустоши зальет и города;

Он дунет ветром скорби — и для нас
Уже и свет ярчайших звезд угас;

Костер невзгод он разожжет, а дым
Глаза разъест и зрячим и слепым;

Он камнем гнева, брошенным с вершин,
Равно дробит стекляшку и рубин;

У соловья он исторгает стон,
На пышной розе в клочья рвет хитон;

Он атом на страдание обрек,
Он солнце на сгорание обрек...

Кончаю тут вступление к письму,—
Нет, не к письму, а к мраку самому!

Посланье от лампады к мотыльку.
Увы, гореть уж нечем фитильку!

От саламандры — в капище огня,—
Скажу ясней: Фархаду — от меня:

Тебе, чья крепость горя — горный кряж,
Я, крепости тоски бессменный страж,

Пишу в слезах, измучена судьбой...
О милый мой страдалец, что с тобой?

Придавленный горой тоски по мне,
Как ты живешь в той дикой стороне?

Тростинку тела твоего боюсь,
Не изломал бы горя тяжкий груз.

В пучине бед, наверно, тонешь ты?
В костре разлуки как там стонешь ты?

Как корчишься на том огне тоски,
Как сердце разрывается в куски?

Чернеет ли весь мир в твоих глазах,
Чуть о моих ты вспомнишь волосах?

Михраб [1] моих бровей припомнив там,
Как юный месяц, не согнешься ль сам?

Мои ресницы вспомнишь ли, грустя,
Чтоб волос каждый стал острей гвоздя?

Лишь вспомнишь ты мои глаза скорбя,
Пронзит ли боль стоиглая тебя?

Представишь ли мои зрачки себе
Так, чтобы выжглись клейма на тебе?

Вообразишь мои две розы ты [2],—
Прольешь ли розовые слезы ты?

О родинке моей мечтать начнешь,—
На ране сердца сколько мух сочтешь?

Без моего лица не в силах жить,
Не хочешь ли и солнце потушить?

Лишен беседы сладостной со мной,
Подолгу ль говоришь ты сам с собой?

Лишь память о зубах моих блеснет,
Не превращаются ли слезы в лед?

Когда вообразишь мои уста,
Блуждает ли в небытии мечта?

Не стали б ямки на щеках моих
Колодцами горчайших мук твоих!

Тебе в плену — моих кудрей узлы
Не будут ли, как цепи, тяжелы?

Не сделаешься ль золота желтей,
Припомнив серебро моих грудей?

Не сделаешься ль тоньше тростника,
Вообразив, как станом я тонка?..

В степи ль, в горах обрел обитель ты?
Обрел постель не на граните ль ты?

Где птица счастья твоего? Увы,
Витает над тобою тень совы!

Лань, говорят, теперь вожатый твой,
Кулан теперь там конь крылатый твой;

В твоей же свите состоят теперь
И птица хищная и хищный зверь;

Львы у тебя — в стремянных, говорят,
Орлы — в бойцах охранных, говорят;

Царя царей теперь ты носишь сан,
Стал, говорят, велик, как Сулейман.

Но если Сулейману ты ровня,
Царицею Билькис [3] сочти меня.

А если же Билькис я не чета,
Твоей рабыней быть — моя мечта...

О, если бы судьба, чье ремесло —
Творить насилье, сеять в мире зло,

Моей горячей тронута мольбой,
Не разлучила бы меня с тобой!

Была б тебе я спутница и друг,
Всегда бы услаждала твой досуг;

Как солнце, озаряла бы твой день,
Была бы ночью при тебе как тень;

Ты б ногу занозил колючкой злой,—
Ресничкой извлекла бы, как иглой;

Я волосами подметала б сор,
Чтоб и соринки твой не встретил взор;

А пылью чтоб тебя не огорчить,
Могла б слезами землю омочить;

Хотел бы ты от скорби отдохнуть,
Склонил бы голову ко мне на грудь;

Сгустился б над тобою вечер бед,—
Лицо открыв, я излучала б свет;

А стал бы долгий день тебе невмочь,—
Волос душистых опустила б ночь;

Как амулет от боли и тоски,
Сплела бы на тебе я две руки;

Ты попросил бы зеркало — и вмиг
Я повернула бы к тебе свой лик;

А воспалился б сердцем и ослаб —
Уст моих сладкий ключ я поднесла б;

Была б твоим светильником в ночи,
А днем хранила б тайн твоих ключи...

Но, если мы — всем любящим пример —
Разобщены круговращеньем сфер,

То сможем ли, хотя б расшибли лбы,
Смягчить несправедливый суд судьбы?..

Но ты в народах мира знаменит
Тем, что тебе — как мягкий воск, гранит.

Тягчайшие страданья стерпишь ты,
Всех бедствий испытанья стерпишь ты,

И хоть со мной в разлуке ослабел,
Но будь, как витязь, доблестен и смел —

И мужество и твердость сохрани,
И в униженье гордость сохрани...

А если скорбь ударит камнем в грудь,
И крика ты не сдержишь — не забудь:

Закон влюбленных не нарушь, Фархад,
Блюди там клятву наших душ, Фархад!

А я, кого разлуки острый меч
На сто частей не пожалел рассечь,

Кого огонь разлуки сжег дотла,
Я — только раскаленная зола.

Но пусть душа на ста кострах горит,
Сильней огня девичий страх горит;

Не испустить на людях вздохов дым,
Не уронить слезы глазам моим!

Будь женщина, как лилия, скромна,
Будь гордою, как кипарис, она;

Пусть, как луна, сияла б красотой,
Луну хоть затмевала б красотой;

Возлюбленной она примерной будь,
Иль даже ветреной, неверной будь,—

Не дай господь ей как-нибудь попасть
В тот плен, которому названье — страсть!

Не дай любви хлебнуть ей через край,
А дашь — мечом разлуки не карай.

Огонь такой любви нет сил снести,
Нет сил, чтоб душу из него спасти.

Спасется ль слабый малый муравей
От сотни жадных, беспощадных змей?

И хворостинке ль тонкой уцелеть,
Когда ударит молнийная плеть?

О, для влюбленных много страхов есть!
Страшней всего, однако, стыд и честь:

Хоть в судорогах бейся день и ночь,
Лишилась чести — утешенья прочь!

Позора избежать ведь нелегко
Той, кто в любви заходит далеко.

Пускай вздыхает так, что семь завес
Поднимутся со всех семи небес,

Но ей с лица не снять покров стыда,
Ей от людского не уйти суда...

Твоя печаль, я знаю, тяжела,
Но не подумай, что моя мала.

И все же, вспомнив о тебе, Фархад,
Свои страданья множу я стократ.

Я пленница любви твоей, и вот —
Мой стон, мой вопль пронзает небосвод.

С тобой в разлуке я забыла смех,
Мне без тебя на свете нет утех:

Венец мой царский захватил Хосров,
Мой край родной поработил Хосров;

Я и народ мой жить обречены,
Как совы, в тьму пещер заточены;

Нас всех теперь сравнял надменный враг:
Мы все рабы — царица и бедняк.

Те, кто в плену — мертвы при жизни тут,
Те, кто спаслись — от страха перемрут.

Все эти беды, весь позор, вся кровь —
Всему причиной лишь моя любовь.

Меня народ возненавидит... Ах,—
Его проклятья у меня в ушах!

Стыд перед ним терзает душу мне,
Стыд пред Бану убьет меня вдвойне...

И все-таки, скажу я без прикрас:
Моих страданий будь хоть во сто раз,

Не в сто, а в тысячу раз больше будь,—
Но только б на тебя еще взглянуть,—

Клянусь, что буду я тверда, как сталь,
Что отойдет с моей души печаль!

Но и сейчас, в разлуке, в этот час,
Что горше самой смерти во сто раз,

Поскольку я еще дышу пока,
Надежду в сердце я ношу пока.

Конец тогда, когда надежды нет,—
С надеждой можно отстрадать сто лет...

Теперь я об одном тебя прошу:
Письмо, что я в смятении пишу

Пером смятенья, мертвая почти,—
Внимательно прочти и перечти

И, если хочешь облегчить мне боль,
Прислать ответ с посланцем соизволь.

Я сохраню твое письмо-привет,
Как тайный, чудотворный амулет,

Оно послужит для Ширин твоей
Охранной грамотой от всех скорбей...»

* * *

Когда несчастный дочитал письмо,
Рыдая, целовать он стал письмо,

В безумии стеня, крича, вопя,
Он наземь падал, корчась и хрипя.

Когда же, наконец, он поборол
Безумья приступ и в себя пришел,—

Шапур калам для друга очинил,
Бумагу подал и сосуд чернил.

И сел Фархад и стал писать ответ —
Повествованье мук своих и бед...

Фархад письмо Шапуру передал,
Простился с ним — и снова зарыдал.

Шапур ушел. Бог весть каким путем
С письмом пробрался в крепость он потом

Ширин взяла в смятении письмо,
Прочла в уединении письмо,

Высокой скорби страстные слова
Нам огласит дальнейшая глава.

Глава XLVI

ПИСЬМО ФАРХАДА К ШИРИН

Горе и радость Ширин и Михин-Бану.
Почести Шапуру.

«Письмо печали, славословьем стань
Тому, кто, взяв перо творенья в длань,

Навел на гладь вселенной свой узор,
Узор нетленный рек, долин и гор;

Кто молнией любви сверкнул — и так
Мир разделил с тех пор на свет и мрак:

Он создал силу — имя ей Любовь.
Ей, как судьбе своей, не прекословь,

И, кто ее печатью заклеймен,
Скитаться, словно атом, обречен.

Свою отчизну должен он забыть —
И горькое вино чужбины пить,

И если на чужбине кров найдет,
То скоро целый мир врагов найдет.

Но если друг ему в награду дан,
То не страшны ему враги всех стран,

Он похитительницею сердец
В письме утешен будет наконец...

Да, горный кряж страданий сплошь в гранит
Из края в край та сила превратит,

А луг любви в пустыню мук и бед.—
Влюбленным из нее исхода нет!»

Такие мысли изложив сперва
Во славу сил любви и божества,

Он, словно одержимый, весь дрожал —
И пламенную повесть продолжал:

«Всеозаряющему свету дня
Послание от дымного огня.

От терния пустыни к розе... нет,—
Терновник кипарису шлет привет!

Из преисподней ада в вышний рай —
Письмо Фархада, пери, прочитай!

* * *

Клянусь душой загубленной своей:
Тебя назвать возлюбленной своей,

Сердечным словом *милая* — и то
Назвать я не осмелюсь ни за что!

Да, я прослыл безумцем. Признаюсь,
С безумьем прочен у любви союз.

Но пери луноликая сама
Свела меня, несчастного, с ума.

И если б я, помешанный, в бреду
Сказал такое слово на беду,

То, да простится заблужденье мне,—
Есть, как безумцу, снисхожденье мне.

Да, я Меджнун, а ты моя Лейли,
Моя недостижимая Лейли.

Мне был приказ Лейли — и я пишу,
Заочно перед ней в пыли — пишу.

Ей, как Меджнун, всю душу изолью,
Всю боль разлуки, муку всю мою.

Не обо мне, однако, будет речь,—
Нет, о твоих собаках будет речь...

Как им живется? Сыты ли они?
В покое ли, в тоске ль проводят дни?

Глубокой ночью сон тревожа твой,
Собравшись в круг и поднимая вой,

О чем они так долго воют все?
Не обо мне ль, пропавшем жалком псе?

Когда, ворча, бросаются на кость,
Какой мечтой себя приводят в злость?

Не хочется ль полакомиться им
Костлявым телом высохшим моим?

Когда в долбленый камень бьются лбом,
Чтоб вылизать глоток похлебки в нем,

То знают ли, какие камни тут
По темени меня все время бьют?

Лакая воду, хоть один ли пес
Поток моих соленых вспомнит слез?

Когда на цепи их сажает псарь,
Не мнится ль им, что он иранский царь?

В ошейниках спеша к себе домой,
Не думают ли про ошейник мой?

Собачьи вопли их не унимай:
Не о моей судьбе ль их злобный лай?

О, если б на ночь вместе с ними мог
Склонить я голову на твой порог!..

Мне там дороже всех была одна:
Была, как я, измучена, больна

И, словно бы стыдясь других собак,
На морду уши свешивала так,

Что покрывалом из больших ушей
Скрывала морду от чужих очей.

Весь выпирал ее спинной хребет,
Подобный узловатой нити бед.

Не только защищаться не могла,—
Свой хвост она едва уж волокла.

Была она вся в язвах, и ее
Терзали мухи, словно воронье.

Ей — от коросты, от увечных ран,
Мне мука суждена сердечных ран.

Быть может, и неведомо тебе,
Она была так предана тебе:

Ни на кого не поднимала глаз,
Но четырех ей мало было глаз[1],

Когда ты проходила через двор,
Ей подарив случайный, беглый взор.

Хоть в этом с ней соревновались мы,
Друзьями все же оставались мы.

Чем больше был, чем дольше был я с ней,
Тем обнаруживал я все ясней

В ней свойства человечности. Поверь,
Что человечности не чужд и зверь!

Была она великодушна... Да!
Переступив порог твой иногда,

В своей собачьей радости, она
Ко мне бывала жалости полна.

Так иногда, при виде бедняка,
У богача раскроется рука.

Нет! Мы дружили. Помню, и не раз,
Я плачу — слезы у нее из глаз...

Что с ней теперь? Я мысли не снесу,
Что так же тяжко ей, как мне здесь, псу.

Все так же ль носит в сердце, как недуг,
Воспоминанье обо мне мой друг?

Ах, может ли она в себе найти
Остаток сил — на твой порог всползти?

А если хватит сил,— о боже! — пусть
Поймет она мою, собачью, грусть!..

Но, беспокоясь о ее судьбе,
Осмелюсь ли спросить я о тебе?

Когда свое писала ты письмо,
Из жемчугов низала ты письмо,

И столько чистых, звонких в нем монет,
Чистейших чувств, что им и счета нет!

Но чем отвечу я на это все?
Вот — сердца звонкая монета. Все!

А сердцем я пожертвовать готов
За буковку твоих бесценных слов...

Ты пишешь, как страдаешь за меня;
Жжет эта весть меня сильней огня,

Пусть тысячи умрут, подобных мне,—
Мы — прах. О чем скорбеть моей луне?

Ты пишешь, что, в страданьях закалясь,
Живешь, судьбы ударов не боясь,

Что ты окрепла в горе, что с горой
Ты справиться могла бы, как герой...

А я... какой же подвиг совершу,
Когда уже едва-едва дышу?

Я слабосильный, жалкий муравей,
В моих глазах кусок веревки — змей,

Дорожный камень для меня — гора.
О мощь моя! Прошла твоя пора!..

Могуч я лишь мечтаньем о тебе,
Душа сыта страданьем по тебе.

Но сколько б сил в любви ни черпал я,
Дракона превращает в муравья

Такая страсть,— и если будет он
Растоптан ею,— вот любви закон!..

Другая весть от луноликой мне:
Из-за ее большой любви ко мне

Ее страна, и трон, и весь народ
В руках врага и что не счесть невзгод;

Что в крепости, в горах заточены,
И вы с Михин-Бану обречены...

Как тяжко сердцу внять таким словам!
Чем вас утешить, чем помочь мне вам?

Ни сил я, ни отваги не найду,
Но слово на бумаге я найду:

Когда судьба обрушит свой кулак,
Ты перед ней покорной жертвой ляг!

Я знаю, как угнетена страна,
Которая врагом покорена,

Я знаю участь подданных твоих.
Сочти меня ничтожнейшим из них,—

Те бедствия, что грозный небосвод
Обрушил на тебя, на твой народ,

Столь велики, что не могу дерзнуть
Сказать, что я страдал когда-нибудь.

Но если скажешь: «Поделом ему!
А нам возмездье неба почему?!» —

То жертвой искупленья хоть сейчас
Душа моя готова стать за вас!..

Кто я и что в твоих глазах теперь?
Я на твоем пути лишь прах теперь!

Но не всегда я прахом низким был,—
Имел я дом и дорог близким был,

И родину имел и царский сан,—
Ведь мой отец китайский был хакан!

Венец его над головой моей,
Престол его был под ногой моей;

Двенадцать тысяч городов в стране
Повиновались и ему и мне.

Была большая свита, войска тьма
И роскошь, всех сводившая с ума.

Однако же, когда издалека
Напали на меня любви войска

(Не самого явления любви,—
Нет, лишь воображения любви!),—

Я стал несчастным, и в несчастье том
Был вынужден покинуть отчий дом

И разлучиться с царством и страной.
И все рабы и знать страны родной —

Весь мой Китай тьмутысячный рыдал,
Когда я край отчизны покидал.

Я облачил в печаль отца и мать,
Чтоб им ее до гроба не снимать.

Их небосвод осиротил в тот день,
Меня же в прах он превратил в тот день!

Но раз любовь природою моей
Была уже во тьме предвечных дней —

И на страданье обречен я был,
Когда еще и не рожден я был,—

То на кого поднять упрека меч?
И не себя ль на кару мне обречь?

Подобных мне хоть сто, хоть сто раз сто,
И тысячи Хосровов грозных — что

Перед судьбой всесильною? Рабы!
Нет, не рабы,— пылинки для судьбы!

Я ослабел... Уже едва-едва
Держу калам и вывожу слова.

Я много знал, но, разум потеряв,
Стал неучем, все разом потеряв.

Все знанья стали кучей слов пустых,
Но вот уже я путаюсь и в них.

Последних мыслей свет в мозгу темня,
Сознанье покидает вновь меня.

Уже пишу, не зная, что пишу...
Простить меня, безумного, прошу.

Прогулку завершает мой калам...
Да завершится все на благо вам!»

* * *

Ширин письмо читала, возбудясь,
То вскакивая, то опять садясь;

То — в горе сгорбит, как старуха, стан,
То распрямит, воспрянув духом, стан;

То плачет от тоски по нем, то вдруг
От счастья плачет: «Жив он, жив мой друг!»

Потом с многожеланным тем письмом
Она к Михин-Бану вернулась в дом,

И обе, радуясь и плача там,
Вели свой разговор горячий там.

Михин-Бану, Шапура обласкав,
Ему большие почести воздав,

Просила, чтоб Шапур поведал им,
Как встретился он с другом дорогим,

Обрадовался ли письму Фархад,
Что на словах сказал ему Фархад...

О весть надежды! Как ты хороша
В тот час, когда отчаялась душа!

Яви мне, боже, чудеса твои:
Вложи в основу жизни Навои,

Когда бы ни отчаивался он,
Надежды оживляющей закон!..

* * *

Вина мне, кравчий! И не отрезвляй!
Надежду потерять не заставляй.

Моя надежда и твоя слиты:
Чего достигну я, достигнешь ты.

Глава XLVII

ШАПУР ПОПАДАЕТ В РУКИ ХОСРОВА

Засады на путях к Селасилю. Шапур схвачен. Хосров читает очередное письмо Ширин к Фархаду. Новый совет Бузург-Умида.

Кто истины сокрытой суть открыл,
Нам мысли сокровенный путь открыл.

* * *

От двух влюбленных из конца в конец
Шапур носил посланья, как гонец,

И от обмена письменных вестей
Усилилось волнение страстей...

Хосрову донесли, что от Ширин
К Фархаду ходит письмонос один,

Что их базар любви шумит опять,
Что дымом смуты он дымит опять;

Что, верно, тот меджнун и пери та
Лазутчика гоняют неспроста:

Иль заговор против Хосрова есть,
Иль между ними тайный сговор есть —

Бежать в такую даль, чтоб их следа
Хосров не обнаружил никогда.

А если так случится, то о чем
Заботиться, кому грозить мечом,

Из-за кого тогда вести войну,
Раз тот меджнун похитит ту луну?

А если б даже через много лет
К убежищу их отыскался след,

Пришлось бы новый начинать поход
И множество терпеть опять невзгод.

Ведь если, как меджнун, и наг и тощ,
Фархад в себе таил такую мощь,

Что камень мог тогда с горы метнуть —
И метко угодить во вражью грудь,

Ударив не Хосрова одного,—
Разбив сердца всех воинов его,—

То если б он того дождался дня,
Когда на боевого сев коня,

Взял в руки меч кровопролитный свой
И на иранцев ринулся бы в бой,—

Хосров бы неблагоразумен был,
Когда б с Фархадом в этот бой вступил...

Хосров Парвиз уразумел рассказ,
И, поразмыслив, отдал он приказ:

На всех путях свободных в Селасиль,
На всех тропах обходных в Селасиль

Засады выставить — и в них людей
Назначить понадежней, полютей.

Кто б ни прошел — немедленно хватать,
Чинить допрос и пытками пытать:

Кто есть, какое держит ремесло,
Зачем на путь окольный занесло?

Кто в подозренье попадет, того
Задерживать и отправлять его

К Хосрову в ставку. А Хосров с ним там
Поступит, как найдет он нужным сам.

* * *

А гурией в те дни еще одно
Письмо Шапуру было вручено

К Фархаду в Селасиль. И с тем письмом
Летел Шапур весенним ветерком,

Но не донес письма к Фархаду он —
В Парвизову попал засаду он,

И уличен благодаря письму,
Отправлен был к Хосрову самому...

Обрадовался пленнику Хосров —
Для верных слуг не пожалел даров:

Теперь все явным станет и само!
Шах распечатал и прочел письмо,

Но радость на печаль сменил он вмиг,
И мрачен стал и головой поник.

Он не письмо прочел, а яд испил!
Нет, на базар несчастья он ступил,

Бредя в пыли глубокой, как впотьмах,
Но это был не просто черный прах,

А тертый мускус горя, что Хосров
Сам высыпал из тысячи мешков!..

Как ты письмо любви ни назови,—
Но это повесть дружбы и любви!

Хоть и страданье, и тревога в нем,
И слез разлуки горьких много в нем,

Есть неизменно упованье в нем,
Предчувствие весны свиданья в нем.

Его чернила амброю дымят,
И в каждой букве дивный аромат

Любви самоотверженной: она
И мужественна столь же, сколь нежна...

Прочел все это и в письме Ширин
Письмо перехвативший властелин.

И о себе самом прочел Хосров
В письме Ширин немало гневных слов.

Она писала так о нем: «Тиран,
Душитель, разоритель мирных стран,

Палач страны Армен, исчадье бед,
Чьим злодеяньем счету в мире нет,—

Как может он любить? Он лжив и груб,
Тщеславный, бессердечный себялюб!

Разбойничий свой обнажая меч,
Вести он о любви дерзает речь!

К чему велеречивые слова?
Одни пустые, лживые слова!

Да, шахство и насилие — одно,
Любовь — другое! В жизни так оно.

Кто любит, кем святая движет страсть,
Рад жертвой за возлюбленную пасть,

А избранная для любви большой
Пожертвует за милого душой.

А этот шах Парвиз... Избави бог,
Чтоб он ко мне хоть прикоснуться мог!

И если я его мечта, то он
Такой мечтой напрасно обольщен!

Пока мой вздох последний не замрет,
Я не открою крепостных ворот.

А если б рухнула защита стен
И я попала бы к Хосрову в плен,

То мой кинжал достаточно остер —
И лучше смерть приму я, чем позор!..»

Таких, как эти, много жгучих слов
В письме Ширин прочел тогда Хосров.

Когда б хотел быть справедливым шах,
Он, поразмыслив о таких вещах,

Уразумел бы, что Ширин права,
Столь гневные о нем сказав слова.

Но вожделение и спесь царя
На путь иной толкнули здесь царя:

Шапура он в оковы заковал,
Но сам в цепях тоски загоревал.

Бузург-Умида вызвав, снова с ним
Он совещался, ревностью томим,

Он говорил: «Тот бесноватый — див!
Околдовал Ширин проклятый див!

Что делать мне? Смириться? Но тогда
Мне умереть придется от стыда,

И стану я посмешищем для всех.
А смерть, которую венчает смех,

Такая смерть — поистине страшна:
Людьми еще не видана она!

И — бесноват он иль не бесноват —
Я сознаю — Фархад не виноват.

Что он в сравнении со мной? Блоха!
Я б раздавил его,— боюсь греха.

Но нити мыслей подошел конец...
Дай мне совет, мой преданный мудрец!..»

* * *

Тот, кто коварство в помощь призовет,
Из трудностей всегда найдет исход.

Решили человека подыскать,
Способного продать отца и мать,

И подослать к Фархаду, чтоб наплел
Он небылиц,— беда случилась, мол:

«Хосрову талисман счастливый дан,—
Пал перед ним уже оплот армян.

Судьба ему теперь преподнесла
Все то, из-за чего и распря шла.

Теперь занятье у него одно:
С Михин-Бану он дружбы пьет вино,

И, мол, царица, обсудив дела,
Ширин к нему на ложе привела.

И вот (кто сердце женщины поймет!) —
Ширин и шах — как сахар и как мед.

А раз Хосрова предпочла она,
Твоя любовь ей больше не нужна,

И было б лучше и тебе и ей,
Чтоб ты ушел отсюда поскорей...»

Сомненья нет, всему поверит он,
И так известьем будет уязвлен,

Что страсть его остынет наконец,—
Он этот край покинет наконец.

А те, надежду потеряв, решат,
Что против смысла здравого грешат,

И столь неумолимая луна
К Хосрову станет нежности полна...

Как чара, засияв от этих слов,
Подать вина потребовал Хосров.

* * *

И мне вина, мой кравчий молодой!
Я сам убит жестокой клеветой.

Войска тоски грозят петлею мне:
Дай чару перед смертью злою мне!

Глава XLVIII

КОЛДУНЬЯ ОБМАНЫВАЕТ ФАРХАДА

Мнимая отшельница. Клевета на Михин-Бану. Ложная весть о самоубийстве Ширин.

Кто пламя скорби в песне раздувал,
Так смысл печальных слов истолковал.

* * *

Для подлого обмана в этот раз
Одна старуха подлая нашлась,

Вполне пригодная к таким делам.
Хоть стан ее согнулся пополам,

Хотя она совсем стара была,
Но, как шайтан, она хитра была.

Ее коварству не было границ:
От бедных поселянок до цариц,

И даже средь мужчин — и млад и стар —
Страшились все ее коварных чар.

Она могла насильно всех влюблять:
Отца в родную дочь, а сына — в мать;

Могла бы петуха к овце привлечь,
Сатурна к солнцу похотью зажечь;

Могла нечистой волею своей
Разрушить счастье тысячи семей.

Промолвит слово — человек засох.
Предсказывал судьбу ее горох:

На коврике разложен, с виду прост,
Приобретал он свойства вещих звезд.

А в лекарских делах — и сам Букрат
У сводни поучиться был бы рад...

Шах посвятил немедленно ее
Во все злоумышление свое,

И, подкупом большим соблазнена,
Бесстыдно отвечала так она:

«Будь он горой железной — истощу,
В пыль превращу и по ветру пущу!..»

Сказала — и с ковра горох сгребла,
Ушла, бродила — к месту добрела.

Седые космы прикрывал платок —
Из мерзких дел основа и уток:

А рубище на ней — лохмотья сплошь,
Любой клочок — коварство, козни, ложь.

Как некогда Мария на Синай,
Смиренницей она пришла в тот край.

* * *

Фархад, ее увидя, с места встал —
И, стройный, как «алиф», согнулся в «дал».

О трудностях пути сперва спросил,
Цель посещенья какова — спросил.

Согнувшись вся подковою кривой,
Колдунья закачала головой:

«Ты видишь, сын мой, я больна, дряхла,
Себя отшельничеству обрекла.

От суеты мирской уединясь,
Давно с людьми я прекратила связь.

Одним лишь благочестьем дорожа,
Жила я, богу ревностно служа.

И жизнь моя текла без перемен,
Пока царил покой в стране Армен.

Но тут как раз — откуда ни возьмись —
Нагрянул этот самый шах Парвиз

И распрю так раздул, что дома нет,
Где радости еще мерцал бы свет.

О горе, горе, что творится там!
Об этом слышал ты, наверно, сам.

А чтоб служить всевышнему — нужна
Не суета войны, а тишина.

И я решила: от людей уйду,
Из кельи городской своей уйду,

Найду пещеру с близким родником —
И в ней забуду обо всем мирском,

И стану в тихом том затворе жить,
Без суетных тревог, без горя жить.

А жить недолго дряхлой, хилой мне:
Пещера будет и могилой мне.

Бродила я, искала — и помог
Мне обрести такое место бог...

Отмыв от жизни руки, буду здесь
Я доживать остаток жизни весь.

А люди?.. Им, клеветникам, не верь,—
Ты лучше этим черным камням верь!..»

* * *

Взволнован этой речью, бледнолиц,
Фархад склонился пред колдуньей ниц,—
Прося благословенья, лобызал
Прах на ее ногах — и так сказал:

«Свет озарения в твоих очах,
Сокровищница истины — в речах!

Грязна дорога мира и крива!
Клянусь, что ты права, во всем права!

Неверность — вот закон людей мирских,
Но каждый хочет верности других.

Однако что так потрясло тебя?
Какое взволновало зло тебя?

Уж не случилось в крепости беды ль,
Что на сердце тебе насела пыль?..»

Сказала: «Я не скрою, сын мой, да!
Действительно, случилась там беда —

Беда, которой и границы нет,
Такой позор не мог и сниться! Нет!..

С Хосровом сговорясь, Михин-Бану
Ему бесстыдно продала страну,

Они сдружились — и идет к тому,
Чтобы Ширин уже отдать ему.

Простерт ковер свиданья с двух сторон,
И залиты вином страна и трон.

Примеру их последовал народ:
У всех вошло распутство в обиход.

А люди благочестья и стыда
Ушли, забрав пожитки, кто куда.

Так я сюда заброшена судьбой —
И душу, сын мой, отвожу с тобой...

Но вот что чудо, вот где божий перст!
Теперь под ними сущий ад разверст:

Пирам пришла на смену скорбь, мой сын.
Причина — в их красавице, в Ширин:

Таким исходом дел была она
Безмерно, видимо, угнетена:

Хосров ей ненавистен был, как враг,
Однако неизбежен был их брак.

Но в самый бракосочетанья день,
Поистине — ее закланья день,

В последний час — кто б думал, кто б гадал! —
Она в себя вонзила свой кинжал...

Кто знает правду? Также говорят,
Что выпила она смертельный яд,

С тем, чтоб, когда законный час придет,
Шах не вкусил ее заветный мед.

Кто знает правду?.. Третьи говорят,
Что был какой-то юноша Фархад,

Который эту гурию любил,
Но будто бы Хосров его убил.

В тот миг, когда она от жизни сей
Умыла руки, в верности своей,

Был стон ее к Фархаду обращен,
Был на устах ее в то время он.

Все замыслы Парвиза руша так,
Слила с душой Фархада душу так».

Всю эту ложь Фархаду изложив,
Как меч, язык свой острый обнажив

И вздохами уснащивая речь,
Фархаду в грудь она вонзала меч,—

И, чтоб ему опомниться не дать,
Бездушно продолжала причитать...

И крикнул вдруг Фархад: «Молчи! Молчи!
Отнять ты хочешь душу? Получи!

Я мертв уже! Перед тобой мертвец!
Чего ж еще ты хочешь наконец?

Пей кровь мою! Но от речей избавь!
Оставь меня, проклятая, оставь!..»

Сказал Фархад — и в грудь себя бия,
Пустился с криком в степь небытия.

Потоком слез он горы затопил,
Потопом страшного суда он был!

И тот потоп разрушил в нем самом
Его несчастной жизни шаткий дом.

* * *

Потоп вина, мне кравчий, приготовь!
И цветом пусть напоминает кровь!

Нет, в этот день вина не надо мне:
Оплакивать пришлось Фархада мне!

Глава XLIX

СМЕРТЬ ФАРХАДА

Приступ безумия. Фархад падает на камни и разбивается. Прощание с жизнью. Фархад передает ветерку свои предсмертные просьбы. Последний вздох. Скорбь и гнев животных и зверей.

Перо, в одежду скорби облачась,
О скорби повествует в этот час.

* * *

Степей небытия добычей став,
Так от меча коварства пострадав,

Фархад был ранен в сердце, нет, оно
Все было пополам рассечено!

Он, ослабев, упал. Пытался встать,
Но, приподнявшись, падал он опять.

Не видя ничего перед собой,
На светлый мир глядел он, как слепой,

На жестком камне лежа, он вопил,
И в судорогах позвонки дробил.

И так он бился в твердый камень лбом,—
Чуть камень не разбил на месте том!

Струил потоки слез в последний раз
Он из своих уже незрячих глаз.

С несчетных ран повязки он срывал,
Весь хлопок в алой краске посрывал,

И хлопок алый разбросал вокруг —
Смотри: тюльпаны испещрили луг!

Кричал он, раны обнажая: «Вот —
Откройся жизни выход, смерти — вход!»

Его терзала смертная тоска,
И покидали сил живых войска.

Огня его печали черный дым
Клубился тучей бедствия над ним,

И туча, как Меджнун, скорбя о нем,
Сама кровавым плакала дождем.

Он весь в кровоточащих ранах был,
Как если бы весь в розах рдяных был.

Кровь капала на камни вкруг него,
Алела лепестками вкруг него,

Как осыпь роз... Нет, вид кровавых брызг
Был россыпью пурпурных жгучих искр!

Фархад кричал: «О смерть моя, приди!
О небо золотое, пощади!

Разбей мне голову скорей,— она
Мне ни на что отныне не нужна!

В мои глаза вонзи свое копье,—
Смотреть им не придется на нее!

Язык мне отсеки своим мечом,—
С кем говорить я буду и о чем?

Дыханья моего заткни трубу,—
О ком вздыхать, когда Ширин в гробу?

Переломай мне ноги,— все равно
Ходить к Ширин уже не суждено.

Нет, жизни вновь не разжигай во мне:
Я не согласен снова жить в огне!

Одним ударом грудь мне рассеки,
И сердце вынь и разруби в куски!

Отныне с ним уже не связан я!
Отдай меня во власть небытия!..

Делила горе ты со мной, любовь,—
Свою тебе я завещаю кровь!

Печаль разлуки! Бог — судья тебе:
Ты все взяла, все отдал я тебе.

Теперь меня на волю отпусти —
Дай плоти в прах рассыпаться,— прости!

О слезы! Вы лицо мое сожгли,—
Спасибо: сделали вы, что могли.

Взяв душу у меня, о ты, мой вздох,
Вручи ее моей любимой, вздох!..»

Со степью он прощался: «Степь, о степь!
С меня уже упала жизни цепь!

Себя ты распростерла вширь и вдаль,
Чтоб убегал скорбящий в мире вдаль.

Страдальцев друг, отверженных оплот!
Тебе доставил много я хлопот.

Твой день, бывало, в ночь я превращал,
Так пыль вздымал и небо омрачал.

Тебя избороздил следами я,
Всю затопил тебя слезами я.

Прости,— страдала часто от меня,—
Избавишься сейчас ты от меня!..»

Степь огорчилась, ворот разодрав,
Посыпав черным прахом зелень трав.

Горе Фархад свой посылал привет:
«Уперся в небо мощный твой хребет.

Приют больным — подножие твое,
Но сердце как тревожил я твое!

Как мучила тебя моя кирка,
Но ты, могучая, была кротка!

За что навлек я на тебя позор,
Зачем с тобой завел неправый спор?

Я был жесток, а ты была добра.
В мой смертный час прости меня, гора!..»

И, гору опечалив до глубин,
Гранит ее он превратил в рубин.

И, руки простирая в небосвод,
Взывал он: «Умираю, небосвод!

Грабитель, притеснитель мой, внемли!
В последний раз кричу тебе с земли:

Хотя насилье, гнет — обычай твой,
А я был предан верности святой;

Хотя всю жизнь меня ты угнетал,—
Прости,— и сам ты от меня страдал!

Пыль я вздымал — и ты был запылен,
Был вздохами моими опален,

А скорби дым, которым я дымил,
Сиянье солнца твоего затмил.

Не золото вся россыпь звезд твоих —
То искры от костра скорбей моих.

Еще один, последний вздох издам —
И завершится счет твоим звездам.

А от меня не станет и следа,
Мой прах развеет ветром — не беда!

Но если плоть и превратится в прах,
Чтоб мелкой пылью странствовать в мирах.

Пусть эта пыль тебя не огорчит
И помыслов твоих не омрачит.

Иль лучше так: раз я с земли исчез,
Пускай сотрусь и в памяти небес!..»

А небосвод над ним уже пылал,
И тот огонь в его душе пылал,

И стал бродить в тоске смертельной он,
Предсмертною печалью угнетен.

И на свою кирку направил взгляд
И, с ней прощаясь, так сказал Фархад:

«О ты, моя помощница в труде,
Моя рабыня и мой друг в нужде!

Я и тебе доставил много мук,
Не выпуская день и ночь из рук.

Я с двух концов испытывал тебя,
Тобой гранит и так и так долбя.

Страдала ты, но как тверда была,
Как ты вынослива всегда была!

И за тебя болит душа моя,
Многострадальная тиша моя!

Простите гнет мой! Я отныне вам
Свободу и покой навеки дам!..»

И застонали тут кирка с тишой,
Как люди стонут от беды большой,

И головами бились о гранит:
«Скал не рубить нам, не тесать нам плит!»

Как дети за кушак отцовский, так
Они цеплялись за его кушак

И плакали: «В долине и в горах
Все рассечем — уйдем с тобою в прах!..»

* * *

Летела птица ль, проходил ли зверь —
Фархад к ним слово обращал теперь:

«Товарищи мои, мои друзья!
Навеки с вами разлучаюсь я.

Как братьев, как единоверцев, вас
Я так любил, любил всем сердцем вас!

Предательство, двуличье, ханжество —
Вот вечное людское естество.

Вы прямодушны, честны все, верны,
Природой из любви сотворены.

Сдружились вы в скитаниях со мной,
Братались вы в страданиях со мной.

Размуки боль с родной страною мне
В чужой вы облегчали стороне.

Родных вы заменяли мне, друзей,
Вы были свитой преданной моей.

Куда бы я ни направлял стопы,
Не уклонялись вы с моей тропы.

И сколько б ни стонал, ни плакал я,
Ни разу не видал, однако, я,

Чтоб тяготился кто-нибудь из вас
Моей тоской докучливой хоть раз.

Обязан всем вам очень многим я,
Четвероногие мои друзья!

И вам, пернатым, кто в палящий зной
Крылатым кровом реял надо мной,

Всем вам я благодарность приношу,
У всех у вас прощения прошу!..»

Он горькими слезами залился,
А звери, возвышая голоса,

Завыли, ущемленные тоской,
Но без притворства, не как род людской!

Так непритворно люди, может быть,
В день воскресенья мертвых будут выть...

Когда зверям он высказал хвалу,
То смертный час пустил в него стрелу.

Он видел, что его конец пришел,—
Теперь на ум ему отец пришел.

* * *

А вспомнив об отце, он вспомнил мать —
И руки стал в отчаянье ломать:

«О смерть, скорее душу отними!
Меня хоть этой пыткой не томи!

Ужель страданий мало мне других,
Что в смертный час я вспомнил и о них?

Да, ты коварством вечен, небосвод!
О, как ты бессердечен, небосвод!

Так не ведется ведь у палачей,
Чтоб одного казнили сто мечей!

Чтобы кусочек хлопка сжечь, нужна
Не молния,— лишь искорка одна!

Я дотлевал уже, как головня,—
Зачем же ты опять разжег меня?!

Клянусь, будь ты немного хоть добрей,
Меня бы в прах воткнул ты поскорей!

О кравчий времени! Тебе упрек:
Зачем ты милосердьем пренебрег,—

Зачем отраву в чашу подсыпал
Тому, кто сам навеки засыпал?

Каким быть надо злобным палачом,
Чтоб даже мертвеца рубить мечом!..»

И обратился к ветерку Фархад:
«О ветерок, не знающий преград!

Во имя бога, взвейся и слетай
В мой милый край, в далекий мой Китай.

И прах моей отчизны поцелуй,
Но старого отца не разволнуй:

Ему не сразу истину открой,—
Речь поведи сначала стороной,

Потом скажи: «Твой сын, страдалец-сын,
Твой заблудившийся скиталец-сын,

Он — кровь твоя и кость твоя, и плоть,
Дар, коим одарил тебя господь,—

В раскаянье, в мучениях погиб,
Без твоего прощения погиб.

О, как была судьба коварна с ним!
Как был он ею день за днем гоним!

Иранский грозный шах — Парвиз Хосров,
Злой чародей, хитрец из хитрецов,

Хосров Парвиз, его заклятый враг,
Преследовал его за шагом шаг.

С таким врагом, будь честен враг и прям,
Фархад бы рассчитаться мог и сам.

Но кривды путь, обычай лжи избрав,
Хосров его осилил, в прах поправ.

О нечестивце говорить к чему?
Возмездие — один ответ ему!

И потому скажи,— просил Фархад:
«Храбрец Бахрам, мой друг, молочный брат.

Пусть войско соберет и пусть сюда
Придет он для кровавого суда.

Пусть кровь мою с Хосрова спросит он,
И голову с него да сбросит он!..»

И если эту огненную весть
Отец мой — шах — не в силах будет снесть,

И всю беду поймет в единый миг,
И вспыхнут все на нем седины вмиг,

И в горе ворот раздерет он свой,
И станет биться об земь головой,

И возопит, беспомощен и стар,
И камнем скорби сам себе удар

Он в сердце нанесет, хотя оно
И без того разбито уж давно,—

Не допускай, чтоб он венец разбил,
Чтоб свой хаканский трон отец разбил!..

И ты отца утешишь, ветерок:
Мол, так предначертал Фархаду рок.

Любовь была в предвечности уже
Предопределена его душе.

Был смерти на чужбине обречен
Еще в утробе материнской он.

А то, что нам всевышним суждено,
То — рано или поздно — быть должно!

Пусть мне сужден безвременный конец,
Но вечно пусть живет мой шах-отец!

Развалится лачуга — не беда,—
Чертогу бы не рухнуть никогда!

С засохшею травою примирись,—
Будь вечно зелен, гордый кипарис!..

И если весть о гибели моей
До материнских долетит ушей,

И, в горе разодравши ворот свой,
Мать воплем всполошит весь город свой

И обо мне, несчастном, сокрушась,
Забьется лбом о камень в этот час,

И, щеки исцарапав, станет мать
В отчаянье седины вырывать

И причитать: «Мой сын, ребенок мой!
Погибший, жертвенный ягненок мой»,

И если б воплей ураган сорвал
С ее лица все девять покрывал,—

Моей тоской над нею задыми —
Покровом ей да будет пред людьми!

Скажи: «Не убивайся так, скорбя,—
Не радовал он никогда тебя.

Иметь мечтала друга в сыне ты,
Но плакала и плачешь ныне ты.

Мечтала о рубине дорогом,
А получила рыхлой глины ком.

Просила солнца вечного огонь,—
Горящий уголь приняла в ладонь.

В садах все дети веселятся... ах,—
Я в детстве лишь грустить любил в садах!

Я тем несчастней был, чем был взрослей,—
Я разлучился с родиной моей.

С тех пор скитанья муки — жребий мой,
Огонь разлуки с сыном — жребий твой.

Хоть сжег тебя заблудший сын Фархад,
Прости его, не обрекай на ад!

О, ты простишь, но знаю наперед,
Что смерть твою мне не простит народ,

А раз меня народ мой не простит,—
Пусть и умру, все будет жить мой стыд!»

А если Мульк-Ара и друг Бахрам
Об участи моей узнают там,—

Сурьмы чернее станут лица их,
И киноварью слезы литься их,

И облачатся в черную кошму,
И это уподобится тому,

Как мир, о солнце вечером скорбя,
В палас ночной закутает себя,

И до утра в долинах и в горах
Горюет, головой зарывшись в прах.

И Мульк-Аре ты скажешь, ветерок:
«Такую кару мне назначил рок.

А с небом спора не начнет мудрец,
Земли недолговременный жилец».

И передай Бахраму, ветерок:
«От вздохов и от слез велик ли прок?

Молочный брат, духовный мой двойник,
Товарищ верный мой, мой ученик,

Скорей сюда с войсками соберись,
Чтоб отомщенья не избег Парвиз!

И часу не теряй в пути — спеши,
Убийцу моего найти спеши —

Да отвернется небо от него! —
И кровь мою потребуй от него!..

Твой путь через Хотанский [1] край пройдет,
Скажу — через земной он рай пройдет!

Четыре сада встретишь — те сады,
Где, как Плеяды, розы и плоды.

В садах четыре высятся дворца,
Что строились по замыслу отца.

Меня в саду весеннем помяни —
Слезинку цвета розы урони.

Ты вступишь в летний сад — и там пролей
Слезу о пальме гибели моей.

В саду осеннем вспомни о листке,
Что пожелтел и высох вдалеке.

В саду зимы вздох обо мне издай,
Чтоб инеем покрылся зимний рай...»

И так, о милый ветерок, шепни
Великому художнику Мани,

Чья кисть, благословенная судьбой,—
Китай навек прославила собой,—

Скажи ему: «Художник-чародей,
Которому нет равных средь людей!

Ты расписал мои дворцы,— они
Венец искусства твоего, Мани!

В них кистью ты своей запечатлел
Все, что свершить я в Греции успел:

Как в бой с драконом грозным я вступил,
Как Ахримана, духа зла, убил,

Как был сражен железный великан,
Как взят был Искандеров талисман,

Как я нашел Сократа, наконец,
И как меня благословил мудрец.

Вот счет великих подвигов моих,
И кистью ты увековечил их.

Исполни же завет предсмертный мой:
Со стен изображенья эти смой,

А что не смоешь — соскобли, сотри
Во всех дворцах снаружи и внутри.

Со всех айванов посрывай шелка,
Сожги, чтоб не осталось ни клочка...

Прости мне просьбу страшную мою:
Всю боль твою, художник, сознаю,

Но если мне судьба дает взамен
Души и плоти — лишь распад и тлен,

И если должен сам исчезнуть я
В неведомых мирах небытия,—

Не нужно мне и памяти земной,—
Пусть все мои дела умрут со мной.

Так для чего же красоваться мне
Подобьем бездыханным на стене?»

И передай Карену, ветерок:
«Фархаду пригодился твой урок.

Но твой Фархад, твой ученик погиб!
Он много нарубил гранитных глыб,

Но небосвод низвергнул их потом
На голову его густым дождем.

Он рушил горы — и прославлен был,
Но сам одной горой раздавлен был».

И вот о чем, Карен, тебя прошу:
Возьми свою кирку, возьми тишу —

Разбей тот камень, на котором ты
Резцом изобразил мои черты.

Пусть обо мне ни краска, ни гранит,
Ничто воспоминанья не хранит!..»

* * *

О странствующий в мире ветерок!
Ты пролетаешь вдоль больших дорог,

Порхаешь по долам и по горам,
По многолюдным шумным городам.

Всем истинным поклонникам любви
О гибели Фархада объяви:

«О подданные, умер ваш султан!
За вас Хосровом в жертву он заклан.

В одежды черной скорби облачась,
Сплотитесь, на Хосрова ополчась.

Пролейте на него горючий дождь —
Стрел ненависти вашей жгучий дождь.

Сожгите стонами дворец его,
Престол, венец, а также самого...»

И передай Шапуру, ветерок:
«Преподал миру дружбы ты урок,

Свою ты кровь глотал, со мной дружа,
Отрады не видал, со мной дружа.

Со мной дружа, каких не пролил слез,
Каких печалей ты не перенес!

Но в дружестве других условий нет,
И да не будет до скончанья лет!

Да наградит тебя за это бог,
Свидетель моего завета — бог:

Карателем ты силам вражьим стань,
И над моей могилой стражем стань!..»

* * *

Тут речь его предсмертную глуша,
К устам Фархада подошла душа

И вмиг с душой возлюбленной слилась,
Огнем великих бед воспламенясь.

«Ла-Хавл [2]! — он поспешил произнести,—
Будь милостив ко мне, господь, прости!»

На долю скорби, горести, невзгод
Так много выпало в тот час хлопот,

И шум смятенья их был так силен,
Что жителей небес встревожил он.

Печаль осиротела. А любовь,
Что в пламя превращает сердца кровь,

На плечи черную кошму надев,
Во мрак повергла юношей и дев.

И звери, видя, что почил навек
Тот благородносердый человек,

Большие слезы пролили из глаз,
За упокой души его молясь,

Его убийцу разорвав в куски,
В себя вонзали когти от тоски.

Да, если ты не знал, узнай теперь:
Людей коварных благородней зверь!

* * *

Эй, кравчий, чару яда мне налей!
Яд смертоносный мне вина милей.

Возлюбленной я верен, как Фархад,
И умереть намерен, как Фархад!

Глава L

МИР МЕЖДУ ХОСРОВОМ И МИХИН-БАНУ

Звери охраняют труп Фархада. Весть о чуде. Ропот народа в крепости. Снятие осады. Ликование Хосрова.

Кто хочет мир покинуть,— не забудь
Собрать пожитки, отправляясь в путь!

* * *

Не медли, путник,— вот тебе совет:
Покоя на стоянке нашей нет.

Не весь нам предоставлен шар земной,—
Ютимся мы на четверти одной [1].

На остальных трех четвертях — вода,
Которой мы окружены всегда.

А вдруг вода захочет затопить
И нашу четверть?.. Как же людям быть?

Нет, это не убежище, не твердь,
Где каждый миг нам угрожает смерть!..

Не все, что с куполом, то монастырь.
Ты погляди на водяной пузырь:

Вообрази, что он раздулся в дом,
Но поселишься ли в дому таком,

Где и вздохнуть боишься? Чуть вздохнешь —
Дом лопнул,— и развалин не найдешь,

Нет, это не пузырь,— горсть праха! Вот —
Что суша наша в окруженье вод!

А небосвод, как птица вкруг гнезда,
Над кучкой праха кружится всегда,

Как голубь, резв. Но голубь приручен,
И в голубятне отдыхает он,

А небосвод неугомонный дик,
Не останавливается ни на миг...

А может быть, он голубятня сам?
Ты видишь, сколько светлых зерен там?

Да, рок большой любитель голубей,
Устроил там обитель голубей.

Еще скажу — и ты поймешь меня,
Что рок — охотник, небо — западня.

Нет, он палач! И, если захочу,
Я без труда его изобличу:

Он держит полумесяц — это меч,
А солнце — таз, чтоб крови жертвы стечь,

Но свой обычай палачи блюдут:
Всем жертвам точный счет они ведут,

И, тысячною головой гордясь,
Палач в земле хоронит меч и таз.

А кто их зарывает каждый день [2],—
В день столько же казнить ему не лень.

Кого же, в бессердечии своем,
Казнит он тысячами день за днем?

Всех тех, кто благороден, справедлив,
Кто духом чист, кто разумом пытлив.

Светило, коим мир весь озарен,
В прах еженощно зарывает он;

Наполнить кровью рад за тазом таз,
Чтоб свой порок потешить лишний раз;

Чтоб низменную радость испытать,
Готов он чистый жемчуг растоптать;

Готов срубить он пальму на дрова —
Огнепоклоннику для торжества,

И кровь Фархада он пролить готов,
Чтоб пил вино, злорадствуя, Хосров.

Казнить лишь самых лучших любит он,
Таких, как я, как ты,— не губит он...

* * *

Когда Фархад покинул бренный мир
И озарил собой загробный пир,

К его останкам звери собрались,
Оплакивать потерю собрались.

А в это время человек один,
Бедняк, бездомный, житель тех долин,

Пришел к Фархаду дружбу предложить
И преданно душевно послужить.

И вот он видит то, о чем сейчас
Повествовал печальный наш рассказ.

Непостижимым чудом потрясен,
В расселину скалы забился он.

Усопшего предать земле? Но как
Приблизился бы к хищникам бедняк?

И он обратно к людям поспешил,
И все свое селенье всполошил,

И, плача, эту весть им передал,
И весь народ с ним вместе зарыдал,

И разлетелся повсеместно слух,
Всех ужасающий, чудесный слух,

И слух дошел к Хосрову. И Хосров,
Уразумев значенье этих слов,

Был так подавлен, что не мог дней пять
Ни улыбнуться днем, ни ночью спать.

Хотя он был в душе, конечно, рад,
Что устранен с его пути Фархад,

Не видя больше никаких причин,
Чтоб снова быть отвергнутым Ширин,—

Но страх возмездья неба грыз его,
И заглушить не мог Парвиз его.

Но раз душа свою имела цель,
Нашлась для самоутешенья щель.

Все колебанья вскоре он отверг,—
Невежество взяло над страхом верх.

Да, он не знал: кто в чашу сыплет яд,
Сам рано или поздно выпьет яд...

«Не надо медлить!» — так решил Хосров
И снова в крепость нарядил послов,

Чтоб, страх и поощренье совместив
И выгодами важными прельстив,

Смирили б непокорных кобылиц,
Двух этих гордых горных кобылиц...

А те послы, скажи — те два волхва,
Вложили столько чар в свои слова,

Столь были речи их любезны все,
Столь предложенья их полезны все,

Что, доводами их покорена,
Была Бану к согласью склонена.

Столпы державы, дело обсудив,
Сказали: «Будь Фархад печальный жив,

Он мог помочь нам продолжать войну,—
Теперь в ней смысла нет, Михин-Бану!

Зачем же без надежды воевать,
Напрасно кровь народа проливать?

Гранит не пострадает от стекла,
Огонь сожжет любой амбар дотла.

Мир и союз с Хосровом заключи,
Вражду любезным словом заключи.

Страну он разорил, как хищный зверь,
Пусть восстановит он ее теперь...»

* * *

Хоть по Фархаду, как родная мать,
Бану не уставала горевать,

Но ей была ясна войны тщета
И мудрецов державы правота.

Ее согласью будет рад Парвиз...
Что скажет розоликий кипарис?

Ширин ведь знала, что погиб Фархад,
И сколько раз достать пыталась яд.

И так безумствуя и так скорбя,
Конечно, отравила бы себя,

Не будь предусмотрительна Бану,
Так неусыпно бдительна Бану.

Ширин такою стражей день и ночь
Была окружена, что шагу прочь

Без наблюденья не могла ступить,
И яда ей не удалось добыть.

(Так охраняют идола — смотри —
Монахи от зари и до зари).

Но быть спокойной не могла Бану
И трепетала за свою луну.

Ширин с ума сходила от тоски,—
Рвала зубами тело на куски,

И день и ночь Фархада все звала
И, как с живым, беседы с ним вела.

То вспомнит, как он на чужбине жил,
Как в заточении в пустыне жил;

Как бедняком, лишенным царства, стал,
Как жертвой вражьего коварства стал;

То вспоминает — за чертой черту —
Его пленительную красоту,

То ум его, то знания его,
Его любовь, страдания его,

Как он погиб один, и как она
На одиночество обречена.

«Где ты, о господин всевластный мой,
Где ты, безгласный раб несчастный мой?»

Так день за днем Ширин, вопя, крича,
Сгорала, словно на ветру свеча...

Михин-Бану боялась и сама
От этих черных дум сойти с ума.

Дела державы падали из рук,—
В дому беда, и бедствие вокруг...

Хоть говорили мы, что на сто лет
Хватило б крепостных припасов,— нет!

Запасы истощились, и народ
Изнемогал под бременем невзгод,

И проклинал жестокую войну
И возроптал уже на гнет Бану.

Кто мал в народе был, кто был велик,—
Укором обжигал любой язык.

Все чаще люди стали говорить:
«К чему народ бессмысленно морить?

Хосров им предлагает мир и брак,
Им другом хочет стать могучий враг,

И если уж тот юноша погиб,
То быть они сговорчивей могли б —

И согласиться, что такой исход
Им предложил на счастье небосвод.

К чему же впредь терпеть осаду нам?
Нет больше сил!.. Вмешаться надо нам!..»

Боясь, что выйдет из себя народ
И сам Хосрову крепость отопрет,

И сознавая, что народ был прав,
Михин-Бану, остаток сил собрав,

В глубоком потрясении души
Пришла к Ширин: «Спаси иль сокруши!

Вот истинное положенье дел:
Терпению людей настал предел!»

Ширин сказала: «Запрещает стыд
Но я скажу, что сердце говорит:

Мне парой лишь один мужчина был,
Мне суженою половиной был.

Но если с парой разлучен своей,
Он, одинокий, умер меж зверей,—

То как могу помыслить я, что он
Другим кем-либо будет замещен?

Возможно ли, чтоб столь неверным был,
Кто верности слугой примерным был.

Сама ты знаешь,— в клятвах нет нужды,—
Я без него, как рыба без воды.

А рыба на земле, воды ища,
Дышать не может, гибнет, трепеща.

Мне счастья нет. Как рыба на песке,
Умру я скоро, задохнусь в тоске,

Но дня теперь из-за меня одной
Страдать не должен наш народ родной.

И если я была виной тому,
Что столько бедствий выпало ему,

То перед смертью клятву я дала —
Народу своему не сделать зла...»

* * *

Услышав от Ширин такую речь,
Приметой счастия толкуя речь,

Царица препоясалась на мир
И задала послам Хосрова пир.

Сказала: «Шаху — низкий наш поклон.
Пусть искренности нашей верит он,

Когда нас известил великий шах —
Незыблем будь его престол в веках! —

Что родственных желая с нами уз,
Нам предлагает мир он и союз,—

Его посланьем я была тогда
Настолько осчастливлена, горда

(Не за себя одну — за всех армян),
Что к голове письмо как талисман

Прикладывала в тишине ночной
Для исцеленья боли головной.

Гонцу Хосрова почести воздав,
Греметь литаврам славы приказав,

Стезей стыда и горести идя,
Но дальновидности закон блюдя,

Предупредила шаха я о том,
Что есть в моем рубине дорогом

Изъян природный, трещинка одна.
Вот перед шахом вся моя вина.

Не знала я, что говорить не в срок
О собственном пороке есть порок.

Но вот, что вслед за тем произошло,
И день и ночь мрачит моé чело:

С тех пор, как нам объявлена война
И пери в крепости заточена,

В моей стране, измученной войной,
Стоит все время столь жестокий зной,

Столь воздух сух, а в крепости моей,
Увы, такое множество людей,

Что люди от поветрий всяких мрут
И нестерпимое зловонье тут.

А кипарис изящества, тюльпан
Очарованья, нежности фазан,

Луна в айване красоты, бальзам
Струящая страдающим сердцам,—

Да сбудется, великий шах, скорей
Твоя мечта о сладкой встрече с ней! —

От воздуха тлетворного больна:
Как уголь, горяча лежит она,

И соловей ее веселья смолк,
И что с ней делать — не возьму я в толк.

Но если б шах все прошлое забыл,
Сердечно бы к нам благосклонен был,

И зачеркнув пером прощенья все
Мои ошибки, заблужденья все,

Осаду снял бы с нас и наш народ —
Избавил бы от бедствий и невзгод,—

То кипарис, который здесь зачах,
Расцвел бы вновь, чтоб радовался шах,

Искали исцеления врачи —
Пришли к такому мнению врачи...

Захочет шах почет воздать Ширин —
Сумеет госпожою стать Ширин.

А если же унизить предпочтет —
Рабыню в ней покорную найдет...»

* * *

Такую весть услышав от послов,
Для них наград не пожалел Хосров,

От радости едва не онемел,
И соблюсти величья не сумел,

И, всполошив стотысячный свой стан,
Греметь заставил счастья барабан...

Была осада с крепости снята,—
Бану велела растворить врата,

И тысячи ликующих людей,
Как птицы из разорванных сетей,

За крепостные стены устремясь,
На волю вышли шумно веселясь...

* * *

Хосров — наказ столпам державы дав,
К Бану носилки пышные послав,

Просил царицу, чтоб, забыв раздор,
Она, как друг и мать, в его шатер

Пожаловала — с ним поговорить,
И тот шатер высокий озарить.

Бану не отказалась — и тогда
Исчезла их взаимная вражда.

И полное доверие и мир
Беседой сердца увенчали пир.

Когда вопрос о пери задал шах,
Михин-Бану ответила в слезах:

«Увы, увы! Прикована к одру,
Она лежит, бессильная, в жару,

А все врачи одно мне говорят:
«Всему причиной духота и смрад.

Ее природа чересчур нежна,—
Другая местность для нее нужна,

Где воздух был бы чище и влажней,
Мол, чистый воздух ей всего нужней...»

Хосров сказал: «Ты лучше знаешь край,—
Не медли, часу даром не теряй,

И где полезней солнцу моему,
Там и устрой обитель ты ему...»

Сказала: «Шах! Исполнен ты добра!
На севере Армен стоит гора,

А на вершине есть дворец и сад,
Которые Ширин принадлежат.

С большими затрудненьями туда
Проведена с недавних пор вода.

Должно быть, видел это место шах.
И если бы свою невесту шах

Туда отправить приказал,— там ей
Всего полезней было б и милей...»

Хосров, услышав просьбу, загрустил:
Фархад в тот замок воду проводил!

А сто Хосровов грозных... или нет!
И тысячи, и даже за сто лет

Подобных дел свершить бы не могли:
Такой любовью жить бы не могли!

И, хоть от ревности страдал Хосров,
Согласье поневоле дал Хосров.

И понесли Ширин в тот самый сад,
В тот замок, что построил ей Фархад.

И пери на лужайке поселясь,
Вновь расцвела, к живой воде склонясь.

* * *

Вина живого, кравчий, мне подай!
Лужайку нашу вечной не считай!

Я пьяница и так упьюсь вином,
Что мне весь мир покажется зерном!

Глава LI

СМЕРТЬ ШИРИН

Ширин переезжает в свой замок. Шируйя, сын Хосрова, загорается страстью к Ширин. Отцеубийство. Послание Шируйи к Ширин. Ширин прибегает к хитрости. Шапур доставляет труп Фархада. Вечная близость возлюбленных.

Кто словом сокрушенья начал речь,
Тот кончил похоронным плачем речь.

* * *

Когда была посажена Ширин
На царственный свой крытый паланкин,

Чтоб к месту исцеления спешить
И в том краю без треволненья жить,—

Все воины Парвиза собрались
Взглянуть на ту, кого избрал Парвиз.

Столпившись пред носилками ее,
Они как будто впали в забытье,—

Скажи, что солнце, выглянув из туч,
В густую пыль направило свой луч!

Но в этот час произошло здесь то,
Чего и ожидать не мог никто:

Пришел полюбоваться на Ширин
И шах-заде, родной Парвизов сын,

Прославленный красавец Шируйя [1]...
Как связана со всей рекой струя,

Как искра с пламенем костра, так он
Всем естеством был с шахом сопряжен.

Однако жил с отцом он не в ладах,
И не был также с ним сердечен шах.

Так издавна меж ними повелось,—
Все — несогласье, все — раздор, все — врозь...

Как весь народ, и Шируйя глядел
На паланкин. Вдруг ветер налетел —

И занавеску поднял, и на миг
Он той луны увидел светлый лик,—

Не говори — луны,— она была,
Как солнце, ослепительно светла!

Хотя всего лишь миг он видел ту
Мир озаряющую красоту,

В нем сразу вспыхнул страсти тайный жар,
Негаснущий, необычайный жар!

Лишась покоя, отстранясь от дел,
Ни днем, ни ночью он не спал, не ел.

И понял он, что жертвой должен пасть,
Что смерть — расплата за такую страсть,

Потом подумал: «Смерть?.. Но почему
Мне нужно умереть, а не ему?

Кто не боится смерти сам в любви,
Ужели не прольет чужой крови?

Ведь если устраню Хосрова я,
Мир будет мой и гурия — моя.

Все царство мне отцовское на что?
Подобных царств она сулит мне сто!..»

Он, в замысле преступном утвердясь,
Вступил с военачальниками в связь.

А так как все границы перешло
Чинимое народу шахом зло,

То Шируйя войска к себе склонил
И постепенно весь народ сманил.

Таков был небосвода поворот!
Принес присягу Шируйе народ,—

Хосров был схвачен, в яму заключен,
Пощечинами даже посрамлен!

Но чтобы этой птице как-нибудь
Из темного гнезда не упорхнуть,

Чтоб мести от нее потом не ждать,
Решили ей покой во прахе дать...

Сын обагрил отцовской кровью меч!
Кто злодеянье это мог пресечь?

Закон любви таков, что вновь и вновь
За пролитую кровь ответит кровь!

Фархада погубил Хосров — и вот
Возмездие ускорил небосвод.

Терзал сердца народа властелин —
Убил его единородный сын.

Судьба на милость и на гнев щедра,
В потворстве и в возмездии быстра.

Невинному удара боль тяжка,
Но и суровой кары боль тяжка!

Чужую жизнь пресекший, знай: змея
Отмстительница тайная твоя!

Кто искру сделал грудой пепла, тот
Себе возмездье в молнии найдет!

Какое в землю сеял ты зерно,
Землей оно же будет взращено.

А если так, то в бренной жизни сей
Лишь семена добра и правды сей.

Кто сеял зло — себя не утешай:
Неотвратим твой страшный урожай!

Хосров Парвиз насилья меч извлек,—
В него вонзило небо свой клинок;

Пошел на преступленье Шируйя,—
Не жди судьбы прощенья, Шируйя!..

* * *

Когда Хосров был сыном умерщвлен,
Отцеубийца поднялся на трон

И возложил на голову венец —
Правления тяжелого венец.

В нужде мы и убийце угодим:
Стал Шируйя царям необходим.

Пытался он Михин-Бану привлечь,
И сразу о Ширин завел с ней речь.

Ответила: «Она еще больна.
Оправится — решить сама вольна.

Ее судьба в ее руках, а я
Ни в чем ей не помеха, Шируйя!

Но лучше ты поговори с ней сам:
Захочет — я благословенье дам...»

Но так как грубым он невеждой был,
А страсть в нем разожгла надежды пыл,

То он кумиру своему послал
Письмо любви, в котором так писал:

«О гурия, ты обольщенье глаз,
Чью красоту я видел только раз!

Но, вспыхнув от ее огня, с тех пор
Ношу в душе пылающий костер.

О, ни Фархад, ни мой родитель-шах,
Клянусь, не мучились в таких кострах!

Отцовскую пролить осмелясь кровь,
Чем докажу еще свою любовь?

Никто таких страданий не терпел,
Какие мне любовь дала в удел.

Всю летопись судьбы перелистай
Лист за листом подряд — и прочитай

Все повести любви из века в век,—
Такой любви не ведал человек!

Хоть я владыкой стал, тебе скажу:
Я горькую утеху нахожу

В том, что, тебя любя, о мой кумир,
Себя на весь я опозорил мир.

Да, мне в позоре этом равных нет,
И мучеников столь бесславных — нет!..

Не отвергай, Ширин, моей любви.
И к жертве страсти милость прояви.

О пери, обещаньем мне ответь,
Надеждой на свиданье мне ответь!

Хоть я не жду отказа, но клянусь:
Ни перед чем я не остановлюсь,

И — не добром, так применяя власть,
Ответить на мою заставлю страсть!..»

* * *

Ширин, приняв посланье от гонца,
Лишилась чувств, не дочитав конца.

Она понять сначала не могла
Столь небывало страшные дела.

Но, долго размышляя над письмом,
Она, увы, уверилась в одном:

«Вот подлинно безумный, страшный тем,
Что чувство страха утерял совсем!

Кто мог отца с пути любви убрать,
Преступит все и может все попрать,

Чтоб своего достичь. Я цель его
И ждать я от него могу всего.

Нет, не хочу я на него смотреть!
О боже, помоги мне умереть!

Да, смерть — одно спасение мое,
В ней вижу воскресение мое!..»

К такому заключению придя
И в нем успокоение найдя,

Она с довольным, ласковым лицом
Речь повела почтительно с гонцом.

Сказала: «Шаху передать прошу:
Я за него молитвы возношу.

Угодно было, видимо, судьбе
Хосрова бремя передать тебе.

И если жизни ты лишил отца,
То был орудием в руках творца,

И, значит, воли был своей лишен,
А сделал то, чего хотел лишь он.

Я ль не пойму страдания твои?
Сама я знала плен такой любви.

Ты слышал о Фархаде, кто гоним
И кто загублен был отцом твоим,

Кто был любви поклонникам главой,
Всем верности сторонникам главой?

Круговращенье вечное небес
Таких еще не видело чудес,

Такой любви, как между им и мной,
Примером ставшей для любви земной.

Не преходящей похотью сильна,—
Сильна была единством душ она!

Фархад низвергнут был Хосровом в ад,
И принял смерть из-за меня Фархад.

И я теперь в разлуке вечной с ним,
Но сердцем так же безупречно с ним.

Я заболела от тоски по нем
И чахну безнадежно с каждым днем.

Я птицей недорезанной живу
И непрестанно смерть к себе зову...

Но если шах действительно мне друг.
Он, может быть, поймет, что мой недуг,

Тем более жесток, что милый мой
Еще поныне не оплакан мной.

И если б, как обычаи велят,
Я, завернувшись в черное до пят,

Здесь труп его оплакать бы могла
И скрытой скорби выход бы дала,

То, душу от печали облегчив,
Я жить могла б, недуг свой излечив...

Шапура в цепи заковал Хосров;
Освободи Шапура от оков —

И я с людьми туда пошлю его,
Где брошен труп Фархада моего.

Он привезет его ко мне — и я
Свою очищу совесть, Шируйя,

И, выплакав свою любовь к нему,
Покорной стану шаху моему.

А твой отказ — он приговор твой, шах.
Тогда меня получишь мертвой, шах!..»

Гонец понес царю, ликуя, весть.
Услышав от гонца такую весть,

Был счастлив Шируйя, повеселел —
И выпустить Шапура повелел.

Шапур пришел к Ширин и весь в слезах —
Ниц распростерся перед ней во прах.

И вся слезами залилась Ширин,—
Фархада вспомнила тотчас Ширин.

Настолько встреча их горька была,
Что почернело небо, как смола.

Но жалоб сердца отшумел поток,—
Настал для разговора дела срок:

Убрав тигровой шкурой паланкин,
Дала Ширин Шапуру паланкин

И, двести человек в охрану дав
И пышность царских похорон создав,

Отправила весь караван туда,
Где смеркла навсегда ее звезда...

Шапур с людьми ушел — и там, в горах,
Нашел того, кто рушил горы в прах

И кто теперь горою бедствий сам,
Мертв, недвижим предстал его глазам.

Не как гора! — зверями окружен,
Лежал как средоточье круга он.

Но звери разбежались от людей —
И люди стали на места зверей,

И на носилки возложили труп,
И шелком и парчой покрыли труп,

И почести, как шаху, оказав
И, плача, на плеча носилки взяв,

Печалью безутешною горя
И щедро благовоньями куря,

Так до дворца Ширин они дошли,
Фархада тайно во дворец внесли,

В ее опочивальне уложив
И ей затем, печальной, доложив...

* * *

Когда Ширин узнала, что такой
Желанный гость доставлен к ней в покой,

Она возликовала, как дитя,
Лицом в тот миг, как роза, расцветя.

Не только на лице, в ее душе
Следов страданья не было уже.

И с места встав, легка и весела,
С ликующим лицом к Бану пошла,

И так сказала: «Прибыл друг ко мне.
Хочу проститься с ним наедине.

Часы свиданья быстро пробегут,—
Пускай меня хоть раз не стерегут...»

И, разрешенье получив, она
К себе в покой отправилась одна,

Решив достойный оказать прием
Возлюбленному во дворце своем:

«Он умер от любви ко мне — и вот
Мне верность доказать настал черед.

В своем решенье до конца тверда,
Не окажусь я жертвою стыда.

Сердечно гостя милого приму:
Я жизнь свою преподнесу ему!

Но совесть лишь одно мне тяготит,
Один меня гнетет предсмертный стыд,

Одну ничем не искуплю вину,—
Удар, который нанесу Бану!..»

Омыв от жизни руки, в свой покой
Ширин вступила твердою ногой.

Покрепче изнутри закрыла дверь
И, не тревожась ни о чем теперь,

С улыбкой безмятежной на устах
Направилась к носилкам, где в цветах,

В парче, в шелках желанный гость лежал,
Как будто сон сладчайший он вкушал.

Но сон его настолько был глубок,
Что он проснуться и тогда б не мог,

Когда бы солнце с неба снизошло
И, рядом став, дотла б его сожгло!

Залюбовавшись гостя чудным сном,
Столь сладостным и непробудным сном,

Ширин глядела — и хотелось ей
Таким же сном забыться поскорей,

И с милым другом ложе разделить,
И жажду смерти так же утолить.

Свою судьбу в тот миг вручив творцу,
Она — плечо к плечу, лицо к лицу —

Прижалась тесно к другу — обняла,
Как страстная супруга, обняла,—

И сладостно и пламенно вздохнув,
С улыбкой на устах, глаза сомкнув,

Мгновенно погрузилась в тот же сон,
В который и Фархад был погружен...

О, что за сон! С тех пор как создан свет,
От сна такого пробужденья нет!

Пресытиться нельзя подобным сном,
Хоть истинное пробужденье — в нем!..

* * *

Покрепче, кравчий, мне вина налей!
С возлюбленной я обнимусь своей.

Мы будем спать, пока разбудит нас
Дня воскресенья мертвых трубный глас!

Глава LII

БАХРАМ ВОССТАНАВЛИВАЕТ МИР В СТРАНЕ АРМЕН

Смерть Михин-Бану. Сон сорока отшельников. События в Китае. Бахрам отправляется на поиски Фархада. Плач Бахрама на могиле Фархада. Шируйя возмещает убытки от войны. Всенародный сход армян. Новый царь. Бахрам и Шапур посе-ляются отшельниками вблизи гробницы Фархада.

Кто плачем дом печали огласил,
Напев такой вначале огласил.

* * *

Михин-Бану, вся свита и родня
Напрасно ждали до исхода дня,

А все не возвращался их кумир.
И вечер опустил покров на мир,—

Ширин не шла... И, потеряв покой,
Направились они в ее покой.

Хотели дверь открыть — и не могли,
И выломали дверь, и свет зажгли,

И, занавес парчовый отвернув,
Оцепенели все, едва взглянув:

Фархад на ложе не один лежит,—
С Фархадом рядом и Ширин лежит

И друга обнимает горячо,
Прижав к лицу лицо, к плечу плечо.

Но, как Фархад, бестрепетна, нема,
Ширин, увы, была мертва сама!

Разлуке долгой наступил предел,—
Им выпал вечной близости удел...

Тела их бездыханные слились,
Как с гибкою лианой кипарис.

Но, мертвой увидав свою луну,
Могла ль снести удар Михин-Бану?

Сама пресытясь жизнью в этот миг,
Стон издала она — не стон, а крик,

И сотрясла, смутила небеса,
И душу отпустила в небеса.

Всю жизнь она одной Ширин жила,
Скажи, что жизнь ее — Ширин была,—

И потому, Ширин лишась, она
Была мгновенно жизни лишена.

Вслед за душой ли вырвался тот стон,
Иль вылетел с душою вместе он?

Но пальма жизни сломана была,—
В веках лишь стебельком она была!

О дивная, о благостная смерть!
О, если б нам столь сладостная смерть!

* * *

Листы времен листая как-то раз,
В них обнаружил я такой рассказ:

Когда благодаря своей любви,
Неслыханной среди людей любви,

Прославился Фархад, и слух о нем
Распространялся дальше с каждым днем,—

То и в Китай, страну его отцов,
Проникла эта весть в конце концов.

А там — судьба, верша свои дела,
Немало перемен произвела.

Отец Фархада умер вскоре,— мать
Ушла за ним — зачахла с горя мать.

И так как сына был хакан лишен,
То младший брат его взошел на трон.

И стал при нем начальником войскам
Сын Мульк-Ары, Фархада друг — Бахрам.

Он, доблестью прославясь, был таков,
Что стал акулой грозной для врагов...

Фархада он вполне достоин был,
И весь Китай при нем спокоен был.

Но сам он утерял давно покой
И, по Фархаду мучимый тоской,

О нем расспрашивать не уставал
Всех, кто из дальних странствий прибывал...

Когда же слух о нем,— не слух, а шум! —
Уже и в Индустан дошел и в Рум,

То чрез бродяг-дервишей и купцов
Проник в Китай тот слух в конце концов.

Принес Бахрам хакану эту весть:
«На западе, мол, государство есть —

Армен ему названье. Этот край —
Прекраснее Ирема, сущий рай.

Там гурия живет — и, говорят,
Сошел с ума, в нее влюбясь, Фархад.

И если б соблаговолил хакан,
Повел бы я войска в страну армян,

Фархада б разыскал, помог ему,
А не нашел бы — так и быть тому...»

Хакан подумал: «Если слух не лжив,
То вряд ли все же мой племянник жив.

Но мне опасен может стать Бахрам.
Пусть он идет и пусть погибнет сам...»

Он разрешенье дал Бахраму... Тот
Собрал войска и двинулся в поход.

Двойные переходы делал он,
На запад шел все дальше смело он,

И на страну армян — настал тот день! —
От войск его упала счастья тень.

Здесь истина ему открылась, здесь
Он разузнал и ход событий весь,—

И, пламенною скорбью обожжен,
Направился к гробнице друга он.

Бахрам одним утешиться бы мог,—
Был в горе он своем не одинок:

Фархада тот народ не забывал,
С его печалью он свою сливал...

Узнав, что друг был у Фархада там,
Велел Шапура пригласить Бахрам.

Пришел Шапур скорбящий — и вдвоем
Они о друге плакали своем.

А над гробницей так Бахрам вопил,
Что землю жаром скорби растопил.

Лицом припал к изножью гроба он,
И весь дрожал, как от озноба, он

И восклицал: «Фархад! Мой друг, мой брат!
Мою надежду ты унес, Фархад!

О, лучше б слепота глазам моим,
Чем увидать Фархада мне таким!

Язык мой вырван из гортани будь,
Чтоб не сказал тех слов когда-нибудь!

Где с огнедышащим драконом бой,
Где с Ахриманом разъяренным бой?

Где меч твой, рассекавший ребра гор?
Где сотрясавший стены шестопер?..

Но ты устал, Фархад! Ты погружен,
Оказывается, в слишком крепкий сон!

Очнись же, наконец, глаза открой,—
Пришел к тебе твой друг, товарищ твой.

Потряс я воплем небеса! Проснись!
Весь мир в огне! Открой глаза! Проснись!

Ты спишь!.. Так, значит, правду говорят,
Что сон и смерть — одно?.. Ты мертв, Фархад?!

Был у тебя такой, как я, слуга,
А ты погиб от подлого врага!

О, если б за тебя мне жертвой лечь!..
Но если обнажить возмездья меч —

И если страны недругов твоих
Опустошить, сравнять бы с прахом их,

Обрушить горы в море, чтоб вода
Их степи залила и города

И чтоб водовороты лишь одни
Напоминали, что в былые дни

Стояли минареты здесь, и вот —
Все стало навсегда добычей вод...

Нет, нет! Ведь если, мстя за кровь твою,
Кровь сотен тысяч я теперь пролью,—

К чему мне кровь такая?! Все равно
Твой дух обрадовать мне не дано!

А если так,— кушак и меч к чему?
И в жгучих мыслях душу сжечь — к чему?

И латы и кольчуга для чего?
И лук и щит без друга — для чего?

Героем как считаться мне теперь?
Как ездить мне на скакуне теперь?

Как на пиру теперь веселым быть,—
С каким же сердцем стану чару пить?

Клянусь, что без тебя, о мой Фархад,
Мне пир не в радость, а вино мне — яд!

Мое вино — боль укоризны, скорбь,
Одно мне остается в жизни — скорбь!..

Иль самому мне булавой своей
Покончить с бедной головой своей?..»

Так он рыдал, Бахрам так причитал
И весь народ там плакальщиком стал.

* * *

Уняв печаль, поцеловал он прах
И, выйдя, начал думать о делах.

Он к Шируйе послал приказ, чтоб тот
Пришел — и личный дал во всем отчет:

«Коль зла не делал другу моему,
Его с почетом, с лаской я приму;

А коль уверюсь я в его вине,—
То буду знать, что надо делать мне!»

Испуг напал на шаха Шируйю,—
За голову боялся он свою.

И Шируйя Шапура пригласил —
Заступничества у него просил:

«Свидетелем да будет честь твоя
В крови Фархада не повинен я.

Его убийцу я казнил потом,
Хотя он был моим родным отцом.

Об этом ты Бахраму доложи,
Без кривотолков, прямо доложи.

Скажи, что я готов служить ему,
И власть его покорно я приму.

Одну лишь милость да проявит он —
От встречи с ним пускай избавит он.

Уговори его — и я тогда
Твой друг и раб до Страшного суда!..»

Шапур исполнил просьбу — и Бахрам
Сказал: «На это я согласье дам.

Однако же армянская страна
Хосровом так, увы, разорена,

Народ такие пытки претерпел,
Такие он убытки потерпел,

Что даже и прикинуть трудно мне,
Какой понес ущерб он на войне.

Да будут все убытки сочтены —
И Шируйей сполна возмещены.

Когда он ублаготворит армян,
Тогда его я выпущу в Иран,

Однако пусть сначала присягнет,
Что столько же оттуда он пришлет...»

Почел за милость Шируйя приказ,
Казну свою опустошил тотчас —

И весь ущерб, что принесла война,
Армянам тут же возместил сполна.

А возвратясь в Иран, как присягал,
Он без задержки столько же прислал...

* * *

Бахрам велел созвать народный сход
И вопросил армянский весь народ:

«Фархада ради кто из вас терпел
Парвизов гнет и разоренье дел?

Кто потерпел ущерб — скажите мне,
И радуйтесь: я уплачу вдвойне».

В ответ на речь его со всех сторон
Раздался шум смятенья — плач и стон:

«О, за Фархада все молились мы!
Стать жертвой за него стремились мы!

Скорбим поныне мы всегда о нем
И эту скорбь деньгами не уймем!..»

Бахрам назначил счетчиков, вдвойне
Плативших пострадавшим на войне.

И заложить затем решил Бахрам
Основу и величье царства там.

Он вызвал всю родню Михин-Бану,
Нашел средь них ровню Михин-Бану:

Достойный муж, светило меж светил,
Кто мудростью Бану превосходил.

Его, как падишаха на престол,
Герой Бахрам торжественно возвел,

Дабы народу в государстве том
Стал мудрый муж покровом и щитом;

Дабы, держась державных правил там,
По справедливости он правил там;

Чтоб заново страну отстроил он,
Ее богатства чтоб утроил он.

Народам и державам — там расцвет,
Где справедливость есть, где гнета нет!..

И это все царю армян внушив,
И так устройство царства завершив,

Китайские войска созвал Бахрам
И роздал всю свою казну войскам,

Сокровища и деньги роздал всем
И начал с извиненья речь затем:

«Со мной столь трудный совершив поход,
Перенесли вы множество невзгод,

Теперь вернитесь к семьям, по домам,
К своим хозяйствам и к своим делам.

Хакану так скажите обо мне:
«Нашел Бахрам Фархада в той стране,

Обрел теперь Бахрам к блаженству путь,
Прости, хакан, здоров и счастлив будь!»

* * *

Бахрам, такую речь войскам сказав
И путы связей с миром развязав,

От праха мира отряхнул подол,—
К Фархадовой гробнице он ушел.

А с ним — Шапур. Вблизи нее в те дни
Отшельниками зажили они.

Так этот путь смиренья стал для них
Желанней всех богатств и царств земных...

Примеру их последуй, Навои,
Осуществи желания свои!

* * *

Мне чару униженья, кравчий, дай!
Вина уничтоженья, кравчий, дай!

Быть может, ощутив его во рту,
Я тот же путь спасенья обрету!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Быстробегущий небосвод, внемли!
Покоя алчет слабый сын земли.

Лекарство дай от робости моей,
Избавь меня от клеветы людей.

Коварный недруг чтобы не вонзал
Мне в сердце сотни ядовитых жал,

Чтоб, превратясь для стрел обид в мишень,
Мозг не гудел, как улей, целый день;

Чтоб сердца разоренная страна
Мир обрела, была возрождена.

Пусть расточитель и завистник-плут
Сочувствия у шаха не найдут.

Пускай не валит на меня вины
Тот, чьи поступки каждому видны.

Пусть на мои страданья взглянет шах —
И милостив ко мне да станет шах.

Чтоб радости не ведал клеветник,
Чтоб радости моей расцвел цветник!

Чтобы в теченье суток каждый час
Я мог вздохнуть свободно хоть бы раз;

И сердце застучало бы ровней,
И не сжималось так в груди моей;

Калам в руке старательней бы стал,
Я сам к словам внимательней бы стал.

И, если б я очистить чувства мог,
Поднять бы и свое искусство мог.

И если счастья моего звезда
Не станет мне завидовать тогда,—

Пусть от людей я буду в стороне,
Покой да предоставлен будет мне.

Все должности с меня да снимет шах,
Чтоб я стихи слагал не впопыхах,

Пусть я у шаха иногда найду
И благосклонность к своему труду.

Я не Хосров, не мудрый Низами,
Не вождь поэтов нынешних Джами,

Но так в своем смирении скажу:
По их стезям прославленным хожу.

Пусть Низами победоносный ум
Завоевал Берда [1], Гянджу и Рум;

Пускай такой язык Хосрову дан,
Что он завоевал весь Индустан;

Пускай на весь Иран поет Джами,
В Аравии в литавры бьет Джами,—

Но тюрки всех племен, любой страны,
Все тюрки мной одним покорены!

Я войск не двигал для захвата стран,
Но каждый раз я посылал фирман [2].

Скажи: писал я дарственный диван
Не так, как государственный диван [3] —

И от Шираза до степей туркмен,
От Хорасана до китайских стен,—

Где б ни был тюрк,— под знамя тюркских с.
Он добровольно стать всегда готов...

И эту повесть горя и разлук,
Страстей духовных и высоких мук

Писал я вдохновенно день за днем
На милом сердцу языке родном.

О боже мой, тебе — моя хвала!
Твоя десница мой калам вела

И не закрыла книгу дней моих,
Пока не прозвучал последний стих!..

Год написанья книги: восемьсот
И восемьдесят девять [4]. Дни не в счет.

* * *

Побольше чару, кравчий! Поспеши,—
Чтоб друг поднес друзьям от всей души.

Полней налей,— хоть миг передохну:
Стоянки я достиг — передохну!

ПРИМЕЧАНИЯ

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ

О Каламе, о Низами, о Хосрове

[1] *Калам* — тростник, а также изготовляемое из тростника перо для письма.

[2] *Шебдиз* — имя легендарного вороного коня сасанида Хосрова, героя поэмы Низами «Хосров и Ширин».

[3] *Но мастью гнед.*— Навои имеет в виду кончик калама, обмакнутого в чернила.

[4] *Гянджа* — теперь Кировабад Азербайджанской ССР, родина великого азербайджанского поэта Низами (1141—1203).

[5] *На Инде певший соловей один.*— Навои говорит о великом индо-персидском поэте Эмире Хосрове из Дели (1253—1325).

[6] *Хызр* — таинственное существо, одаренное сверхъестественными способностями. Хызр сопровождал Искандера во время его хождения в страну вечного мрака за «живой водой». Хызр нашел источник, выпил этой воды и поэтому живет вечно. По поверью, он является путникам, заблудившимся в степи, и спасает их от гибели.

[7] *Пятерня* — намек на «Пятерицу» Низами.

[8] *Джами* — знаменитый таджикско-персидский поэт Абдаррахман Джами (1414—1492).

О Джами

[1] *Зиндепиль* — буквально: «вечно живой слон» — прозвание известного шейха Ахмеди Джам (1049/50—1141/2).

[2] *Скажи, что он великий материк.*— В оригинале здесь сложная игра слов: «севади а'зам» означает «величайшая область, величайший город», но этот эпитет специально прилагается к священному городу мусульман — Мекке. То есть он так лишен плоти, словно он — сама Мекка, сама святыня.

[3] *Для двух миров Джами кумиром стал.*— Точнее: для обитателей двух миров — физического и духовного, то есть для людей и духов.

[4] *Но чтоб ронял жемчужины тростник.*— Слова, появляющиеся из-под пера Джами, поэт сравнивает с жемчужинами. То есть все знают, что бывает сахарный тростник, но никто еще не слышал о тростнике, содержащем жемчуг.

[5] *Понимай слова гуляк!* — «Гуляки» понимаются здесь метафорически, как упивающиеся духовным вином.

[6] *Пиала* — небольшая чаша, сужающаяся книзу, без ручки.

Пояснение к поэме

[1] *Меркурий* — планета Меркурий (Утарид) в восточной астрологии — покровитель наук. На миниатюре она изображается в образе писца.

[2] *Алтаир* — название звезды Альфа в созвездии Орла.

[3] *Бейт* — двустишие.

[4] *Шекер* — исфаханская красавица, на которой, как рассказывает Низами, женился Хосров после смерти своей первой жены Мариам, дочери византийского кесаря.

[5] *Его Фархаду дан был царский сан: Его отцом китайский был хакан.*— В поэме Хосрова Дехлеви Фархад является китайским царевичем. Китай и Чин у узбекского поэта — Восточный Туркестан (Китайский Туркестан). Хакан — титул тюркских царей.

[6] *Слова начала людям по душе...*— Навои хочет сказать, что начинать любое произведение, даже новое, лучше, следуя старым образцам. Иначе поэт рискует, что мысль его произведения будет искажена.

[7] *«Алиф» у веры отними.*— Если у написанного арабским шрифтом слова «иман» — вера — отнять первую букву «алиф» («а», в данном случае не читающуюся и служащую только орфографическим знаком, обозначающим долготу первого «и»), оставшееся начертание будет читаться «яман» (то есть «йаман», причем первое, краткое «а» на письме не обозначается, а «й» обозначается тем же знаком, что и «и»),— плохой, дурной, злой.

[8] *Мы в солнце видим золото.*— Если у начертания слова «шемс» — солнце — отнять первую букву «ш» («шин»), оставшееся начертание будет читаться «мис» — медь (опять-таки краткие гласные «е» и «и» не обозначаются на письме).

Глава XII

Нумерация глав дается по первоисточнику.

[1] *Был до седьмого неба высотой.*— Астрономия мусульманского мира делит небо на семь сфер, расположенных одна над другой, причем каждая сфера — область одной из планет. Повелитель самой высокой седьмой сферы — Сатурн.

[2] *Афридун* (другая форма того же имени — Феридун) — один из мифических царей древнего Ирана.

[3] *Карун* (библейский Корей) — мифический богач, упоминаемый в коране.

[4] *Нет ни морщинки на ее чертах.*— В оригинале игра слов: слово «чин» означает «Китай», в то же время и «морщина, складка». То есть, если посреди ровных степей Китая еще кое-где имелись морщинки, нарушавшие их ровность, то это были города. Можно понимать этот бейт и так: «Даже степи и солончаки Китая от радости стали веселыми, как город».

Глава XIII

[1] *Луне прибавлен блеск.*— По древнему мусульманскому представлению, земля покоится на рогах огромной коровы, которая стоит на еще более громадной рыбе. Иначе говоря, красота младенца сияет на весь мир — от сферы луны до самых глубей под землею. Кроме того, бейт содержит игру слов, ибо «рыба» — махи, а «луна» — мах.

[2] *Блеск* — это *«фарр»*. Навои дает фантастическую этимологию древнего имени Фархад. *Фарр* — это божественная благодать, кото-

рая, по теократическим представлениям древнего Ирана, осеняет только членов царского дома. *Хади* (арабское) — водитель, указывающий путь к истине.

[3] *Пять первых букв...* — В начертании арабским шрифтом имя Фархад состоит из пяти букв (второе краткое «а» не пишется).

[4] *Невеста небосвода* — здесь слово «небосвод» взято в значении «судьба, мир». Восточные поэты обычно сравнивают мир с женщиной: он непостоянен и коварен, как жестокая красавица. Ввиду древности мира, он очень часто уподобляется коварной, злой старухе. В данном случае Навои, называя мир «невестой», подчеркивает, что мир был ласков к Фархаду, как нежная, любящая девушка.

[5] *То телом точка для него была.*— Точка в геометрии — величина воображаемая, но для острого ума мудрого учителя даже и воображаемое было телесным.

[6] *Алиф-Би* — название двух первых букв арабского алфавита и вместе с тем само слово «алфавит» (образовано так же, как и греческое «альфа-бета»).

[7] *Алам* —горе.

[8] *Бела* — бедствие.

[9] *Абджед* — первоначальные арабы пользовались арамейским алфавитом, порядок которого несколько отличается от порядка алфавита арабского. След этот сохранился в использовании букв для обозначения цифр. Для запоминания этого старого порядка был придуман ряд условных слов, состоящих из соответствующих букв. Первое из этих слов «абджед» составлено из букв а-б-дж-д, обозначающих цифры 1-2-3-4.

[10] *Альбурз* — Альбурзский хребет, огибающий южный берег Каспийского моря и делящийся на горы Талышские, Гилянские и Мазендеранские. Высшая его точка — погасший вулкан Демавенд (5500 м).

[11] *Руин-Тен* — прозвание витязя Исфендиара (одного из героев восточного эпоса), тело которого было неуязвимо,— в переводе означает «обладающий бронзовым телом».

Глава XIV

[1] *Алиф* — первая буква арабского алфавита, по начертанию представляющая собой прямую черточку.

[2] *Даль* (дал) — шестая буква, представляющая собой изогнутую линию.

[3] *Месневи* — буквально «сдвоенное» — название стихотворной формы, в которой оба полустишия, составляющие бейт (двустишие),

рифмуются между собой. Эта форма применялась в эпической поэзии, тогда как в лирике обычно господствует монорифмическая форма.

[4] *Меджнун* — буквально «одержимый» — прозвание арабского поэта Кайса из племени Бени-Амир. Он был прозван так за свою безумную любовь к прекрасной Лейли.

[5] *Гилманы* — прекрасные юноши, которым предстоит обслуживать праведников в раю.

[6] *Вазир* — царский советник, министр.

[7] *Мульк-Ара* — в переводе означает «украшающий царство».

[8] *Атабек* — дядька при особе царского рода, воспитатель его. В случае, если малолетний возведен уже на престол, атабек мог быть и регентом.

Глава XV

[1] *Бани* (по-арабски «строитель») — образ идеального архитектора, созданный Навои по аналогии с живописцем Мани.

[2] *Мани* — известный основатель учения манихеев (казнен в 244 г. н. э.). На Востоке его считали чудесным живописцем. Его священная книга (по иным вариантам, храм) Эртенг, или Эрженг, была якобы украшена миниатюрами исключительной красоты.

[3] *Коснулись глаз руками мастера.*— Жест, выражающий полную покорность, означает: «твой приказ мне дороже, чем зеница ока».

[4] *Рубаи* — четверостишие.

[5] *До Рыбы роют заступ и кирка* — то есть до самых глубин земли.

[6] *Тиша* — особый вид кирки.

[7] *Каф-гора* — одна из мифических гор на краю земли. Можно полагать, что легенда об этих горах связана с Кавказским хребтом.

Глава XVI

[1] *Джемшид* — мифический царь древнего Ирана.

[2] *Лал* — рубин. Россыпи рубинов в горном Бадахшане славились по всему Востоку.

[3] *Ирем* — название сада, подобного раю, который насадил мифический тиран Шеддад, обладавший властью над людьми и духами. Легенда говорит, что Шеддад умер, не успев войти в свой рай — Ирем.

Глава XVII

[1] *Мешшате* — служанка, на обязанности которой лежало наряжать и украшать свою госпожу.

[2] *Тамга* — всякая печать, клеймо. Здесь имеется в виду царская печать, которая обычно делалась в виде крайне сложной переплетенной вязи.

[3] *Дей* — десятый месяц солнечного иранского календаря (с 23 декабря по 21 января).

Глава XIX

[1] *Искандер* — Александр Македонский, который, как об этом рассказано в поэме Низами «Искандер-Намэ», считался на Востоке изобретателем зеркала, изготовлявшегося из полированного железа.

[2] *Харвар* — мера веса, около 300 кг.

[3] *Шах-заде* — царевич, принц.

[4] *Надир* — точка небесной сферы, противоположная зениту.

[5] *Рум* — так называли Византию и ее владения.

[6] *Сардар* — полководец.

[7] *Ахриман* — по представлениям зороастризма, начало зла на земле.

[8] *Букрат* — Гиппократ, знаменитый греческий врач с острова Коса (460—365 до н. э.).

Глава XXI

[1] *Сухейль* — мусульманское название звезды Канопус, которой средневековая астрология приписывала благотворное влияние.

[2] *Звезда добра* — то есть Сухейль.

[3] *Джамасп* — мифический персидский мудрец и астролог, его могилу показывают около деревни Кариде в Фарсе. Ему приписывается книга «Джамасп-Намэ», в которой он якобы предсказал будущие события.

[4] *Я обжигался в капищах огня.*— По старинному поверью, распространенному во многих странах, саламандры живут в огне.

[5] *Джемшидову найдешь ты чару в нем.*— По преданию, у Джемшида (см. примеч. к главе XVI) была чаша, взглянув в которую, можно было видеть все, что в данное время происходит в мире.

Глава XXII

[1] *Пылающий двуструйный нефтемет.*— Нефть была известна и в древности и применялась в военной технике.

[2] *Как змей небесный.*— Имеется в виду созвездие Дракона.

[3] *Батман* — мера веса, колеблющаяся в разных местах от 2,9 кг до 13,3 кг.

[4] *Сатурн* — по учению астрологии, Сатурн обладает злым влиянием, несет людям старость, болезни, горе.

[5] *Зуль-Фикар* — название меча халифа Али, в переводе означает «обладатель позвонков», что заставляет думать, что он был не ровный, а с волнистыми выступами.

[6] *Сулейман* — библейский царь Соломон; по преданию, ему было известно таинственное «высшее имя» бога. Оно было вырезано у него на перстне, и, владея этим перстнем, он повелевал не только всеми людьми, но и зверями и духами. Считается, что печать Сулеймана — это шестиконечная звезда (из двух скрещенных треугольников), в среднем поле которой вписано так называемое «неизреченное имя», то есть слово «Яхве».

Глава XXIII

[1] *Гуль* — злой дух, обитающий в степях и гористых местах, он сбивает странника с пути и, когда тот выбьется из сил, пожирает его.

[2] *Рустем* — одно из главных действующих лиц в центральной части «Шах-Намэ».

[3] *Белый див* — злой дух, с которым боролся и которого одолел Рустем. В данном случае «белый див» означает день. Кровь Дива — красное зарево заката.

Глава XXIV

[1] *Казан* — большой котел.

[2] *Руми* — румский (византийский), речь идет об Александре Македонском.

[3] *Поднес ему и чашу мира он.*— Чаша мира — здесь зеркало Искандера (см. примеч. к гл. XIX).

Глава XXV

[1] *Изъяны в виде старца — на луне.*— Наблюдаемые на луне невооруженным глазом пятна на Востоке считаются похожими на лицо старика.

[2] *Айван* — открытая галерея, портик.

[3] *Ятаган* — изогнутый меч.

[4] *Затопит и девятой сферы даль.*— Восточная астрономия различала семь сфер, присвоенных планетам и расположенных концентрически вокруг земли. За ними идут девять небес, за которыми следует уже «неподвижное небо», или эмпирей древних греков. Иначе говоря, до девятой сферы — то есть до самого возможного предела высоты.

[5] *Лукман* — легендарный арабский мудрец, которому приписывается множество различных афоризмов и изречений.

Глава XXVI

[1] *Тулпар* — чудесный конь в эпосе среднеазиатских народов.

Глава XXVII

[1] *Джауз* — знак зодиака Близнецы, солнце вступает в него во второй половине мая; следовательно, приближался конец июня.

Глава XXIX

[1] *Армен* — Армения.

Глава XXX

[1] *Джибраил* — библейский архангел Гавриил.

[2] *На лик ее венец не бросил тень...*— То есть она не суверенный правитель, а лишь вассал, но все же крайне могущественна.

[3] *Ягач* — мера длины, по одним сведениям, равная фарсаху, то есть около 7 километров, по другим — это взятое трижды расстояние, на которое может быть услышан громкий крик.

Глава XXXI

[1] *Гульгун* — означает «розоцветный», здесь кличка коня.

[2] *Что те же губы рассыпают соль.*— Соль — обычная метафора для остроумной, меткой речи.

Глава XXXIV

[1] *Что Зодиака знак облюбовал.*— То есть Солнце (Ширин) решило войти в водный знак, то есть знак Водолея, иначе говоря, к арыку.

[2] *Но ветерок, чья ноша серебро...*— Быстроногий конь уподоблен ветерку, Ширин — сребротелая красавица — серебру.

Глава XXXV

[1] *Чтоб хрусталя гранит коснуться мог.*— То есть, чтобы встретились Ширин и Фархад, ибо встреча камня с хрусталем опасна: он может разбить стекло.

[2] *Одна могла в моря стихов нырять...*— Слово «море» («бахр») означает также размер в поэзии. То есть она была знакома с метрикой.

[3] *Круг мелодий* — вся система средневековой классической музыки.

[4] *Что днем Меркурий в небе засиял* — см. примеч. к гл. «Пояснение к поэме».

Глава XXXVI

[1] *Аджемский шах.*— Аджем — так называли арабы всех не арабов, слово это означает «немой, не умеющий говорить». Позднее словом «аджем» стали называть главным образом иранцев.

[2] *Хосров Парвиз* — лицо историческое, шах из династии сасанидов, правил от 590 г. по 628 г. н. э. Легенда о его любви к Ширин впервые была изложена у Фирдоуси в «Шах-Намэ», затем ее подробно разработал Низами.

[3] *Хотя имел супругу он.*— Хосров Парвиз, согласно преданию, был женат на Мариам, дочери византийского кесаря.

[4] *Туба* — дерево в райском саду.

[5] *Ковсер* — источник в раю.

Глава XXXVII

[1] *Джейран* — антилопа.

[2] *Кааба* (точнее ка'ба) — храм в Мекке — главная святыня ислама.

[3] *Как солнце в сонме ярких Муштари.*— Муштари — планета Юпитер; кроме того, здесь игра слов: «муштари» по-арабски — «покупатель».

Глава XXXVIII

[1] *Миль* — термин, обозначающий верстовой столб, и не имеет ничего общего со словом «миля»,— иначе говоря, на много перегонов.

[2] *Бахрам* — планета Марс, по древним астрологическим представлениям, покровитель воинского дела.

[3] *Бывали звезды нижние видны.*— То есть они видели, как в воде отражались звезды.

[4] *И лунку шлема твоего собью.*— Металлическая лунка на острие шлема.

Глава XLI

[1] *А душу в чем, зачем не спросишь ты?* — То есть любовь, как душа, во всем теле, Фархад весь пронизан любовью.

[2] *Он звался Селасиль.*-- Селасиль — по-арабски означает «цепи», «оковы».

Глава XLII

[1] *Лайли (Лейли)* — героиня известной легенды о любящей паре — Лейли и Меджнун.

[2] *Хума* — Гамаюн русских сказок, фантастическая птица.

[3] *Слезами шкуру волка оросив, он вспоминал, как был Юсуф красив.*— Юсуф — библейский Иосиф Прекрасный, упоминается в свя-

зи с волком, ибо братья, продав его в рабство, сказали отцу, что его якобы растерзал волк. Иаков так рыдал от горя, что ослеп, и бог, сжалившись над ним, повелел волку пойти к Иакову и человеческим голосом сказать, что он не растерзал Иосифа.

[4] *Кулан* — дикий осел.

[5] *Архар* — горный козел.

Глава XLIII

[1] *«Покой! Покой!»* — В этой и последующих строках поэт от имени своего героя обращается к Сатурну с просьбой дать ему терпение, стойкость пережить разлуку любви.

Глава XLIV

[1] *О нем газели пели там певцы.*— Газель — лирическое стихотворение, обычно имеющее своей темой выражение любовных страданий.

Глава XLV

[1] *Михраб* — ниша в мечети, указывающая на мекканский храм, куда надлежит обращаться с поклоном во время молитвы.

[2] *Вообразишь мои две розы ты.*— Розы — щеки.

[3] *Билькис* — имя легендарной царицы Савской, которая, по преданию, была влюблена в Сулеймана (Соломона).

Глава XLVI

[1] *Но четырех ей мало было глаз.*— Четырехглазой называется собака, у которой пятна над глазами, но «смотреть в четыре глаза» в то же время значит — жадно, нетерпеливо вглядываться, высматривать.

Глава XLIX

[1] *Хотан* — Восточный Туркестан.

[2] *«Ла-Хавл»* — первые слова молитвенной формулы «Нет силы и

нет могущества, кроме как у аллаха всевышнего». Эти слова произносятся при сильном изумлении, испуге, горе, сильной боли.

Глава L

[1] *Ютимся мы на четверти одной.*— Мусульманские географы считали, что из всей земли обитаема только одна четвертая часть.

[2] *А кто их зарывает каждый день...*— Раз небо каждый день зарывает меч и таз, то есть солнце и луну, то, следовательно, оно казнит каждый день по тысяче человек.

Глава LI

[1] *Шируйя* — Сасанидский царь Шируйя, сын Хосрова Парвиза (умер в 628 г.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

[1] *Берда (Бердаа)* — в древности главный город западной части Азербайджанской ССР, области, носившей тогда название Арран (древняя Албания).

[2] *Фирман* — приказ, указ.

[3] *Диван* — совет, совещание, канцелярия, но этим же словом обозначается собрание лирических стихотворений, расположенных по особому, установленному традицией порядку.

[4] *Год подписанья книги: восемьсот...*— Год 889 от хиджры по мусульманскому летоисчислению соответствует 1484 г. нашей эры.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Поэма «Фархад и Ширин» великого узбекского поэта-мыслителя Алишера Навои основана на древней легенде, широко распространенной в литературах Востока и уходящей своими корнями в глубь веков.

Эта легенда послужила темой для многих любовно-романтических поэм. Ее сюжет под разными названиями: «Хосров и Ширин», «Фархад-Наме», «Фархад и Ширин» можно встретить в узбекской, персидско-таджикской, азербайджанской, арабской, индийской и других литературах Востока. Одним из первых, кто создал на эту тему самостоятельное произведение письменной литературы, был великий азербайджанский поэт Низами Гянджеви (1141—1209). Вслед за Низами к этой теме обратился основоположник персидско-таджикской литературы Индии Хосров Дехлеви (1253—1325), написавший поэму «Ширин и Хосров».

Таким образом, данная тема не только способствовала появлению новых и новых произведений, но и становилась важным условием для развития и укрепления творческих связей восточных литератур. В литературах XIV—XV веков вновь встречается поток про-

изведений на ту же тему: поэмы азербайджанского писателя Арифа Ардабили (XIV в.), узбекского поэта Кутба Хорезми (XIV в.), турецкого поэта Мухаммеда Шайхи (XV в.) и др.

Среди них особое место занимает поэма «Фархад и Ширин», созданная гением Алишера Навои. Она написана в 1484 г. Алишер Навои в поэмах, вошедших в «Пятерицу», в частности в «Фархаде и Ширин», раскрывает свое творческое отношение к древней литературной традиции. Во вступлении к поэме он широко излагает свои мысли по истории написания поэмы. С уважением упоминает имена творцов легенды о Фархаде и Ширин, начиная от первого автора «Пятерицы» Низами и Хосрова Дехлеви и кончая поэтом Ашрафом (XV в.), написавшим «Хосров и Ширин» по-новому. Выразив сердечную благодарность своим предшественникам и своему учителю — выдающемуся таджикскому поэту и мыслителю Абдаррахману Джами (1414—1492), он отмечает отличие своего произведения от упомянутых выше.

В поэме ясно ощущается пристальное внимание Навои к древним повестям о Фархаде, горячее желание вдохнуть в них новую жизнь. Изображая Фархада как главного героя (в отличие от предшественников), Навои первым в литературе Востока нарисовал этот образ с высоким художественным мастерством и тонким вкусом. Любовь сына хакана Восточного Туркестана и царевны Ширин — основное содержание поэмы. Однако узбекский поэт, изображая перипетии любви героев, ставит ряд важных для своего времени вопросов: мысли поэта о справедливом царе, заботящемся о народе, идея просветительства и прославление творческого труда, защита интересов своего и других народов. Человек большого таланта и учености, глубоко гуманный и трудолюбивый, унаследовавший необыкновенную храбрость героев древнего эпоса, благородный и преданный в любви, Фархад воплощает все прогрессивные силы эпохи.

Поэма «Фархад и Ширин» Навои была широко распространена как при жизни поэта, так и в последующие годы. Любопытно проследить историю ее перевода. В XVI в. турецкий поэт Лами принялся за перевод этой поэмы о любви и труде. Есть сведения о ее переводе в XVIII в. на грузинский язык [1].

Известно несколько прозаических переложений поэмы на узбекском языке.

Самое широкое распространение поэма «Фархад и Ширин» получила лишь после Октябрьской социалистической революции. Поэма

---

[1] История грузинской литературы, Тбилиси, 1958, стр. 69.

великого мастера слова переведена на языки народов братских республик нашей страны, а также на венгерский и немецкий языки.

Перевод «Фархад и Ширин» на русский язык принадлежит перу крупного поэта и переводчика Л. М. Пеньковского — известного автора переводов многих узбекских литературных памятников. Благодаря его талантливому перу русские читатели познакомились и с узбекским героическим эпосом «Алпамыш».

Перевод поэмы «Фархад и Ширин» Алишера Навои на русский язык был издан в 1940 г. в сокращенном виде. Полный перевод — плод многолетнего труда его автора. Работа над поэмой требовала от переводчика большого трудолюбия, увлеченности и любви к ней, ибо сюжет произведения, его композиция и образы необычайно сложны, богаты событиями. Если учесть еще особенности поэтического стиля и языка Навои, то ясно, насколько трудна и важна была задача, поставленная перед переводчиком. Подстрочный перевод поэмы осуществлен З. Аксаковым и отредактирован крупным ученым востоковедом проф. Е. Э. Бертельсом. Л. М. Пеньковский же на его основе создал прекрасный поэтический перевод. «Фархад и Ширин» написана размером хазадж — традиционным для любовно-романтических поэм на Востоке. В русском стихосложении такого размера не существует и поэтому переводчик удачно воспользовался пятистопным ямбом.

При помощи этого размера Л. М. Пеньковскому, имеющему большой поэтический опыт и мастерство переводчика, удалось на русском языке передать звучание поэмы, отразить ее основные поэтические образы, сохранить дух оригинала. В процессе работы Л. М. Пеньковский сотрудничал с востоковедами и навоиведами, тщательно изучал материалы об эпохе, жизни и творчестве Алишера Навои. Все это также положительно сказалось на качестве художественного перевода. Благодаря вышеотмеченным достоинствам перевод Л. М. Пеньковского еще в своем первоначальном варианте был признан одним из лучших переводов произведений Алишера Навои. С тех пор он не раз переиздавался (в 1943, 1946, 1948, 1956, 1967 гг.), а отрывки из поэмы были включены Л. М. Пеньковским в его сборники [2].

При сравнении данного варианта перевода с предыдущими видны новые и новые поиски переводчика, обладающего большими знаниями восточной литературы, умеющего точно и художественно передать рус-

[2] Л. М. Пеньковский. Избранные стихотворные переводы, М., 1959; Сквозь века и годы, Ташкент, 1960; Навои. Стихотворения и поэмы, М.—Л., 1965 и др.

скому читателю оригинал великого Навои. Подготавливая перевод поэмы «Фархад и Ширин» для десятитомника сочинений Навои, переводчик снова обратился к первоисточникам, переработал и дополнил русский текст поэмы. Мы надеемся, что переводчик и в дальнейшем будет работать над усовершенствованием своего труда.

Алишер Навои — поэт, мечтавший своими произведениями оставить след в сердце народов. Сегодня его желание полностью исполнилось. Талантливые произведения гениального узбекского поэта с каждым днем находят все больше и больше читателей, становятся любимыми книгами всех народов. Это — лучшая оценка наследия великого узбекского поэта.

Садыр Эркинов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление к поэме 5
О Каламе, о Низами, о Хосрове 5
О Джами 7
Пояснение к поэме 9
Глава XII. Рождение Фархада 15
Глава XIII. Воспитание Фархада 21
Глава XIV. Обреченность Фархада 28
Глава XV. Строительство дворцов 35
Глава XVI. Отделка дворцов 43
Глава XVII. Пиры во дворцах 52
Глава XVIII. Хакан предлагает Фархаду свой трон 62
Глава XIX. Зеркало Искандера 73
Глава XX. Фархад мечтает о подвигах 81
Глава XXI. Поход в Грецию 87
Глава XXII. Фархад убивает дракона 97
Глава XXIII. Фархад убивает Ахримана 106
Глава XXIV. Фархад добывает зеркало мира 115

Глава XXV. Фархад у Сократа 124
Глава XXVI. Видение в зеркале Искандера 135
Глава XXVII. Врачи посылают Фархада на острова 144
Глава XXVIII. Кораблекрушение 150
Глава XXIX. Спасение Фархада и встреча с Шапуром 158
Глава XXX. Фархад с Шапуром прибывают в страну Армен 170
Глава XXXI. Встреча Фархада с Ширин 180
Глава XXXII. Ширин влюбляется в Фархада 190
Глава XXXIII. Фархад заканчивает арык и строит замок для Ширин 196
Глава XXXIV. Праздник водопуска 205
Глава XXXV. Фархад на пиру у Михин-Бану 213
Глава XXXVI. Сватовство Хосрова 224
Глава XXXVII. Михин-Бану отказывает Хосрову 230
Глава XXXVIII. Нашествие Хосрова на страну Армен . . . 239
Глава XXXIX. Осада крепости Армен 247
Глава XL. Пленение Фархада 254
Глава XLI. Допрос Фархада Хосровом 261
Глава XLII. Жизнь Фархада в Селасильском узилище 273
Глава XLIII. Тяжелые страдания Фархада в Селасильском узилище 280
Глава XLIV. Шапур находит Фархада 288
Глава XLV. Письмо Ширин к Фархаду 298
Глава XLVI. Письмо Фархада к Ширин 307
Глава XLVII. Шапур попадает в руки Хосрова 317
Глава XLVIII. Колдунья обманывает Фархада 324
Глава XLIX. Смерть Фархада 331
Глава L. Мир между Хосровом и Михин-Бану 348
Глава LI. Смерть Ширин 361
Глава LII. Бахрам восстанавливает мир в стране Армен 373
Заключение 384
Примечания 387
Послесловие 401

АЛИШЕР НАВОИ

Собрание сочинений в 10 томах

ФАРХАД И ШИРИН, т. IV

Редактор Издательства Н. А. Зиганшина
Художественный редактор В. С. Тий
Технический редактор Х. У. Карабаева
Корректор Л. А. Спичкина

Сдано в набор 17/I-68. Подписано к печати 12/III 1968 г.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$ = 6,1 бум. л.— 21,5 + 1 вкл. печ. л.
Тираж 50 000 Заказ № 2367. Цена 1 р. 32 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Адрес Издательства: г. Ташкент, Гоголя, 70.

Алишер Навои